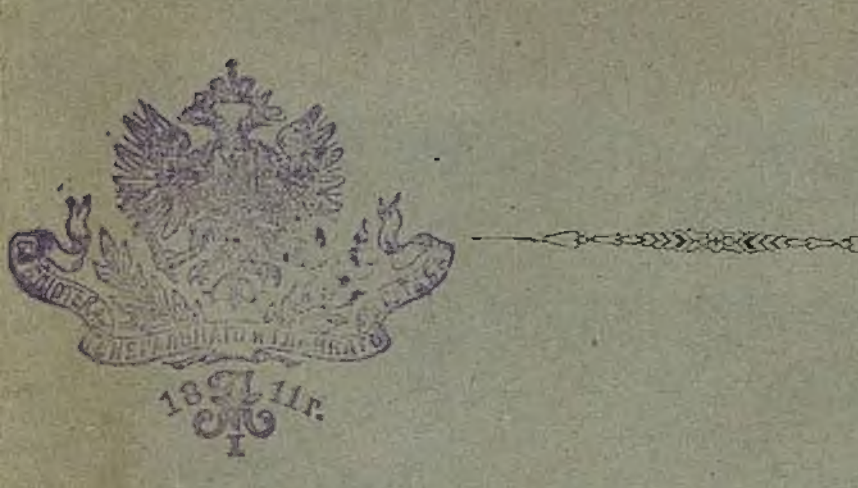
ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIV, выпускъ 3.

ВОТЯКИ

САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДА

ВЯТСКОЙ ГУБ.

Гр. Верещагина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1889.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIV, выпускъ 3.

ВОТЯКИ
САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДА
ВЯТСКОЙ ГУБ.

Гр. Верещагина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1889.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Третій выпускъ XIV тома Записокъ Императ. Русск. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи изданъ подъ наблюденіемъ
П. А. Соколовскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый въ настоящее время трудъ г. Верещагина служитъ дополненіемъ къ описанію быта „Вотяковъ Сосновскаго края“, напечатанному въ 2-мъ выпускѣ этого тома. Кромѣ новыхъ матеріаловъ, авторъ сообщаетъ здѣсь не мало варіантовъ преданій и сказаній, сообщенныхъ имъ въ названной книгѣ.

Всѣ свѣдѣнія собраны г. Верещагинымъ лѣтомъ 1887 года преимущественно въ Завьяловской волости Сарапульскаго уѣзда.

П. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Различные обряды и обычаи:

Повѣрья и легенды:

Дѣтскія игры:

Обманы и шутки.

Разсказы.

Сказки.

Предварительныя замѣчанія.

Около притоковъ Камы и Волги обитаютъ различныя инородческія племена, еще не достигшія той ступени образованія, на которой стоятъ великоруссы. Бо̀льшая часть этихъ инородцевъ, упорно сохраняя всѣ физическія и нравственныя свойства, отличающія эти племена, остаются въ томъ же положеніи, въ какомъ были предки ихъ. Къ такимъ инородцамъ принадлежатъ и *вотяки*, причисляемые къ народамъ финской расы.

Мы здѣсь будемъ говорить о вятскихъ вотякахъ.

Извѣстно изъ исторіи Вятскаго края, что занимаемая нынѣ русскими Вятская страна (прежде Хлыновская область) въ древнія времена была населена народами финскаго племени, въ томъ числѣ и вотяками, стоявшими на низкой ступени образованія. По вытѣсненіи ихъ оттуда новгородскими выходцами, финны поселились въ различныхъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ селеній и большихъ дорогъ, преимущественно въ мѣстностяхъ глухихъ, среди лѣсовъ, и, живя на избранныхъ мѣстахъ, какъ и прежде, безъ всякаго стремленія къ улучшенію своего быта, тупѣли больше и больше. Съ теченіемъ времени, когда народонаселеніе умножилось, судьба ихъ снова столкнула съ иноплеменниками—русскими и татарами. Эти два племени, какъ видимъ изъ хранящейся у насъ рукописи 1703 г., были угнетателями вотяковъ: они позволяли себѣ дѣлать надъ тихими вотяками всякаго рода насилія, обиды, словомъ угнетали ихъ, а татары, особенно мурзы ихъ, наполняли вотякскими дѣвицами свои гаремы. Вслѣдствіе этого, по жалобамъ или челобитьямъ вотяковъ, русскимъ и татарамъ строго было запрещено не только чинить вотякамъ обиды, но и имѣть съ ними всякое сношеніе, и въ

добавокъ на владѣемыя вотяками земли даны были особыя грамоты съ тѣмъ, чтобы въ чертѣ вотякскихъ владѣній ни русскіе, ни татары не основывали никакихъ поселковъ и не захватывали вотякскихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, вотяки, составивши какъ бы отдѣльную касту, жили безъ всякихъ сношеній съ иноплеменниками, пока на просвѣщеніе ихъ христіанскою вѣрою не было обращено вниманіе. Вотяки-язычники своею дикостію, своимъ вѣрованіемъ въ многобожіе обратили на себя особенное вниманіе православной миссіи и верховной власти, и для просвѣщенія ихъ были приняты дѣятельныя мѣры. Чтобы легче обратить вотяковъ-язычниковъ въ христіанство, имъ даны были различныя льготы и въ результатѣ миссія достигла того, что они приняли христіанскую вѣру.

Съ этого времени позволено было русскимъ сближаться съ вотяками и вступать съ ними въ родство. Въ этомъ обращающіе ихъ предвидѣли, несомнѣнно, ту пользу, что они, вотяки, сближаясь съ русскими, будутъ освоиваться съ языкомъ ихъ, переймутъ ихъ хорошіе обычаи, а съ усвоеньемъ русскаго языка легче поймутъ и догматы христіанскаго ученія.

Въ настоящее время вятскіе вотяки проживаютъ въ шести уѣздахъ Вятской губерніи: Глазовскомъ, Сарапульскомъ, Елабужскомъ, Малмыжскомъ, Слободскомъ и Уржумскомъ. Главная масса ихъ обитаетъ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Численность ихъ въ 1875 году достигала приблизительно до 264,411 душъ обоего пола, въ томъ числѣ:

Въ Глазовскомъ	уѣздѣ	мужск.	49,047
» »	»	женск.	54,050
» Сарапульскомъ	»	мужск.	34,843
» »	»	женск.	34,982
» Елабужскомъ	»	мужск.	18,541
» »	»	женск.	19,614
» Малмыжскомъ	»	мужск.	23,298
» »	»	женск.	24,870
» Слободскомъ	»	мужск.	2,466
» »	»	женск.	2,560
» Уржумскомъ	»	мужск.	68
» »	»	женск.	72

Кромѣ Вятской губерніи вотяки обитаютъ въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, въ Мамадышскомъ и Казанскомъ, Казанской губ., въ Бирскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи и въ Бугульминскомъ, Самарской губ.

Вотяки вышепоименованныхъ шести уѣздовъ Вятской губерніи какъ религіей, такъ и развитіемъ, а отчасти и бытомъ отличаются другъ отъ друга очень рѣзко, смотря по тому, среди какого иноплеменнаго имъ народа живутъ и когда просвѣтились христіанскою вѣрою; также, отличаются и костюмомъ, и нарѣчіемъ. Такъ, напримѣръ, глазовскіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ сравненіи съ сарапульскими, представляютъ рѣзкое отличіе: первые развитѣе, опрятнѣе, чище; во всемъ у нихъ сказывается комфортъ, умѣнье вести дѣло. Сарапульскіе, наоборотъ, грязны, неопрятны, прозябаютъ въ невѣжествѣ, вѣрятъ въ многобожіе. Только въ отношеніи средствъ къ жизни сарапульскіе стоятъ гораздо выше глазовскихъ, земля у коихъ вообще плоха, отчего населеніе почти каждый годъ терпитъ чувствительный недостатокъ въ средствахъ къ существованію. Конечно, нельзя давать предпочтенія предъ сарапульскими всѣмъ вообще глазовскимъ: и въ Глазовскомъ уѣздѣ есть еще такіе вотяки, которые недавно вышли изъ полудикаго состоянія, но, по крайней мѣрѣ, нѣтъ тамъ такихъ обрядовъ языческаго жертвоприношенія, какіе совершаются открыто въ Сарапульскомъ уѣздѣ. Глазовскіе вотяки домашнимъ комфортомъ мѣстами превосходятъ и русскихъ, вращающихся около нихъ. Они первые приняли христіанскую вѣру, первые поняли пользу грамотности и умѣютъ приложить пріобрѣтенныя ими ученіемъ свѣдѣнія къ житейской практикѣ. Начало ихъ просвѣщенію положилъ, по преданію самихъ ихъ, преподобный Трифонъ, вятскій чудотворецъ. Объ этомъ святомъ мужѣ и теперь еще живо преданіе между вотяками Глазовскаго уѣзда. Насколько понимаютъ глазовскіе вотяки христіанскую вѣру на сколько почитаютъ просвѣтителя своихъ предковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, слышаннаго пишущимъ эти строки, который былъ очевидцемъ почитанія глазовскими вотяками небольшаго ключа, пробившагося недавно изъ подъ твердыхъ слоевъ земной коры, при деревнѣ Каменномъ Задѣльѣ или просто Задѣльѣ на берегу рѣки Чепцы, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по сказанію, во время оно былъ преподобный Трифонъ.

Проѣзжая по дорогѣ въ Глазовъ, въ началѣ іюня 1886 г., чрезъ село Задѣлье, я увидѣлъ, что на улицѣ, за канавами около заборовъ и избъ, стоятъ и сидятъ группы народа обоего пола, преимущественно вотскаго племени, кто съ котомкой за плечами, кто съ кузовомъ въ рукѣ, что доказывало, что въ деревню пришли они еще недавно.

— «Не молебна ли они дожидаются здѣсь?»—спросилъ я своего ямщика, который ранѣе во время дороги сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о ключѣ.

— «Да, молебна»,—сказалъ онъ.

Я обратился къ ямщику съ просьбой «показать» мнѣ ключъ, до котораго было, по словамъ его, около 100 саж. въ сторону отъ дороги. Онъ, хотя и неохотно, но все-таки согласился удовлетворить мою просьбу.

Проѣхавши отъ деревни небольшое разстояніе, ямщикъ мой повернулъ на лѣво, говоря: «вотъ дорожка на ключъ!» Дорожка для проѣзда на телѣгѣ проложена, какъ видно, недавно; края ея обрамляются тропинками пѣшихъ, идущихъ, вѣроятно, на ключъ и возвращающихся съ него; полотно же дорожки, вслѣдствіе грязи и воды въ колеяхъ, неудобно для прохода пѣшему и самая дорожка пролегаетъ по низменностямъ, поросшимъ деревьями различныхъ породъ. Пробравшись шагомъ, мы выѣхали на поляну къ огороду и какъ разъ очутились на берегу Чепцы, напротивъ ключа. Я, соскочивши съ телѣги, приказалъ ямщику остаться при моемъ багажѣ, а самъ спустился ко ключу. Спускъ ко ключу хотя и крутъ, но удобенъ, такъ какъ берегъ снабженъ ступеньками, представляющими собой лѣстницу. Подъ самымъ берегомъ вставленъ въ землю чугунный котелъ, въ поперечникѣ около трехъ четвертей. Котелъ до краевъ наполненъ водой, пробивающейся, вѣроятно, изъ подъ этой посуды, гдѣ долженъ быть, такъ называемый, *кипунъ*. Вотъ этотъ кипунъ или родникъ и есть чудесный ключъ, который мнѣ хотѣлось видѣть.

Я наклонился къ котлу и хлебнулъ горсти три воды. Вода на вкусъ мягка и прѣсна какъ обыкновенная рѣчная, чѣмъ и доказывается, по моему мнѣнію, отсутствіе въ ней такихъ минеральныхъ частей, какія содержатъ въ себѣ цѣлебные ключи, но мутна. У котла устроены полки, какъ видно, для иконъ, которыя

приносятъ изъ села Балезина въ Духовъ день для служенія молебна.

Между тѣмъ, какъ я осматривалъ мѣстность, на ключъ спускались одна за другой женщины-вотячки и черпали изъ котла въ имѣющіяся при нихъ стклянки воду, а иныя и умывались ею. Тутъ случайно я услышалъ отъ нихъ разговоръ о преподобномъ Трифонѣ и, желая имѣть свѣдѣнія о преданіи, какое существуетъ въ произведеніяхъ устной словесности этого народа, спустился опять ко ключу и обратился къ одной изъ женщинъ-вотячекъ, хорошо усвоившей русскій языкъ:

— «По какому случаю»,—сказалъ я,—«начали почитать этотъ ключъ?»

И женщина-вотячка сообщила слѣдующее:

— «Говорятъ (люди, т. е., вотяки и русскіе), что здѣсь когда-то мужики добывали жерновые камни и къ нимъ пришелъ преподобный Трифонъ. Святой мужъ просилъ ихъ принять его въ свою артель для работы, но они ни то—ни се сказали; а въ это время рабочіе докопались до огромнаго камня и никакъ его не могли шевельнуть съ мѣста. Время было уже вечернее. Преподобный Трифонъ обвелъ камень чертой и сказалъ: «завтра, съ Божіей помощью, этотъ камень добудете». Такъ рабочіе и оставили камень до слѣдующаго дня, но на слова святого мужа не обратили вниманія, а нѣкоторые слова его приняли за шутки и за хвастовство. Утромъ рабочіе видятъ, что камень огромной величины добытъ изъ земли,—только обтесывай его. Мужики-невѣжды заключили, что Трифонъ, обведшій камень чертой,—колдунъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые начали говорить ему дерзости и, конечно, въ свою артель не приняли. Тогда преподобный Трифонъ камень тотъ скатилъ въ Чепцу и поплылъ на немъ внизъ по теченію рѣки, какъ на легкомъ плотикѣ. Тогда только опомнились мужики и сказали себѣ, что Трифонъ—мужъ святой. Стали просить его вернуться, но онъ не вернулся, а поплылъ внизъ. А почитать этотъ ключъ, сказала женщина, начали недавно и вотъ по какому случаю: проходилъ здѣсь съ инструментами землемѣръ, а у этого землемѣра болѣли глаза. Подошелъ онъ по какому-то тайному влеченію ко ключу, наклонился къ нему, умылся водой его и тутъ же совершилось чудо: съ глазъ болѣзнь сошла какъ грязь съ руки. Объ этомъ

чудѣ узнали многіе изъ окрестныхъ селеній и больные начали приходить сюда съ вѣрой въ чудодѣйственную силу воды и многіе получали совершенное исцѣленіе».

За этой повѣстью начала разсказывать свою повѣсть, основанную на преданіяхъ народа и дѣйствительныхъ фактахъ исцѣленія, и другая женщина, но слушать далѣе я не могъ, потому что ямщикъ уже звалъ меня.

Не знаю, насколько вѣрно такое преданіе. Если принять во вниманіе другія преданія, то несомнѣнно, что здѣсь былъ преподобный Трифонъ. Одно же изъ такихъ преданій *) говоритъ намъ, напротивъ, что преподобный Трифонъ *работалъ* на Каменномъ Задѣльѣ, гдѣ, между прочимъ, тесалъ камни на мельничные жернова. Отъ рабочихъ онъ переносилъ всякаго рода насмѣшки: лили на него помои, толкали его, плевали на него и т. д. Однажды на берегу рѣки Чепцы, Трифонъ, послѣ разныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, скатилъ жерновъ въ рѣку и тутъ совершилось чудо: жерновъ не утонулъ, а лежалъ на водѣ, какъ на твердой землѣ. Трифонъ сѣлъ на жерновъ и поплылъ внизъ по теченію рѣки. Пораженные этимъ чудомъ, насмѣшники обратились къ нему съ такими словами: «воротись, отче Трифоне!» Трифонъ сказалъ на это: «оставайтесь съ Богомъ!»

По дорогѣ къ селу Балезину на каждой верстѣ встрѣчались намъ группы женщинъ и мужчинъ вотскаго происхожденія и на вопросы наши: куда идете? отвѣчали: «въ Задѣлье».

При возвращеніи изъ г. Глазова мнѣ передавали, что на молебствіи было около 500 челов., что кромѣ денегъ за общій молебенъ пожертвовано еще много холста, но подъ словомъ «много» какую именно цифру аршинъ должно разумѣть—мнѣ неизвѣстно.

Изъ вышеизложеннаго разсказа можно заключить, что глазовскіе вотяки достаточно усвоили христіанское вѣрованіе. Напротивъ, между сарапульскими вотяками, обитающими въ глуши, вы будете представлять себя въ мірѣ язычниковъ, гдѣ не только въ лѣсахъ и поляхъ, но и во дворахъ стоятъ языческіе храмы, куда

---

*) См. Вотяки Сосновскаго края (Записки И. Р. Г. О. по отд. этн., т. XIV, вып. 2-й, 1886 г., стр. 202).

стекается поклонниковъ болѣе, чѣмъ въ церковь, и моленье совершается открыто, на глазахъ мѣстныхъ священноцерковнослужителей.

Видя обряды жертвоприношеній сарапульскихъ вотяковъ, мы невольно переносимся мыслью назадъ въ прошедшее столѣтіе. когда языческіе обряды вотяковъ въ Глазовскомъ уѣздѣ преслѣдовались со всею строгостью духовныхъ и гражданскихъ законовъ, благодаря которымъ въ Глазовскомъ уѣздѣ уже нѣтъ такихъ обычаевъ, которые связаны съ вѣрой въ многобожіе. Но, можетъ быть, гдѣ нибудь въ глуши еще не забыты они, но такъ маловажны, что не обращаютъ на себя вниманія.

На сколько преслѣдовались языческіе обычаи глазовскихъ вотяковъ, можно видѣть и изъ указовъ, хранящихся въ церковныхъ библіотекахъ, напримѣръ, Поломской церкви. Такъ, въ одномъ изъ хранящихся въ этой церкви указовъ вятской Духовной Консисторіи отъ 8 марта 1752 г. за № 5 читаемъ, что новокрещенъ Иванъ (отечество нами неразобрано) съ товарищами приглашали изъ Казанскаго уѣзда вотскаго попа Яшку для вотскихъ молитвъ въ деревнѣ Люкѣ, на полѣ у лѣсу, на четвертой недѣлѣ Великаго мясоястія; хотя и не молились, но имѣли къ тому охоту, и за это опредѣлено: перваго изъ нихъ, на страхъ другимъ, *наказать плетьми нещадно*, что и исполнено въ дер. Зурѣ въ присутствіи назначеннаго отъ Слободской воеводской канцеляріи депутата.

Не только сами новокрещенные, но и духовенство, въ пресѣченіе соблазна, подвергалось карѣ за маловажные, по нынѣшнимъ временамъ, проступки. Причетники Кочкинъ и Лохтинъ во время молебствія позволили себѣ въ разсѣянности посмѣяться, и за это, по указу Слободскаго Духовнаго Правленія отъ 10 марта 1782 г. за № 108-й, опредѣлено имъ такое наказаніе: остричь имъ кругомъ волосы, при собраніи священно-церковнослужителей и семинаристовъ въ каѳедральномъ соборѣ положить имъ по 300 земныхъ поклоновъ и запретить облаченіе въ стихарь; чрезъ полгода велѣть имъ въ приходской церкви при собраніи близьживущихъ опять положить во время священнослуженія 300 земныхъ поклоновъ.

Чтобы легче обратить инородцевъ въ христіанство, даны были имъ, какъ замѣтили мы уже выше, льготы, что видимъ и изъ указа Императрицы Екатерины отъ 28 мая 1764 г., изъяс-

неннаго въ указѣ Вятской Духовной Консисторіи за № 1202. Въ указѣ этомъ говорится слѣдующее: отъ содержащихся подъ карауломъ по маловажнымъ дѣламъ (инородцамъ) въ первомъ или другомъ маловажномъ проступкѣ-воровствѣ потребовать св. крещенья, потомъ освобождать отъ ареста.

Въ 1717 году послѣдовалъ указъ Петра Перваго о переписи вотяковъ по дворамъ, для обложенія ихъ подушною податью, а равно и для того, чтобы они несли рекрутскую повинность; съ этимъ годомъ совпало и начало обращенія вотяковъ въ христіянство, причемъ ихъ старались склонить къ принятію этой вѣры денежными наградами и освобожденіемъ на три года отъ податей и повинностей. Новокрещенные освобождались на три года и отъ рекрутской повинности, которой они боялись ужасно; также, даровались имъ различныя льготы; о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже упомянули выше *).

Строго было воспрещено священноцерковнослужителямъ вымогательство отъ инородцевъ. Такъ, напримѣръ, дьячекъ Сергѣй Мальгиновъ за вымогательство съ вотяка Исая Загребина Чутырскаго прихода, Рубежскаго конца, Игринской доли, Слободскаго уѣзда, по указу Вятской Духовной Консисторіи отъ 10 марта 1757 г., за № 277, оштрафованъ 2 руб.

Изъ примѣровъ этихъ видимъ, что духовная и свѣтская власть всѣми мѣрами старались просвѣтить инородцевъ христіанскою вѣрою, чтобы вмѣстѣ съ этимъ вывести изъ этого народа всѣ языческіе обычаи. Вѣроятно принимались и кроткія мѣры, которыя и привели глазовскихъ вотяковъ къ тому религіозному состоянію, въ какомъ они находятся теперь. Сарапульскіе вотяки не всѣ встрѣтили такія заботы, поэтому и не могли подняться на ту ступень религіознаго образованія, на которой стоятъ глазовскіе вотяки.

При составленіи статей и описаній, касающихся религіи и быта вотяковъ, большая часть этнографовъ ограничивается только одними короткими распросами, а чаще всего свои статьи основываютъ на однихъ умозаключеніяхъ, которыя обыкновенно оказываются неудачными. Что бы познакомиться съ характеристикой и вообще бытомъ извѣстнаго народа, нужно пожить среди него, изучить на мѣстѣ всѣ

---

*) «Вѣстникъ Европы» книг. 8, 1880 г., стр. 632.

стороны жизни, и если описать, то описать только извѣстную, изученную мѣстность, и въ этомъ описаніи не приписывать всѣ черты народа одной мѣстности жителямъ, обитающимъ въ другой мѣстности, хотя бы эти народы и принадлежали къ одной расѣ: народы одного племени характеристикой и бытомъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что происходитъ какъ отъ вліянія мѣстности, занимаемой ими, такъ и отъ воздѣйствія другого племени, среди и около котораго они вращаются, и отъ другихъ причинъ и условій.

Корреспондентъ газеты «Волжскій вѣстникъ» *), описывая религію всѣхъ вообще вотяковъ, между прочимъ, говоритъ, что вотяки—народъ религіозный, строго соблюдаютъ посты, посѣщаютъ усердно церковь; что они не только поклонники обрядовой стороны православной церкви, но и строгіе послѣдователи христіанскаго ученія, строгіе исполнители его догматовъ. Они, говоритъ корреспондентъ, постигли сущность христіанскаго ученія, воплотили въ свою кровь и плоть принципы этого святого ученія: братство, любовь, взаимопомощь. Это, хотя далеко не все, можно приписать только глазовскимъ вотякамъ, да и то не всѣмъ; большая часть незнакома еще и съ главными догматами христіанской вѣры. Что же касается того, что вотяки, по словамъ того же корреспондента, оказываютъ солидную помощь духовенству, то съ этимъ вполнѣ согласны и мы. Да, не должны жаловаться священноцерковнослужители вотскихъ селъ на своихъ прихожанъ—вотяковъ: священникъ вотскаго прихода получаетъ содержанья круглымъ числомъ рублей 1,500 въ годъ. Только въ послѣднее время, когда стали повторяться неурожаи, священноцерковнослужители начали жаловаться на неудовлетворительное поступленіе руги и всѣхъ вообще доходовъ. Но, если принять въ соображеніе жизнь ихъ въ достаткѣ и даже роскоши, въ справедливости ихъ жалобъ можно усумниться. Вообще, говоря о вотякахъ, мы должны замѣтить, что эти инородцы только въ религіозномъ отношеніи стоятъ ниже русскихъ, а въ другомъ они превосходятъ русскихъ; и если среди нихъ падаютъ нравы, то причиной этому—развращающее вліяніе на нихъ русскихъ, отъ которыхъ они перенимаютъ дурные обычаи.

*) «Волжскій вѣстникъ» 1886 г., № 143.

Въ настоящей книгѣ мы описываемъ бытъ вотяковъ преимущественно Завьяловской волости, Сарапульскаго уѣзда, гдѣ нами собраны этнографическіе матеріалы лѣтомъ 1887 года, но касаемся и другихъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ ними, потому что касающіяся ихъ свѣдѣнія могутъ быть отнесены и къ цѣлому племени вотяковъ. Въ этомъ отношеніи книга наша должна служить отчасти дополненіемъ къ изданной ранѣе подъ заглавіемъ: «Вотяки Сосновскаго края *).

Географическія и историческія свѣдѣнія.

Завьяловская волость, гдѣ собрана нами большая часть помѣщенныхъ въ этой книгѣ матеріаловъ, составляетъ западную часть Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи; она ограничивается съ сѣвера Свѣтлянской волостью, съ сѣверо-востока—Іюльской, съ востока—Гольянской, съ запада –Бурановской, съ юга—Старовеньинской и Ижевской Нагорной. Изъ этихъ смежныхъ волостей Бурановская и Старовеньинская—вотскія, а остальныя—русскія. Волость заключаетъ въ себѣ 28,867 десятинъ. Наибольшее протяженіе ея съ сѣвера на югъ, считая отъ границы Свѣтлянской волости до таковой же Бурановской, 40 верстъ, а отъ востока на западъ 20 верстъ. Съ высоты птичьяго полета волость представляетъ равнину, перерѣзанную низменностями въ родѣ буераковъ, идущихъ съ сѣвера на югъ и съ сѣверо-востока на юго-западъ. За самую высокую равнину можно принять сѣверо-восточную часть волости.

Волость покрыта лѣсами и невысокими холмами, неимѣющими опредѣленнаго характера. До заселенія волости лѣса здѣсь были непроходимые, но съ увеличеніемъ народонаселенія и открытіемъ Ижевскаго оружейнаго завода (въ 5-ти верстахъ отъ границы волости) они вырублены и въ настоящее время въ пользованіи жителей уже нѣтъ сплошныхъ лѣсныхъ пространствъ; сохранились только тѣ лѣса, которые находятся въ завѣдываніи казны и заводовъ: Ижевскаго оружейнаго и Камсковоткинскаго желѣзодѣла-

*) См. Записки И. Р. Г. О. по отд. этног., т. XIV вып. 2. 1886 г.

тельнаго. Въ лѣсахъ этихъ главную породу деревьевъ составляютъ хвойныя, особенно ель; кромѣ ели ростутъ: сосна, пихта, а кое-гдѣ и лиственница. Верескъ кустами встрѣчается вездѣ. Изъ лиственныхъ деревьевъ ростутъ: береза, липа, осина, черемуха, рябина, ива, ольха, кленъ, чечевичникъ, вязъ, ильма, боярышникъ, ветни, дубъ; но послѣдніе встрѣчаются рѣдко. Въ лѣсахъ водятся медвѣди, рыси, волки, лисицы, зайцы; встрѣчается даже и олень, но рѣдко.

Почва здѣсь вообще удобна для земледѣлія, особенно здѣсь хорошо родится рожь. При разумномъ веденіи полеводства урожаи здѣсь были бы превосходные, но жители объ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ въ своемъ полеводствѣ и не думаютъ, а упорно держатся старыхъ системъ. «Навозъ наша земля сохраняетъ 20 лѣтъ», говорятъ они, т. е. земля ихъ требуетъ удобренія навозомъ чрезъ 20 лѣтъ; но и этого удобренія, какъ слѣдуетъ, они не дѣлаютъ.

Мѣстность орошается многочисленными рѣчками, озерами и рѣками—притоками Камы. Между крупными рѣками, протекающими по волости, замѣчательны главныя изъ нихъ: Ижъ, Позимь, Казмаска; въ нихъ водятся: щука, линь, карась, головль, язь, окунь, налимъ, ершъ, лещь, шаклея, сорожка, пискарь, усачъ, кусачъ *), молекъ и проч.

Множество болотъ и мелкихъ озеръ и прудовъ, въ которыхъ вотяки мочатъ коноплю, производятъ значительное вліяніе на воздухъ, увлажая его и наполняя вредными испареніями, и отъ этого происходятъ болѣзни: *горячка* и *лихорадка*. Болота эти, напримѣръ, Завьяловскіе, изобилуютъ весной такимъ множествомъ лягушекъ, что квакотня ихъ, сливающаяся въ одинъ концертъ, слышна при тихой вечерней погодѣ за 3 версты и напоминаетъ собой лай собакъ. Завьяловцы говорятъ, что прежде у нихъ вовсе не было лягушекъ, но когда одинъ злодѣй набралъ ихъ гдѣ-то цѣлый мѣшокъ и высыпалъ въ болото, они развелись во множествѣ. Это, конечно, басня, основанная на какомъ нибудь повѣріи: причина изобилія лягушекъ—болотистая мѣстность.

---

*) Рыбка эта величиною съ обыкновеннаго пискаря. На жабрахъ ея—колючія жала, поэтому и называетъ ее народъ кусачемъ, такъ какъ, говорятъ, она кусается.

Господствующее время года здѣсь зима, продолжающаяся отъ 20-го октября до 15-го апрѣля. Снѣгу выпадаетъ болѣе между второй половиной декабря и второй же половиной января. Глубина снѣговъ въ открытыхъ мѣстахъ не превышаетъ одного аршина, а въ лѣсахъ—полутора аршина. Холодъ превышаетъ иногда 30° Р. Земля промерзаетъ до двухъ аршинъ глубины. Снѣгъ начинаетъ таять со второй половины марта и къ 20-му апрѣля вездѣ бываетъ сухо; съ 1-го мая уже распускаются листья, и съ этого же времени иногда бываютъ слышны громы. Жары доходятъ до 33° Р. и послѣ нихъ наступаютъ грозы. Господствующее время жаровъ ограничивается 10 числомъ іюня и 10-мъ—іюля. Къ 20-му іюля рожь вездѣ поспѣваетъ для жатвы; къ 1-му сентября уборка хлѣбовъ оканчивается вездѣ, и со второй половины этого мѣсяца начинаются уже осенніе заморозки.

Село Завьялово, принятое за центръ волости, находится подъ 56° 46′ с. ш. и 23° 3′ в. д. отъ Пулковской обсерваторіи. Отстоитъ оно отъ уѣзднаго города Сарапуля въ 55 верст., отъ губ.—Вятки въ 658; отъ столицъ: С.-Петербурга въ 1,987 вер. и Москвы въ 1,314 вер. и отъ рѣки Камы въ 25 вер. Населеніе волости состоитъ изъ двухъ племенъ: вотскаго и русскаго, но преобладающее по численности составляютъ вотяки; они же и коренные жители, прежде бывшіе въ вѣдомствѣ Ижевскаго оружейнаго завода, который основанъ гораздо позже Завьялова, а русскіе—выходцы изъ Сарапульскаго края, переселившіеся къ вотякамъ по недостатку лѣса въ своей странѣ и по другимъ причинамъ. Въ числѣ русскихъ есть выходцы и изъ Вятскаго края. Русскіе сюда переселились большею частью самовольно, какъ и сами вотяки; такъ, напримѣръ, жители дер. Кашабѣги. Говорятъ, когда у нихъ на родинѣ около Сарапула не стало лѣсу, они начали пріискивать мѣсто подъ поселеніе въ предѣлахъ нынѣшней Завьяловской волости, покрытой сплошными лѣсными пространствами и, пріискавши таковое, начали расчищать мѣста подъ пашни и покосы.

Однажды, когда послѣ трудовъ они сидѣли около огня и вели между собой бесѣду, вдругъ послышались въ лѣсу крики людей, идущихъ, по предположенію ихъ, по лѣсной тропинкѣ. Ихъ приняли за охранителей истребляемаго ими лѣса и мгновенно страхъ выразился на всѣхъ лицахъ. Что дѣлать? Они сговорились въ одинъ

мигъ бѣжать, чтобы не быть пойманными и преданными въ руки правосудія, какъ лѣсоистребители. А въ это время надъ костромъ въ котлѣ варилась каша. «Куда дѣть кашу»? говорятъ они; «оставить жалко; надо взять съ собой», и, собравшись, какъ бы по одному мановенію, взяли котелъ съ кашей и понесли его на палочкѣ, продѣтой чрезъ перевесло. Между тѣмъ, какъ они бѣжали съ кашей, неизвѣстные имъ лица уже выходили изъ лѣсу на расчищенное мѣсто и, видя бѣгущихъ съ дымящейся кашей въ котлѣ, закричали: «бѣгутъ! бѣгутъ!.. съ кашей бѣгутъ!».. Кашабѣги!» Но преслѣдовать бѣгущихъ не стали, и они скрылись въ лѣсу. Какіе это были люди—осталось неизвѣстнымъ. Мужики со временемъ все-таки добились того, что имъ дозволили поселиться на расчищенномъ мѣстѣ, и деревня приняла названіе *Кашабѣговъ*, какъ называютъ ее попросту и теперь.

Вотяки Завьяловской волости причисляютъ себя къ племенамъ Чудзи, Бӧдьи, Имъесъ, Чабъи и проч., но о происхожденіи этихъ племенъ никакихъ свѣдѣній отъ нихъ мы не получили. Племя Чабъи въ настоящее время есть и въ Глазовскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ селѣ Поломѣ, но и у нихъ о своемъ племени преданій нѣтъ, да и вообще у поломцевъ сказанія о своихъ предкахъ весьма скудны; если и есть таковыя, то они въ научномъ отношеніи, по нашему мнѣнію, никакого интереса не представляютъ Поломцы настолько освоились съ русскимъ языкомъ и обычаями русскихъ, что о божествахъ сарапульскихъ вотяковъ не имѣютъ и понятія; хотя и извѣстны еще нѣкоторыя, но они обратились у нихъ уже въ бранное слово, напримѣръ, Кереметъ.

Племена вотяковъ другъ отъ друга чѣмъ нибудь да отличаются: или нарѣчіемъ, или обычаями, или же характеромъ, сохраняя въ то же время общія племенныя черты. Такія отличительныя свойства происходятъ, какъ мы имѣли уже случай выше замѣтить, отъ мѣстности, занимаемой народомъ, отъ народа другого племени, среди котораго извѣстное племя вращается, и отъ другихъ причинъ и условій.

Завьяловцы ведутъ начало заселенія своей мѣстности отъ времени прибытія трехъ бѣглыхъ выходцевъ, скрывавшихся, вѣроятно, отъ преслѣдованія начальства. Вотъ какъ объ этомъ го-

воритъ преданіе, записанное нами со словъ Андрея Козьмина и другихъ.

Давнымъ давно, говоритъ оно, когда еще не было и мысли объ основаніи Ижевскаго оружейнаго завода, когда Завьяловскую мѣстность покрывали непроходимые лѣса, около рѣки Позими скрывались вотяки-язычники Кайванъ и Ондра-батыръ; послѣдній былъ крѣпкаго тѣлосложенія, мускулистъ, имѣлъ богатырскую силу, почему и получилъ прозвище батыръ (богатырь). Вотъ этихъ двухъ вотяковъ и привела судьба въ Завьяловскую сторону, и они начали, между прочимъ, заниматься рыболовствомъ въ рѣкѣ Позими, протекающей по Завьяловской волости. Рыбы въ этой рѣкѣ было множество, такъ какъ въ ней, можетъ быть, прежде, до заселенія края, не ступала нога человѣческая, да и теперь еще эта рѣка славится рыбой.

Въ одно время Кайванъ съ Ондрой-батыромъ рыбачили на рѣкѣ Позими и вдругъ въ это время, видя ихъ, подходитъ къ нимъ мужикъ, по одеждѣ русскій, и проситъ ихъ принять въ свою среду, чтобы жить вмѣстѣ.

— «Кто ты такой и откуда»?—спрашиваютъ русскаго мужика Кайванъ и Ондра-батыръ, которые знали по-русски хорошо, да и самъ русскій мужикъ немного зналъ по-вотски; а вотская рѣчь его имъ понравилась.

— «Я — русскій; убѣжалъ отъ разбойниковъ и заблудился въ лѣсу. Зовутъ меня *Завьяломъ*»—отвѣчалъ руссакъ.

— «Чѣмъ ты занимался прежде»?

— «Я покупалъ и мѣнялъ на посуду кошекъ», т. е. былъ кошкодеромъ, какъ называютъ покупателей кошекъ русскіе». Вдругъ напали на меня разбойники и я едва спасся бѣгствомъ. Теперь совершенно не знаю, гдѣ я нахожусь. Примите меня къ себѣ, будемъ жить дружно, какъ родные братья; дѣваться мнѣ некуда». Такъ говоритъ Завьялъ, упрашивая вотяковъ принять его въ свою среду.

— «Вѣдь руссакъ съ вотяками не будетъ жить дружно», предупреждаютъ Кайвалъ и Ондра-батыръ.

— «Зачѣмъ не дружно?! Всѣ мы произошли отъ одного человѣка и должны быть братьями другъ другу, другъ предъ другомъ не должны гордиться». Посовѣтовались Кайванъ съ Ондрой-батыремъ и сказали:

— «Ну, ладно! только дай намъ клятву, что ты не будешь насъ обманывать, а мы дадимъ свою клятву, что тебя не будемъ обижать».

— «Ладно, пусть будетъ такъ!» говоритъ Завьялъ.

Завьялъ поклялся своей вѣрой, что онъ не будетъ обманывать Кайвана и Ондру-батыра, а эти поклялись своей (вѣрой), что они не будутъ обижать Завьяла.

— «Если я нарушу свою клятву, пусть меня Богъ громомъ убьетъ»—сказалъ Завьялъ.

— «Если мы тебя (Завьяла) будемъ обижать, пусть насъ отцы и дѣды (умершіе) скрутятъ какъ нитку»—сказали Кайванъ и Ондра-батыръ.

И стали они жить да поживать около рѣки Позими. Начали расчищать покосныя мѣста и устраивать жилье. Покосовъ около рѣки Позими тогда еще не было: была только по берегамъ рѣки узкая кайма, поросшая травой и ивой, и Позимь казалась зрителю зеркаломъ въ зеленыхъ рамкахъ. Однажды Завьялъ ходилъ по берегу рѣки Позими и вдругъ увидѣлъ за рѣкой, т. е. на той сторонѣ Позими, приближающуюся къ берегу женщину, по одеждѣ вотячку. Смотритъ онъ на нее и не вѣритъ глазамъ.

— «Диво!» говоритъ онъ мысленно: «откуда могла появиться въ здѣшнихъ мѣстахъ женщина? Не привидѣніе ли это?.. Нѣтъ!..» Женщина подходитъ къ берегу... вотъ уже близко.

Завьялъ подошелъ къ берегу и женщина подошла къ берегу, и такимъ образомъ они очутились лицомъ къ лицу. Перекинулись словами и женщина проситъ его перевести за рѣку, т. е. въ сторону Завьяла.

Внѣ себя отъ радости, что *у нихъ* будетъ женщина или, вѣрнѣе, у него будетъ *жена*, Завьялъ бросился туда-сюда искать какихъ нибудь досокъ, чтобы сколотить изъ нихъ плотикъ и на немъ перевести женщину, но ихъ не нашелъ. Что дѣлать? Оставить ее и идти въ жилье—не ловко: она можетъ уйти; стоять здѣсь—не будетъ никакого толку.

— «Поди, ищи какую нибудь лодочку» говоритъ женщина.

— «Лодокъ здѣсь нѣтъ; развѣ плотикъ сколотить».

— «Ну, сколоти».

Завьялъ побѣжалъ и на встрѣчу ему попались Кайванъ съ Ондрой-батыромъ; въ рукѣ одного изъ нихъ веревка.

Завьялъ передалъ имъ неожиданную для нихъ новость, что на томъ берегу рѣки Позими стоитъ женщина-вотячка и проситъ перевести ее на эту сторону.

Пораженные этимъ Завьялъ и Ондра-батыръ ускорили шаги, направленные въ сторону женщины по указанію Завьяла, а Завьялъ о плотикѣ сказать имъ забылъ.

Пришли и видятъ на берегу женщину-вотячку.

Кайванъ и Ондра-батыръ поговорили съ ней довольно и наконецъ спросили:

— «Ну, какъ мы тебя перевеземъ?»

— «Сколотите небольшой плотикъ и перевезете», говоритъ женщина.

Стали они трое совѣтъ держать, какъ перевести женщину, и, въ заключенье Завьялъ, сказалъ, что надо ей бросить одинъ конецъ веревки, а за другой тянуть; иначе ничего-де не подѣлаешь: ни лодки, ни плотика нѣтъ, а броду искать долго,—къ томуже воды въ Позими было много. Сказано-рѣшено. Бросили они женщинѣ одинъ конецъ веревки и велятъ ей держаться за него крѣпко.

— «Какъ же вы меня перевезете? вѣдь такъ утопите, да на мнѣ не останется и ниточки сухой», предупреждаетъ ихъ женщина.

— «Ничего, не утопимъ; если не останется на тебѣ сухой ниточки, дадимъ свою; иначе тебя перевести нельзя».

Женщина, рѣшившись на это, вошла въ рѣку.

Завьялъ съ товарищами принялись ее тянуть. Тянули, тянули— чуть не утопили. Женщина промокла до костей и задрожала.

— «Айда скорѣе въ наше жилье; мы дадимъ тебѣ сухую одежду», говоритъ Кайванъ.

— «Какъ я, женщина, перемѣню одежду при васъ, мущинахъ»? говоритъ женщина.

— «Мы отойдемъ въ сторону—и ты перемѣнишь», отвѣчаетъ Кайванъ.

— «Ну, ладно», соглашается женщина и идетъ за ними.

Пришли въ жилье и тамъ дали ей сухую одежду, которую и одѣла она, когда они отошли въ сторону.

Теперь три товарища начали совѣтъ держать: какъ *раздѣлить* женщину: [illegible]

— «Она должна быть моей женой: первый нашелъ ее я», говоритъ Завьялъ.

— «Ты не царь какой надъ нами, чтобы владѣть ею одному. Лучше бросимъ жребій и на счастливаго достанется она», рѣшаютъ Кайванъ и Ондра-батыръ.

— «Я на это не согласенъ; лучше спросимъ ее и споръ будетъ рѣшенъ. Если судить здраво, она должна быть моя: я нашелъ ее Вѣдь и находкой пользуется только тотъ, кто нашелъ ее». Такъ возражаетъ противъ рѣшенія Кайвана и Ондры-батыра Завьялъ.

— «Человѣкъ—не находка и не скотина; со скотомъ и простой находкой поступаютъ какъ хотятъ», возражаютъ Ондра-батыръ и Кайванъ, и въ заключенье рѣшаются спросить женщину: кого она желаетъ имѣть мужемъ? Завьялъ надѣялся, что женщина изберетъ его, такъ какъ онъ, Завьялъ, былъ моложе Кайвана и Ондры-батыра и красивѣе ихъ. Женщина же была еще молода и очень красива.

— «Котораго изъ насъ ты выберешь мужемъ?» спрашиваетъ Завьялъ женщину.

— «Еще не знаю; подумаю вотъ и скажу», отвѣчаетъ женщина.

— «Будь моей женой, я тебя обижать не стану», говоритъ Завьялъ женщинѣ, уговаривая ее привязаться къ нему.

— «Подумаю вотъ. Дѣло такое не скоро дѣлается», опять говоритъ женщина.

Такъ и не сказала она Завьялу, будетъ она женой его или нѣтъ; а ему, Завьялу, сильно хотѣлось имѣть ее.

Узнали Кайванъ и Ондра-батыръ, что Завьялъ ухаживаетъ за женщиной и говорятъ ему:

— «Зачѣмъ ты ухаживаешь за женщиной тишкомъ отъ насъ? Мы клялись жить вмѣстѣ какъ братья и женщину должны дѣлить. Знай, что ты не князь какой надъ нами».

Завьялъ не сознавался въ ухаживаніи за женщиной, но Кайванъ и Ондра-батыръ уличили его и заставили молчать.

И положили они такъ: женщинѣ быть женой всѣмъ троимъ.

И живутъ они поживаютъ, да добра наживаютъ.

Прошло нѣсколько времени и Ондра-батыръ пожелалъ взять сторону Завьяла и сталъ съ нимъ въ самыя дружескія отношенія, но противъ Кайвана никакого зла не замышлялъ. Женщинѣ они дали кличку *Кышнокенакъ*, что значитъ *жена-сноха* (кышно—жена, кенакъ—сноха). Такая кличка ей дана потому, что она женой служила всѣмъ, и въ то же время была для всѣхъ какъ бы сноха.

Завьялъ сдѣлался совсѣмъ вотякомъ. Изъ угожденія къ Кышнокенаку онъ принялъ вотякскую вѣру и построилъ шалашъ *куаберканъ*, и здѣсь начались поклоненія языческимъ богамъ.

Скоро между тремя товарищами не стало миру изъ за Кышнокенака: всякому хотѣлось владѣть ей одному. Наконецъ, дѣло дошло до ссоры. Однажды, ради шутки, Ондра-батыръ поднялъ уголъ куаберкана и подсунулъ туда шляпу Кайвана, а какъ спустилъ обратно, то шляпу его и прижало. Изъ за этого у нихъ и дружба стала врозь. Видитъ Кайванъ, что товарищи его пошли противъ него, что болѣе добра отъ нихъ онъ не долженъ ожидать и рѣшилъ раздѣлить расчищенныя мѣста, съ тѣмъ, чтобы жить отдѣльно отъ нихъ. Предложилъ онъ свое рѣшеніе на обсужденіе товарищамъ и тѣ согласились раздѣлить расчищенныя общими силами мѣста.

Мѣсто по ту сторону рѣки Позими взялъ Кайванъ, а по эту сторону—Завьялъ съ Ондрой-батыромъ.

Теперь остался на разрѣшеніе еще одинъ вопросъ: чья должна быть Кышнокенакъ? Кайванъ говоритъ, что она должна быть его, какъ вотячка, и къ тому же онъ, Кайванъ, старше Завьяла и Ондры-батыра, а кто старше лѣтами, говоритъ Кайванъ, долженъ брать перевѣсъ. Завьялъ возражаетъ, что Кышнокенака нашелъ онъ, и что если Кайванъ идетъ въ раздѣлъ, то уже долженъ лишиться Кышнокенака.

Спорили, спорили — рѣшить не могли и положили спросить Кышнокенака—куда она желаетъ идти, т. е. за рѣку съ Кайваномъ или остаться на этой сторонѣ съ Завьяломъ и Ондрой-батыромъ?

Спросили—и Кышнокенакъ, подумавши, сказала:

— «Останусь лучше на этой сторонѣ, если перешла на эту сторону; можетъ быть здѣсь счастье улыбнется».

И переселился Кайванъ за рѣку Позимь одинъ-одинехонекъ, и сталъ жить да поживать какъ пустынникъ. Гдѣ его было жилье, никто изъ Завьяловцевъ опредѣлить не можетъ;—только говорятъ, что онъ, Кайванъ, жилъ за рѣкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ и Кайванъ обзавелся такъ, что ни въ чемъ не нуждался; появилась у него и кумышка. Самъ ли онъ курилъ кумышку или заказывалъ ее кому — преданіе объ этомъ умалчиваетъ; но какъ бы то ни было, а кумышка у него всегда была. И Завьялъ съ Ондрой-батыромъ не жили безъ кумышки и подъ часъ изрядно таки закладывали они и вспоминали о Кайванѣ; Кайванъ тоже не забывалъ ихъ и, обиженный ими, не могъ оставаться спокойнымъ: на сердцѣ его все таилась злоба на Завьяла и Ондру-батыра. Хотя они, старые друзья, и не видались другъ съ другомъ, но другъ о другѣ думали часто, и при этомъ думы ихъ поселяли иногда въ нихъ страхъ, что они, разставшись другъ съ другомъ вслѣдствіе ссоры изъ за Кышнокенака, когда нибудь должны сойтись, но сойтись не какъ прежніе друзья-товарищи, а какъ враги, т. е. они должны столкнуться и одна сторона должна остаться побѣжденной. Завьялъ съ Ондрой-батыромъ думали, что Кайванъ будетъ искать случая мстить имъ, что онъ пріищетъ себѣ товарищей и нападетъ съ ними на нихъ двоихъ — ограбитъ ихъ, уведетъ Кышнокенака и, можетъ быть, сотретъ ихъ самихъ съ лица земли; Кайванъ тоже думалъ, что Завьялъ придетъ къ нему и убьетъ его. Единственное средство, чтобы остаться спокойнымъ, думалъ Завьялъ,—стереть Кайвана съ лица земли. Однажды Кайванъ сдѣлалъ чрезъ рѣку Позимь фальшивый поплавной мостъ, подъ которымъ поперечины были перепилены такъ, что онѣ казались еще цѣлыми (не перепиленными). Это сдѣлалъ Кайванъ съ преднамѣренною цѣлью погубить Завьяла, когда онъ поѣдетъ по этому мосту; а должно замѣтить, что тогда уже у Завьяла было хозяйство полное: были лошади, коровы и проч. Была скотина и у Кайвана.

Устроивши такую западню, Кайванъ ждалъ случая, когда поѣдетъ за рѣку Завьялъ. И случай скоро представился.

Завьялъ вздумалъ осматривать покосныя мѣста и съ этою цѣлью отправился на луга. Увидѣлъ онъ чрезъ рѣку Позимь поплав-

*

ной мостъ и подумалъ: видно-де Кайванъ устроилъ мостъ ѣхать къ нему въ *гости*, т. е. сдѣлать на него разбойническое нападеніе.

Вернулся онъ во свояси и передалъ о видѣнномъ Ондръ-батыру. Ондра-батыръ тоже заключилъ, что Кайванъ замышляетъ противъ нихъ недоброе. Роспили они кумышки и рѣшили которому нибудь съѣздить къ Кайвану съ покорной головой. Завьялъ согласился ѣхать самъ. Вотъ онъ и началъ держать совѣтъ съ Кышнокенакомъ: на которой-де лошади ѣхать къ Кайвану?

— «Поѣзжай на карей»—говоритъ Кышнокенакъ.

Завьялъ согласился. Сѣлъ онъ на каряго коня и поѣхалъ, вооружившись для всякаго случая чѣмъ могъ. Кышнокенакъ пожелала проводить его до моста, устроеннаго, какъ сказали мы выше, Кайваномъ для Завьяла. Завьялъ покушенія не замѣтилъ. Каряя лошадь какъ будто по предчувствію не пошла по мосту. Завьялъ долженъ былъ вернуться и сѣсть на пѣгого коня. Пеганко, не предчувствуя своей погибели, пошелъ по мосту и провалился. Завьялъ, къ счастью ухватился за доску и тѣмъ только и спасся. Выкарабкался онъ и сказалъ стоящей на берегу Кышнокенакѣ:

— «Тонъ кышнотэмъ азьысь гынэ кышно (ты за неимѣніемъ жены только жена»).

— «Видно Богъ не велитъ обижать человѣка, да еще прежняго товарища», говоритъ Кышнокенакъ.

Вернувшись во-свояси, они рѣшили исправить мостъ и опять ѣхать къ Кайвану.

Исправили мостъ и Завьялъ послалъ къ Кайвану Ондру-батыра, съ тѣмъ, чтобы узнать мнѣніе его, Кайвана, о Завьялѣ и, между прочимъ, сдѣлать ему, Кайвану, нотацію за то, что онъ построилъ плохой мостъ, изъ за котораго онъ лишился коня и, въ добавокъ, самъ чуть не утонулъ. Если, говоритъ Завьялъ Ондрѣ-батыру, Кайванъ не сердится, пригласи его къ себѣ въ гости и скажи, что и Завьялъ поѣдетъ къ нему отгащивать. Ондра-батыръ радъ былъ ѣхать къ старому другу, чтобы помириться съ нимъ и попировать; а въ это время, къ счастью Ондры-батыра, у Кайвана кумышки было много.

Пріѣхалъ Ондра-батыръ къ Кайвану и послѣдній принялъ его весьма радушно.

Попировали они двое порядкомъ и Кайванъ, по приглашенію

Ондры-батыра, сталъ собираться ѣхать къ Завьялу; взялъ онъ лукъ, стрѣлы, сѣлъ на любимаго коня и поѣхалъ.

Завьялъ встрѣтилъ Кайвана особенно радушно и приготовилъ для него отличное угощенье, какое только могъ приготовить.

Напировавшись вволю, Кайванъ пригласилъ Завьяла въ лѣсъ *пашпу-сикъ* (пашпу — орѣшникъ, сикъ — лѣсъ, т. е. орѣшниковый лѣсъ). Это мѣсто находится въ 2—3 верстахъ отъ нынѣшняго Завьялова, на горѣ, но орѣшника тамъ уже нѣтъ,—только кое-гдѣ видны остатки кустовъ; а прежде это мѣсто, говорятъ, сплошь было покрыто орѣшникомъ. Стоятъ они на горѣ у лѣса и оттуда смотрятъ на огромную сосну въ 2—3 верстахъ, на горѣ. Сосна эта стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у Завьяловцевъ старое кладбище, у большой Ижевско-Сарапульской дороги на возвышеніи. Кайванъ натянулъ лукъ, взялъ стрѣлу, поправилъ ее на видимую сосну и говоритъ:

— «Если эта стрѣла воткнется въ видимую сосну, пусть тамъ у васъ будетъ кладбище, а по сію сторону рѣчки — починокъ. Мѣста по эту сторону рѣки Позими будутъ ваши, а по ту сторону—мои. Межой между моими и вашими владѣніями будетъ Позимь.

— «Ладно, пусть будетъ такъ», сказалъ Завьялъ.

Кайванъ пустилъ стрѣлу и она воткнулась въ сосну.

Такъ и сдѣлалось. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла сосна, потомки Завьяла и пришельцы его хоронятъ мертвыхъ. Это мѣсто нынѣ у Завьяловцевъ, какъ мы уже говорили, носитъ названіе стараго кладбища, но оно уже заброшено давно, и вѣроятно его скоро обратятъ въ пашню. На этомъ мѣстѣ въ первое время существованія села хоронили умершихъ, а потомъ кладбище перенесено на другое мѣсто, въ сосѣдствѣ со старымъ. Гдѣ нынѣ стоитъ Завьялово, тамъ во время Завьяла было жилье первыхъ основателей поселенія.

Такимъ образомъ и получило село Завьялово свое названіе отъ перваго жителя на этомъ мѣстѣ Завьяла.

Попировавши вволю, Кайванъ съ Завьяломъ разстались мирно. Кайванъ избралъ мѣсто поселенія тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ деревня Чемошуръ, у большой дороги, въ 7 верстахъ отъ с. Завьялова. Поставилъ онъ у рѣчки чумъ (шалашъ для жилья) и свое мѣсто назвалъ *Чумошуръ* (чумъ—шалашъ, шуръ—рѣчка, т. е. шала-

пистая рѣчка), а въ послѣдствіи деревню переименовали русскіе для благозвучія въ *Чемошуръ.*

По истеченіи времени, къ Кайвану пришли вотяки, въ числѣ коихъ были и женщины и составили починокъ въ полномъ смыслѣ слова.

Возвратимся опять къ Завьялу.

Завьялъ велъ себя гордо, какъ начальникъ; на прочихъ своихъ одно-поселенцевъ онъ смотрѣлъ съ презрѣньемъ. Сначала, т. е. въ первые годы привала новожиловъ, на него дѣйствительно смотрѣли какъ на какого нибудь мурзу и назвали его *Батыромъ*, но со временемъ гордость и честолюбіе его стали нестерпимы и, хотя его и почитали, какъ основателя поселенія, но только наружно; въ душѣ же его ненавидѣли. Они думали, что впослѣдствіи Завьялъ сдѣлается княземъ и будетъ ихъ угнетать, и тогда житью-де не будешь радъ. Такія думы занимали иногда чуть не каждаго. Одинъ съ другимъ мало по малу начали толковать о Завьялѣ, а тамъ шире, далѣ—умы настроились на одинъ ладъ, всѣ пришли къ одному заключенію, какъ дроби приводятся къ одному знаменателю. Начались сходбища, на которыхъ предметомъ сужденій былъ ненавистный, властолюбивый Завьялъ. И въ концѣ концовъ рѣшили погубить Завьяла, каковое рѣшеніе и не замедлили привесть въ исполненіе. Вотъ какъ это случилось. У рѣки Позими былъ шалашъ вотяковъ, гдѣ приносились жертвы по языческому обряду, а у шалаша росли орѣшникъ и верескъ. Въ одно время вотяки собрались въ этотъ шалашъ для жертвоприношенія; туда же пришелъ и Завьялъ съ обычной гордой осанкой. Какъ только хмѣль вошелъ въ голову вотяковъ отъ выпитой въ избыткѣ кумышки, разъяренная толпа бросилась на Завьяла и тутъ же, въ шалашѣ, задушила его мигомъ. А чтобы у русскихъ болѣе не рождалось такихъ батыровъ, какимъ былъ Завьялъ, начали проклинать его и заговаривать, обливая внутренностями убитаго мелкій вересникъ и орѣшникъ со словами: «когда изъ вереска и орѣшника будутъ дѣлать чурки (ульи) для пчелъ, тогда у русскихъ пусть родятся богатыри какъ Завьялъ».

«Вотъ съ той поры у русскихъ нѣтъ батыровъ (богатырей)», говорятъ вотяки.

Батырами у вотяковъ называютъ не только богатырей, имѣющихъ необыкновенную силу, но и всякаго забіяку, капитана, который любитъ ставить себя выше другихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Проклинанье Завьяла напоминаетъ проклинанье русскими вотскаго богатыря Идну-батыра. Объ этомъ намъ сообщили вотяки въ Сосновскомъ краѣ, причисляющіе себя къ племенамъ Пупъи и Бöни.

Вотъ какъ говоритъ сказаніе объ этомъ богатырѣ. «Убили русскіе Идну-батыра, вынули изъ него внутренности, испекли на горячихъ угольяхъ сердце и печень его; потомъ принесли вицъ жимолости и начали его, Идну-батыра, проклинать, говоря: когда изъ жимолости будутъ дѣлать чурки для пчелъ, тогда у вотяковъ пусть родятся богатыри. Въ заключенье русскіе съѣли сердце и печень Идны-батыра, а самого его сожгли. «Съ тѣхъ поръ у вотяковъ не стало богатырей», говорятъ вотяки Сосновскаго края *).

Замѣчательно, что въ вотякскихъ сказаніяхъ о богатыряхъ, богатыри погибаютъ изъ за женъ, коней и мостовъ. Такъ, Завьялъ сказалъ своей женѣ: «ты за неимѣніемъ жены только жена»; Идна-батыръ жаловался на коня, что пѣганый конь за неимѣніемъ коня только конь. О третьемъ богатырѣ, Янтамырѣ, преданіе гласитъ такъ: «въ началѣ покоренія вотяковъ русскими, когда появилась между ними шайка вольныхъ вотяковъ, предводителемъ ихъ былъ Янтамыръ—батыръ. Янтамыръ рѣдко ѣздилъ вмѣстѣ со своей вольницей; большею частью, онъ разъѣзжалъ одинъ, и, когда случалось ѣхать верхомъ, онъ никогда не садился на коня, а ѣздилъ стоя, и при этомъ въ одной рукѣ держалъ саблю. Если съ нимъ встрѣчался непріятель, онъ на скаку однимъ ударомъ сабли снималъ ему, непріятелю, голову. Слава Янтамыра дошла и до Казани, и всякъ старался поймать его и покончить съ нимъ всѣ расчеты, но при всемъ стараніи труды преслѣдователей не могли увѣнчаться успѣхомъ. Онъ, Янтамыръ, нерѣдко посѣщалъ какъ окрестности Казани, такъ и самую Казань. Янтамыръ не давался: его конь и сабля были ему вѣрны.

Однажды, отправляясь въ Казань, Янтамыръ велѣлъ запречь въ телѣгу тройку любимыхъ имъ коней; въ корень и лѣвую пристяжку, по повелѣнію его, запрягли двухъ пѣгихъ коней, а въ правую пристяжку—воронка. Передъ выѣздомъ изъ дома онъ ска-

---

*) См. Записки И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XIV, вып. 2. Вотяки Сосновскаго края, стр. 107.

залъ своей женѣ: «жена! я ѣду въ дорогу; положи мнѣ въ телѣгу хлѣба». Жена подумала, что онъ говоритъ о дѣйствительномъ хлѣбѣ и положила ему его; между тѣмъ хлѣбомъ называлъ Янтамыръ свою саблю, безъ которой онъ, какъ безъ хлѣба, не могъ жить. Надѣясь на жену, онъ не посмотрѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ.

За Казанью, на свіяжской дорогѣ, услыхали враждебные ему люди, что Янтамыръ-батыръ ѣдетъ въ ихъ сторону и рѣшили изловить его, и для этой цѣли вырыли на дорогѣ, гдѣ слѣдовало проѣзжать Янтамыру, глубокую яму и такимъ образомъ устроили ему западню; сами же враждебные Янтамыру люди засѣли въ кустахъ ждать врага. Янтамыръ любилъ ѣздить больше ночью, не опасаясь ни звѣря, ни врага. И въ данномъ случаѣ онъ долженъ былъ проѣзжать чрезъ устроенную западню ночью. Ночь эта хотя и была темная, но Янтамыръ, не подозрѣвая покушеній, по обыкновенію, ѣхалъ быстро. Когда онъ доѣхалъ до ямы, вороной конь бросился въ сторону, а пѣгіе—въ яму. Тогда враги окружили его и Янтамыръ бросился искать саблю, но вмѣсто нея оказался хлѣбъ. Видя неминучую смерть, Янтамыръ воскликнулъ: «пѣгая лошадь только за неимѣніемъ лошади лошадь, а женщина только тогда жена, когда нѣтъ жены».

Тутъ и убили его враги. *)

Черты этихъ сказаній напоминаютъ поговорку русскихъ: «не вѣрь на свѣтѣ тремъ предметамъ: женѣ, коню и лодкѣ»; впрочемъ, такая поговорка существуетъ и у вотяковъ. Въ настоящихъ сказаніяхъ мѣсто лодки занимаетъ поддѣльный поплавной мостъ, и невѣрнымъ конемъ служитъ пѣгій конь, о которомъ, какъ о первомъ, вѣроятно, есть какое нибудь повѣрье.

Вотяки Завьяловской волости не имѣютъ фамилій, но прозвищами окрещиваютъ другъ друга нерѣдко, и таковыя остаются за ними навсегда, т. е., переходятъ отъ потомства къ потомству. Мы говоримъ «не имѣютъ фамилій» потому, что въ посемейныхъ спискахъ таковыхъ, какъ, напримѣръ, у глазовскихъ вотяковъ, нѣтъ. Прозвища или, вѣрнѣе, имена даются еще бабушками, исполняющими должность повитухъ при родахъ, которымъ обычай

---

*) См. Обряды и повѣрья вотяковъ Гаврилова. Казань, 1880 г.; стр. 146 и 147.

велитъ до совершенія надъ младенцемъ обряда св. крещенія давать такъ называемыя банныя имена (мынчо нимъ). Имена младенцамъ родные даютъ по событіямъ, при которыхъ рождаются дѣти, и по временамъ года. Такъ, напримѣръ, если ребенокъ родился весной во время появленія скворцовъ, онъ получаетъ имя *юберъ* (скворецъ); если во время сѣнокоса—*кусо* (косы). Во время уборки хлѣбовъ съ полей даютъ имена: *кабанъ* (скирда), *ючисъ* (колъ, на который вѣшаютъ снопы). Но такой обычай нынѣ сталъ предаваться забвенью; чаще даютъ уже христіанскія имена, легкія для произношенія, и такія имена за ними остаются до смерти, не смотря на то, что они при крещеніи наречены другими именами. Съ другой стороны, поводомъ къ переименованію служитъ еще то, что мѣстные священники даютъ новорожденнымъ имена трудныя для нихъ, а также, въ одной семьѣ даютъ одинаковыя имена.

Даютъ имена еще, какъ говорили мы выше, при какихъ-нибудь событіяхъ, напримѣръ, при появленіи разбойниковъ или какихъ-нибудь особыхъ личностей, если таковыя обращаютъ на себя всеобщее вниманіе.

Въ селѣ Завьяловѣ, въ день нашествія на это село пугачевской вольницы, родился у одного вотяка сынъ и его назвали Пугачемъ; такое прозвище за родомъ этого вотяка сохранилось и до нынѣ.

Русскихъ, живущихъ среди нихъ, называютъ *насъкытъ чырты* (широкое горло, горлодеръ), *пуны* (собака), *бадзымъ кöтъ* (большое брюхо) и другими тому подобными, эпитетами. И не даромъ русскимъ ими дано такое прозвище: русскій на мірскомъ сходѣ беретъ перевѣсъ надъ вотякомъ только крикомъ, горлодраньемъ; любитъ надъ вотякомъ подтрунивать и ищетъ случая оскорбить его. Среди вотяковъ съ полнымъ животомъ намъ ни одного еще не встрѣчалось видѣть, тогда какъ между русскими таковыхъ встрѣчается не мало.

Ясно изъ этого, что вотяки, столкнувшись съ русскими, уловили характеричныя ихъ свойства и удачно отмѣтили ихъ въ произведеніяхъ своей устной словесности. Они, вотяки, живя среди русскихъ, быстро русѣютъ, усвоиваютъ обычаи русскихъ; также и русскіе, что находятъ у вотяковъ выгоднымъ, заслуживающимъ подражанія, перенимаютъ съ охотой: напримѣръ, они научились

отъ нихъ курить кумышку, которая, въ сравненіи съ водкой, приходится въ пять разъ дешевле.

Вліяніе русскихъ на вотяковъ особенно замѣтно въ Завьяловской волости, гдѣ въ одеждѣ преобладаетъ синій цвѣтъ, любимый русскими; есть случаи женитьбы на русскихъ и, наоборотъ, русскихъ на вотячкахъ. Женящіеся на русскихъ обыкновенно не исполняютъ обряда жертвоприношеній, предписываемыхъ культомъ предковъ вотяковъ. Здѣсь быстро стирается и типъ вотскій, и въ русскихъ подмѣчаются уже черты другой расы, составившейся, какъ будто, изъ двухъ племенъ: великорусскаго и финскаго. Но при всемъ томъ нравы падаютъ годъ отъ году болѣе и болѣе, и въ этомъ отношеніи вотяки Завьяловской волости стоятъ гораздо ниже того уровня, на которомъ стоятъ единоплеменники ихъ, обитающіе въ другихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ заводовъ и русскихъ.

О происхожденіи племенъ или отдѣльныхъ родовъ преданія между Завьяловскими вотяками весьма скудны, и на вопросъ: откуда пришли ихъ предки въ Завьяловскую сторону, отвѣчаютъ, что у нихъ первоначально появились Кайванъ съ Ондрой-батыромъ, а за ними — Завьялъ, и къ этому прибавляютъ, что съ открытіемъ Ижевскаго оружейнаго завода ихъ приписали къ этому заводу, хотя имъ этого очень не хотѣлось. Въ это время, по словамъ ихъ, славился между ними колдунъ *Иднашъ*, который насылалъ-де посредствомъ чародѣйства лютыя болѣзни на людей. Вотяки обращались къ этому колдуну съ просьбой *портить*, заводскихъ начальниковъ, но онъ, Иднашъ, этого не могъ дѣлать. Знаютъ еще вотяки, что когда-то въ Завьяловѣ былъ *Пугачь* (Пугачевъ). Если спросишь ихъ, что сдѣлалъ имъ Пугачъ, они отвѣчаютъ, что Пугачъ ихъ не обижалъ, только духовнымъ пришлось плохо, особенно попамъ: Пугачъ повѣсилъ священника, а другіе скрылись, кто куда могъ. Пугачъ, говорятъ, крестьянъ не обижалъ, только духовныхъ и чиновниковъ сильно ненавидѣлъ. Мѣсто, гдѣ онъ повѣсилъ священника, еще знаютъ нѣкоторые старики, и мимо этого столба долго боялись проходить. Иные говорятъ, что столбъ еще сохранился, но гдѣ именно—я не пытался узнать. Говорятъ еще, что во время Пугачева ѣхали вотяки на верховыхъ лошадяхъ съ невѣстой въ Юскинскую сторону (село Юски въ 22 вер. отъ Ижевскаго завода), и увидѣли войско

Пугачева отдыхающимъ и поящимъ коней, которыхъ было де такое множество, что, когда поили ихъ, вода въ рѣчкѣ убыла. Войска же было несмѣтное число. Не передавая о происхожденіи своего отдѣльнаго племени, а также и о мѣстѣ прежняго жительства до заселенія Завьяловской волости, нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что гдѣ-то въ Глазовскомъ уѣздѣ есть племя вотяковъ, происшедшее отъ сусѣдокъ (домовыхъ); что когда въ одной нежилой избѣ водились суcѣдки, нѣкоторые смѣльчаки сговорились идти туда съ крестиками, чтобы надѣть ихъ на суcѣдокъ; сговорившись, ушли они въ нежилую избу ночью и, когда пришли туда суcѣдки, надѣли на нихъ крестики и тѣ, связанные силой креста, не могли уже убѣжать и сдѣлались людьми. Это племя, говорятъ, отличается чернотой тѣла. Подобный же этому разсказъ мы слышали и въ Глазовскомъ уѣздѣ и должно полагать, что такое повѣрье перенесено изъ Глазовскаго уѣзда, гдѣ существуютъ объ этомъ племени такіе разсказы.

Въ старину, жители Завьяловской волости и сосѣднихъ имъ мѣстъ, образуя среди лѣсовъ острова населенія, каждый годъ подъ пашни расчищали новыя мѣста, и мѣста тѣ, называемыя новинами, давали обильный урожай, а объ удобреніи старой истощенной земли не думали. Съ умноженіемъ же народонаселенія всякій старался какъ можно больше расчищать новыя мѣста, и лѣсъ для этой цѣли истреблялся безпощадно при помощи огня и топора, и это истребленіе годъ отъ году принимало большіе размѣры, а о сбереженіи лѣсовъ для будущаго поколѣнія никто и не думалъ. Прошли годы и лѣсовъ становилось меньше и меньше, а съ умноженіемъ народонаселенія и уменьшеніемъ лѣсовъ не стало и новыхъ мѣстъ; старая земля не получаетъ удобренія, новыя мѣста истощаются, поля орошаются плохо, ручейки и рѣчки, лишенные тѣни, изсякаютъ.

При безразсудномъ истребленіи лѣсовъ безъ нужды и употребленіи ихъ на топливо и строенія, вотяки, какъ и другія народности, пережили четыре періода. Къ первому относится то время, когда они, вотяки, истребляли лѣса безъ всякой надобности въ лѣсныхъ матеріалахъ. Ко второму періоду принадлежитъ то время, когда между лѣсами и полями устанавливается соразмѣрность. Эти двѣ эпохи они уже пережили. Затѣмъ наступаетъ третій періодъ, когда ощущается уже недостатокъ въ надѣльномъ лѣсѣ и крестья-

намъ приходится рубить лѣсъ въ казенныхъ дачахъ самовольно, рискуя подвергнуться большимъ штрафамъ. Къ такому періоду принадлежитъ ужъ нынѣшнее время, когда хищеніе лѣсныхъ матеріаловъ въ казенныхъ дачахъ приняло большіе размѣры. Положимъ, есть еще такія мѣста, гдѣ вотяки переживаютъ первую эпоху, но они составляютъ самую малую часть; большая же часть переживаетъ второй періодъ. Чувствительный недостатокъ въ лѣсѣ, наконецъ, заставляетъ нѣкоторыхъ обратить серіезное вниманіе на сбереженіе лѣсовъ, какъ на важное условіе человѣческой жизни; слѣдовательно является сознаніе, что *сбереженіе лѣсовъ для будущаго поколѣнія есть священная обязанность каждаго.* По истеченіи времени, конечно, всякій обратитъ на это полнѣйшее вниманіе, но будетъ поздно: наступитъ *четвертый* и послѣдній періодъ, когда постигнетъ вопіющая нужда въ лѣсѣ, столь необходимомъ въ здѣшнихъ краяхъ. Тогда вотяки должны будутъ пріискивать новыя мѣста подъ поселенія, но ихъ вблизи не найдутъ. И уже нѣкоторые вотяки поговариваютъ о сибирскомъ краѣ, изобилующемъ лѣсами.

Населенныя вотяками мѣстности въ древнее время, какъ мы уже говорили, были покрыты дремучими лѣсами, поэтому здѣсь памятники глубокой старины, если они и есть, не могутъ быть многочислены. Занимаемая нынѣ Вятскою страною мѣстность въ глубокую старину, какъ говорятъ историки, составляла часть Скиѳіи. Объ этомъ можно заключать и изъ сказанія греческаго историка Геродота. Эти народы финскаго племени поселились здѣсь, надо полагать, до Рождества Христова и стояли долго на самой низкой ступени образованія. Римскій историкъ Тацитъ говоритъ, что финскіе народы не имѣли ни домовъ, ни коней, ни оружія, питались травами, одѣвались въ звѣриныя шкуры, укрывались отъ непогоды подъ сплетенными вѣтвями, не боясь ни хищныхъ звѣрей, ни гнѣва боговъ. По этому полагаютъ и историки Вятскаго края, что и вотяки жили точно такъ же, и только впослѣдствіи мало по малу привыкли къ осѣдлой жизни. На сколько достовѣрны такія умозаключенія о первоначальной жизни вотяковъ въ Вятской странѣ, за отсутствіемъ самыхъ древнѣйшихъ памятниковъ, доказать трудно. Если принять во вниманіе жизнь ихъ среди дремучихъ лѣсовъ, вдали отъ народовъ развитыхъ, то несомнѣнно, что они были дикарями, но питаться травами едва ли могли. Преданіе говоритъ,

что вотяки, поселившись въ лѣсахъ, первоначально не имѣли никакихъ земледѣльческихъ орудій, какими нынѣ воздѣлываютъ землю; такъ, напримѣръ, въ Сосновскомъ краѣ Сарапульскаго уѣзда вотяки племена Бӧня говорятъ, что предки ихъ вотяки, пришедши изъ за Камы и, поселившись среди непроходимыхъ лѣсовъ, сначала землю обработывали съ помощью, такъ называемыхъ, копыловъ и простыхъ ручныхъ граблей. Но изъ этого нельзя заключать, что они, вотяки, не имѣли понятія о сохѣ и боронѣ; напротивъ, средства къ существованію они получали отъ земледѣлія, занимались имъ еще въ глубокую старину, а неимѣніе сохи и бороны объясняется тѣмъ, что предки племени Бӧня, какъ бѣглые выходцы изъ за рѣки Камы, не могли взять съ собой земледѣльческихъ орудій и на первыхъ порахъ должны были довольствоваться простыми ручными орудіями; да и не могли они иначе поступать, такъ какъ положеніе ихъ, какъ скрывающихся отъ преслѣдованія начальства, препятствовало имъ имѣть всякое сношеніе съ окружающими ихъ народами, тѣмъ болѣе открывать свое убѣжище. Въ имѣющейся у насъ рукописи 1703 г. уже говорится, что отяки (вотяки), по указу Великаго Государя и по переписнымъ книгамъ 186 г., платили стрѣлецкіе деньги за владѣемыя ими по грамотамъ земли, пашенныя и сѣнокосныя мѣста, звѣриныя и птичьи ловли, бортевыя угодья, бобровые гоны и за всякія угодья; что такими землями и угодьями владѣли еще отцы, и дѣды, и прадѣды ихъ отдѣльно отъ татаръ и русскихъ. Слѣдовательно ясно, что вотяки занимались земледѣліемъ еще въ глубокую старину, и на владѣемыя земли имѣли грамоты отъ царей.

Черты общей характеристики вотяковъ.

Здѣсь мы познакомимъ читателя только съ тѣми чертами, которыя, какъ невошедшія въ отдѣлъ характеристикъ въ прежнихъ нашихъ статьяхъ, служатъ дополненіемъ къ нимъ, а равно познакомимъ и съ тѣми особенностями, какими отличаются вотяки Завьяловской волости отъ своихъ единоплеменниковъ другихъ мѣстностей. Такія отличительныя черты сложились въ нихъ подъ вліяніемъ русскаго населенія, среди котораго они вращаются. Особенно сильно вліяли на характеръ предковъ ихъ мастеровые ижевскаго

завода, съ которыми судьба столкнула ихъ послѣ открытія означеннаго завода.

Взгляните на Завьяловскаго вотяка, и въ типѣ его вы замѣтите смѣсь двухъ расъ: великорусской и финской, и при этомъ затруднитесь опредѣлить, которая именно изъ двухъ расъ оказывается преобладающей. Но женскій полъ въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе: въ типѣ этого пола болѣе сказывается финская раса, чѣмъ великорусская. Не мало между мущинами встрѣчается и чисто русскихъ типовъ какъ по сложенію тѣла, такъ и по физіономіи: здоровый, стройный станъ, правильныя черты лица, темнорусые волосы; между женщинами же такихъ типовъ мы не встрѣчали; въ движеніяхъ ихъ замѣчается какая-то вялость, неповоротливость, которыя, болѣе чѣмъ другія свойства, характеризуютъ ихъ. Въ выраженіи своихъ чувствъ то же замѣтна сдержанность и скрытность, но при всемъ томъ въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ дѣлъ онѣ отличаются обдуманностью.

Завьяловскій вотякъ любитъ время проводить въ частыхъ пирушкахъ въ кругу своихъ сосѣдей и родственниковъ; но на угощеніе и гостепріимство сторонняго, хотя бы и единоплеменника, не щедръ. Любитъ онъ угощаться на чужой счетъ, даромъ. Даровыя попойки между ними весьма часты и такъ онѣ вошли въ обычай ихъ, что иногда вотякъ самъ бываетъ имъ не радъ, и при всемъ своемъ желаніи положить имъ конецъ, не можетъ вывести изъ обычая. Положимъ, онъ всегда былъ бы радъ даровому угощенію, какъ и вообще любящій даровое, если бы впослѣдствіи такое угощеніе не отозвалось убыточно на его карманѣ; дѣло въ томъ, что каждая выпитая рюмка, по расчету, обходится ему, какъ говорится, въ три-дорога; а виновники этихъ попоекъ, изъ чьихъ источниковъ льется чарующій напитокъ, только посмѣиваются отъ удовольствія, что каждая выставленная рюмка даетъ имъ прибыли въ три-четыре раза больше. И они не обманываются, не ошибаются въ разсчетахъ: карманъ ихъ быстро полнѣетъ, а кошелекъ вотяка пустѣетъ. Пустота кошелька иныхъ доводитъ до того, что подати и всѣ денежныя повинности приходится платить за нихъ обществу, но въ такомъ случаѣ общество уже лишаетъ ихъ земельнаго надѣла, и живутъ они какъ птицы небесныя, которыя хотя и не сѣютъ, не жнутъ,

но всетаки Богъ питаетъ ихъ. Такихъ, живущихъ подобно птицамъ небеснымъ, есть не мало и въ описываемомъ Завьяловѣ.

Пьянство здѣсь развито, какъ и вообще въ русскихъ мѣстностяхъ, гдѣ народъ отличается привязанностью къ кабаку. Здѣсь нѣтъ дня, въ который бы не было въ кабакѣ посѣтителей, не смотря ни на какое время года. Зайдите въ кабакъ и вы увидите тамъ сидящихъ на лавкахъ и стоящихъ у стойки, обыкновенно съ трубками во рту и въ шапкахъ, и если спросите вы: зачѣмъ они пришли въ кабакъ, отвѣтятъ вамъ коротко: «такъ себѣ», и въ этомъ «такъ себѣ» сказывается вся цѣль времяпровожденія въ кабакѣ,—не представится ли случай выпить стаканъ другой готовой водки. У такихъ сидящихъ въ чаяніи подачи готовой водки обыкновенно въ карманѣ бываетъ пусто.

Все веселье вотяка заключается, какъ и у русскаго, только въ опьяненіи: въ этомъ состояніи онъ и смѣлъ и дерзокъ, но дерзокъ, впрочемъ, только на словахъ, когда, подъ вліяніемъ выпитой въ достаточномъ количествѣ водки или кумышки, развязывается у него языкъ и онъ сознаетъ себя вполнѣ человѣкомъ. На слова его, если они адресуются своему же единоплеменнику, не обращается вниманія; поэтому и пирушки ихъ въ домашнемъ быту проходятъ безъ ссоръ; впрочемъ это только благодаря тому, что въ пирушкахъ ихъ не участвуютъ русскіе. Если кто, вслѣдствіи привязанности къ кабаку или лѣности, довелъ себя до нищеты и сдѣлался безземельнымъ, тотъ въ пирушкахъ во время праздниковъ не принимаетъ и участія, хотя такія пирушки и составляются ближайшими родственниками. Это отчасти объясняется тѣмъ, что они не имѣютъ кумышки, каковой слѣдуетъ угостить взамѣнъ такого же угощенія прочихъ, а неимѣніе кумышки объясняется отсутствіемъ средствъ пріобрѣсть ее. Безъ кумышки же вотяку, какъ и русскому безъ водки и пива, и не праздникъ; словомъ, кумышка въ пирушкѣ — главная пружина въ машинѣ, безъ которой весь снарядъ остается безъ движенія.

Кто не занимается куреніемъ кумышки, если позволяютъ средства, беретъ водку, но угощаетъ ею только тѣхъ, кто самъ угощаетъ подобнымъ напиткомъ. Вообще, въ домашнемъ быту въ употребленіи только кумышка, а водка распивается исключительно въ

кабакѣ; здѣсь, въ кабакѣ, обществомъ распивается и готовая кумышка.

Вотъ случай, характеризующій вотякско-русское общество, чему былъ очевидцемъ пишущій эти строки. Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1887 г. проходилъ я мимо кабаковъ, кишащихъ народомъ, собравшимся, какъ говорили, со всей волости. Впрочемъ, не только кабаки (лавочки) кипѣли народомъ, но и передъ кабаками и по улицѣ толпились группы мужиковъ—русскихъ и вотяковъ и, какъ было слышно, вездѣ раздавались вольныя и даже нескромныя рѣчи, виной чему была водка, которая, кажется, тутъ же среди улицы разливалась и выпивалась. Случайно въ это время я встрѣтился съ мѣстнымъ волостнымъ писаремъ П. В. и на сдѣланный мной ему вопросъ: откуда столько собралось народу и какое вино пьютъ? отвѣтилъ онъ, что народъ этотъ—выборные волостнаго схода; пьютъ вино даровое, выставленное бывшимъ волостнымъ засѣдателемъ.

— За что такъ раздобрился засѣдатель? опять спросилъ я В. изъ пустого любопытства.

— Общество сдѣлало на него начетъ (кажется, рублей 70) и онъ, чтобы избавиться отъ уплаты этихъ денегъ и дальнѣйшихъ непріятностей, предложилъ на волостномъ сходѣ выборнымъ семь ведеръ водки съ тѣмъ, чтобы сдѣланный на него начетъ они разложили на число душъ цѣлой волости, для сбора вмѣстѣ съ податными деньгами. Выборные охотно согласились на это и постановили приговоръ о сложеніи съ бывшаго засѣдателя числящагося на немъ начета и сборѣ таковаго по раскладкѣ со всей волости. Засѣдатель, конечно, съ удовольствіемъ выставилъ семь ведеръ водки.

Подобныя попойки, причиняющія ущербъ домохозяевамъ цѣлой волости встрѣчаются нерѣдко. Мало показалось, напримѣръ, волостному писарю жалованья и онъ предлагаетъ обществу водки нѣсколько ведеръ, и общество охотно прибавляетъ сотню другую рублей въ годъ; также, если нужно опредѣлить волостнаго писаря, служащаго по найму, опять въ дѣло идетъ водка. За водку уступается и общественная земля изъ лучшихъ; словомъ, водка играетъ главную роль вездѣ въ крестьянскомъ управленіи.

Старики, рьяные поклонники старины, жалуются на увеличеніе

податныхъ сборовъ, а сами и не догадываются, что всякіе безразсудные расходы, производимые по приговорамъ обществъ, требуютъ увеличенія мірскихъ сборовъ, какъ равно всякая растраченная своими служащими и принятая обществомъ на себя сумма требуетъ уплаты на пополненіе образовавшейся недоимки.

Вотякъ терпѣливъ, однако обиды не можетъ переносить хладнокровно, и, если обида кажется для него чувствительной, идетъ съ жалобой въ судъ. Невзгоды жизни переноситъ хладнокровно, вполнѣ покорный судьбѣ, съ вѣрой въ предопредѣленіе; говоритъ, что если на кого выпалъ незавидный жребій—не долженъ жаловаться: такова-де воля судьбы. Если въ охмѣленномъ состояніи позволяетъ себѣ высказать, что у него на душѣ, потомъ раскаивается въ этомъ въ трезвомъ состояніи. На кого питаетъ неудовольствіе, не прочь и оскорбить и мстить, но мстить такъ, чтобы за это обиженный не могъ жаловаться на него, словомъ, чтобы проступокъ его не былъ доказанъ и по суду онъ не могъ получить возмездія.

Рѣдкій вотякъ Завьяловской волости, какъ намъ случалось видѣть, подходитъ къ священнику подъ благословеніе. При глазахъ они относятся къ нему учтиво, какъ бы съ уваженіемъ, а за глазами осуждаютъ, а нерѣдко и ругаютъ: говорятъ, что бранятъ по заслугамъ. Женскій полъ въ этомъ отношеніи мало отличается отъ мужчинъ, какъ по отношенію къ своему полу, такъ и по отношенію къ мущинамъ.

Дѣвушки при старшихъ хотя и держатъ себя скромно, но въ ночныхъ пирушкахъ (юмшанахъ) не воздерживаются отъ половыхъ удовлетвореній, позывъ къ которымъ является ранѣе 20 лѣтняго возраста, а у парней—съ 18 лѣтняго. Менструація у дѣвушекъ начинается съ 15 лѣтняго возраста и продолжается не далѣе 50 л.

Хотя среди вотяковъ и совершаются прежніе языческіе обряды, но многіе давно бросили вѣру своихъ отцовъ и, можетъ быть, уже совершенно забыли культъ прежней вѣры. Это объясняется вліяніемъ на нихъ русскихъ и грамотности. Еще недавно они сильно избѣгали послѣдней, держась такого мнѣнія, что грамотный въ деревнѣ, въ кругу своихъ односельнцевъ не уживается, отъ крестьянской работы отстаетъ и дѣлается лѣнтяемъ, праздношатающимся, любящимъ даровое. Это

говорятъ и нынѣ тѣ, которые, живя въ глуши, не могли еще по сію пору оцѣнить пользу грамотности, особенно тамъ, гдѣ еще не встрѣчалась нужда въ хлѣбѣ. По мнѣнію ихъ, человѣкъ средства къ существованію долженъ получать только отъ земледѣлія. Вотъ по этому такъ долго они и не могли подняться на ту ступень развитія, на которую, въ виду многовѣковаго существованія, должны были-бъ подняться. Только въ послѣднее время стало замѣтно въ нихъ стремленіе къ усвоенію грамотности; но это стремленіе опять-таки проявляется подъ вліяніемъ неурожаевъ, повторяющихся часто, и если будутъ встрѣчать они годъ отъ году чувствительные недостатки въ матеріальныхъ средствахъ, тогда, конечно, скорѣе поймутъ пользу грамотности и будутъ уже дорожить ею; несомнѣнно, что грамотный легче заработаетъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и легче одолѣетъ тѣ трудности, которыя для неграмотнаго человѣка служатъ большой помѣхой на жизненномъ пути.

Въ жилищахъ у завьяловскихъ вотяковъ соблюдается чистота, опрятность, какой незамѣтно и у многихъ русскихъ, но въ пищѣ и питьѣ они неособенно отличаются чистотой, какъ и прочіе ихъ единоплеменники, обитающіе въ сторонѣ отъ русскихъ; впрочемъ, чистоты у нихъ больше, чѣмъ у другихъ единоплеменниковъ. Кому позволяетъ состояніе, ѣстъ хорошо, такъ что обѣдъ состоитъ изъ пяти перемѣнъ различныхъ яствъ.

Семейства у вотяковъ Завьяловской волости малочисленны, и отъ этого полевыя работы у нихъ тянутся дольше, чѣмъ у другихъ ихъ единоплеменниковъ, и несвоевременная уборка хлѣбовъ причиняетъ въ экономическомъ отношеніи вредъ. Да и вообще вотяки нынѣ, смотря на русскихъ, начали жить небольшими семьями, чего прежде у нихъ не было.

Въ семьѣ у нихъ ведется такой обычай: если отецъ старъ, то хозяйство въ домѣ онъ передаетъ одному изъ сыновей, болѣе способному управлять, и онъ, хозяйствующій, хранитъ подъ своимъ вѣденіемъ весь капиталъ отца, необходимый для оборота; онъ взноситъ за семью подати и всѣ денежныя повинности, ведетъ расходы по дому, ходитъ на совѣтъ по общественнымъ дѣламъ, и, такимъ образомъ, считается уже и при жизни отца какъ бы главой въ домѣ, безъ котораго никто изъ членовъ семьи не можетъ распоряжаться по своему произволу не только имѣньемъ, но

и дѣломъ. Если у кого въ семьѣ есть какое-либо имущество, пріобрѣтенное на свои средства, а не на общія деньги, находящіяся въ распоряженіи хозяина, или же, напримѣръ, если есть у женщинъ приданое изъ скота, то такимъ имуществомъ хозяинъ этотъ уже не распоряжается, а распоряжается тотъ, кому принадлежитъ имѣнье, по своему произволу: въ этомъ случаѣ главную роль играютъ обыкновенно женщины, такъ какъ приданое большею частью составляетъ ихъ собственность. Отцовскимъ имѣньемъ, какъ наслѣдственнымъ, до смерти отца или до разрыва семейнаго, управляетъ одинъ въ тѣхъ видахъ, чтобы оно не было растрачено никѣмъ изъ наслѣдниковъ, чтобы, въ случаѣ раздѣла, каждый получилъ свою часть въ равной мѣрѣ и не могъ потомъ жаловаться на отца.

Такіе хозяева избираются и между братьями, когда они при смерти родителя остались въ одномъ домѣ и изъ нихъ предпочтеніе предъ другими чаще дается грамотному, развитому и бережливому.

Частенько такіе братья при раздѣлѣ заводятъ изъ-за имѣнья, особенно изъ-за денегъ, ссору, поводомъ къ чему бываетъ утайка хозяиномъ общаго отцовскаго капитала.

Въ отношеніяхъ женскаго пола къ мужскому соблюдается тоже свой обычай: сноха своему свекру не должна показывать ни босыхъ ногъ, ни волосъ, и это напоминаетъ нѣсколько черты татарскихъ нравовъ. У татаръ сноха не только не должна показывать свекру лицо, но и говорить съ нимъ ей воспрещается.

Если въ домѣ двѣ или нѣсколько снохъ, то старшею считается та, которая за старшимъ сыномъ главы семьи, и эту старшую зовутъ младшія *кали*, старшая же младшихъ—*ичимень*.

Вотъ наименованіе родственниковъ и свойственниковъ.

Свекоръ—анмуртъ.

Свекровь—баба.

Деверь старшій—беська.

» младшій—шыднаръ.

Золовка старшая—бадзьымэзъ узьыэ.

» младшая—пичіэзъ узьыэ.

Отецъ—дядй, атай, бубы.

Мать—мумы, апай, попой, пэнэ, мемей.

Братъ старшій—вюня.

Братъ младшій—экэ.

Сестра старшая—апа.

» младшая—сурзы.

Дѣдъ—пересь атай, пересь дядя, пересь бубы и пр.

Бабушка—пересь нэнэ, пересь мумы, пересь нонои и пр.

Говорятъ еще: чужъ нэнэ—бабушка.

чужъ бубы—дѣдушка.

Дочь—нылы.

Сынъ—піэ.

Дядя—нюня, бече.

Тетка—апа, кенакъ.

Тесть—вармай.

Теща—вармумы.

Зять: для тестя—эмеспи.

» шурина—кырси.

Шуринъ—вармайпи.

Сноха—кенъ.

Своякъ—бусено.

Свояченица старшая—вармака.

» младшая—бултыръ.

Бултыромъ называютъ и 2-ю жену.

Сватъ—кудо.

Сватья—туклячи.

Существуютъ въ вотякскомъ языкѣ и забавныя совпаденія съ русскими словами, какъ напр.:

мы—ми; соль—слалъ; копай—копа.

ты—тыи; носъ—ныръ; стой—сылъ.

Чтобы характеризовать счетъ, я приведу слѣдующіе примѣры:

1—одыгъ,	9—укмысъ,
2—кыкъ,	10—дасъ,
3—квинь,	11—дасъ-одыгъ,
4—ньылъ,	12—дасъ-кыкъ,
5—вить,	20—кызь,
6—квать,	30—квамынъ,
7—сизьымъ,	40—ньыльдонъ,
8—тямыгъ,	50—витьтонъ,
60—кватьтонъ,	100—сю,

70—сизьымдонъ. 200—кыкъ-сю,
80—тямыстонъ, 300—квинь-сю,
90—укмыстонъ, 1000—сюрсъ.

Покончивши съ этимъ, я перейду къ мѣстнымъ способамъ *леченія* вотяковъ.

Въ болѣзняхъ вотяки обращаются за помощью чаще къ деревенскимъ знахарямъ и знахаркамъ, но въ трудныхъ случаяхъ — непремѣнно къ фельдшеру, а равно и тогда, когда отъ мѣстныхъ способовъ леченія не видятъ пользы. Знахари и знахарки лечатъ тайными нашептываніями, т. е. заговорами, а также травами, которыми запасаются на круглый годъ. Домашнія средства леченія знаетъ каждый, вѣрящій въ цѣлительную силу травъ, между которыми замѣчательны: *сьодъ-потъ* (чернобыльникъ), *вожсъ-потъ* (полынь), *кызонъ-турынъ* (трава отъ кашля; пьютъ какъ чай), *сыръкуатъ* (примачиваютъ сокомъ больное мѣсто), *кӧтчогъянъ-турынъ* (отъ колотья въ животѣ: пьютъ какъ чай), *джаба-турынъ* (пьютъ отъ боли сердца), *кӧлъ-турынъ* (ѣдятъ съ хлѣбомъ отъ глистовъ), *воръ-турынъ* (звѣробой), *чучы-турынъ* (прикладываютъ къ золотушнымъ ранкамъ на губахъ), *пинь-турынъ* (бѣлена; курятъ сѣмена изъ бумаги отъ боли зубовъ), *кіонъ-нинъ* (выводятъ лишаи), *заннатурынъ* (парятся травой какъ вѣникомъ въ банѣ отъ болѣзни всего организма) и многія другія.

Въ опухоляхъ, вслѣдствіе воспаленія и т. п., лечатся тайными нашептываньями съ помощью особыхъ талисмановъ какъ-то: точильнаго бруска *(шеръ)*, кожи, *(суронъ)*, *мучело* (судомойка), *эгыръ* (уголь), *чагъ* (сухая лучина), сухой кости отъ нижней челюсти свиньи *(парсь-анъ)*, и это леченіе называется *эмъянъ*, а самыя опухоли носятъ различныя названія по роду приписываемой знахаремъ болѣзни: *музы*. *валдэй*, *суркубатъ* двѣнадцати видовъ и проч. Заговаривая болѣзнь, придавливаютъ слегка нагрѣтыми въ трубѣ: брускомъ, кожей и пр. самое больное мѣсто, т. е. опухоль. Слова заговоровъ слѣдующія: куке шеръ вылэ, суронъ вылэ, мучело вылэ, эгыръ вылэ, кӧсъ чагъ вылэ, анъ вылэ патъизъ суркубатъ (или валдэй), сокы медъ потозъ отсы суркубатъ. Эмъясько юмъясько Анапартналэнъ кылыньызъ-бурыньзъ, пельтъисько. Кызькэ кӧсмэкуасьмэ кӧсъ кызлэнъ улэзъ ваезъ, озыкъ медъ кӧзмозъ куазьмозъ кӧсъ кызлэнъ кӧсъ кызлэнъ улэзъ сяэнъ та суркубатъ-но (когда

на точильный брусъ, на кожу сухую, на судомойку, на уголь, на сухую лучину, на кость придетъ болѣзнь суркубатъ, тогда пусть придетъ на этого человѣка суркубатъ. Лечу—заговариваю словами Ашпартны (?), дую. Какъ сохнетъ сукъ сухой ели, такъ же пусть сохнетъ и суркубатъ). Въ концѣ заговора слѣдуетъ троекратное дуновеніе. Такое леченіе или, вѣрнѣе, заговариванье повторяется до трехъ разъ, утромъ до восхода солнца и вечеромъ по захожденіи его. Отъ жабы въ горлѣ (эбекъ, токчагь), кромѣ прежде описанныхъ нами въ другихъ статьяхъ способовъ, лечатъ подобными же заговорами, но съ помощью только свиной кости, судомойки и точильного бруска. Иногда при леченьяхъ суркубата только считаютъ назадъ, начиная съ двадцати (20, 19, 18...). Это тоже, говорятъ, заговоръ.

Заговоръ отъ *оспы*.

Узы, боры кызьы куасьмэ, озьныкъ медъ куасьмэзъ та чача. Сизьымдонъ-но сизьымъ инслэнъ пудэнъ узы эзъ-борыэзъ кызьы кöсмэ-куасьмэ, тöлдзе, озьныкъ медъ кöсмозъ куасьмозъ, тöлдзёзъ та чача-но (какъ ягоды—земляника, клубника—сохнутъ, такъ же пусть сохнетъ и эта оспа. Какъ сохнутъ, разносятся вѣтромъ ягоды растеній, пусть такъ же сохнетъ и развѣется вѣтромъ эта оспа).

Заговоръ отъ *уроковъ*.

Кукэ гуръ вылэ гонъ потънзъ, сокы медъ синъ усезъ та адями вылэно; кукэ анданъ вылэ синэсть уськытозы, сокы медъ синэсть уськытозы та адями вылэно; кукэ пылезъ кырымтыръ кырмынъ быгатодъ, сокы, синъ медъ усезъ та адями вылэно. Чужъ синъ, вожъ синъ, тöдьы синъ, сьöдъ синъ, гордъ синъ (когда уроки придутъ на печь, тогда пусть придутъ и на этого человѣка; когда изурочатъ, т. е. сглазятъ сталь, укладъ, тогда пусть сглазятъ и этого человѣка; когда можешь взять горсть пыли съ чего нибудь, тогда пусть сглазится и этотъ человѣкъ. Желтый глазъ, зеленый глазъ, бѣлый глазъ, черный глазъ, красный глазъ). Заговоръ оканчивается дуновеніемъ.

Заговоръ, останавливающій, по повѣрью, *кровотеченіе* (кыжъ кылъ). Кукэ эгырлэнъ вирызъ потъ изъ, сокы та (имя рекъ) лэнъ кіысьтызъ (или изъ другаго посѣченнаго мѣста) виръ медъ потозъ. Въ концѣ этихъ словъ заговаривающій дуетъ на порѣзанное мѣсто три раза и говоритъ оминь (аминь).

Другой разъ говоритъ: кукэ излэнъ вирызъ потыкъ, сокы та (имя рекъ) лэнъ кіысьтызъ (порѣзанное мѣсто) виръ медъ потозъ. Опять дуетъ три раза и говоритъ омынь.

Въ третій разъ повторяетъ тѣ же слова, но въ заговорѣ упоминаетъ жало пчелы. Кукэ мушъ шіысь виръ потозъ, сокы та (имя рекъ) лэнъ кіысьтызъ (порѣзанное мѣсто) виръ медъ потозъ. Въ концѣ слѣдуетъ троекратное дуновенье и говоритъ омынь.

Русскій переводъ перваго заговора.

Когда изъ угля потечетъ кровь, тогда изъ руки (порѣзанное мѣсто) этого (имя рекъ) пусть потечетъ кровь. Аминь.

Второй заговоръ.

Когда изъ камня потечетъ кровь, тогда изъ руки (порѣзанное мѣсто) этого (имя рекъ) пусть потечетъ кровь. Аминь.

Третій заговоръ.

Когда изъ пчелинаго жала потечетъ кровь, тогда изъ руки (порѣзанное мѣсто) этого (имя рекъ) пусть потечетъ кровь. Аминь.

Въ опухоляхъ, называемыхъ, напримѣръ, *мујы*, если пухнутъ ноги, челюсти или что другое, по совѣту и указанію ворожца дѣлаютъ, такъ называемый, *мујы келянъ* (проводы мујы, т. е. болѣзни). Больной беретъ осиновую палочку съ четверть длиной и въ расщепину ея кладетъ монету въ одну копѣйку и кусокъ мяса ласки (четвероногое животное изъ отряда хорьковъ), или утки, такъ называемой, назадлапой (у коей лапы назадъ) и такое дерево съ монетой и кускомъ мяса обертывается пунцовымъ ситцемъ такъ, что оно принимаетъ нѣкоторое подобіе куклы. Не только видѣть эту куклу, но даже знать о ней никто изъ семейныхъ больнаго не долженъ. Приготовивши такую куклу, имѣющую, безъ сомнѣнія, какое нибудь символическое значеніе, больной приглашаетъ какаго нибудь старичка и кукла вручается ему съ просьбой отнести ее на перекрестокъ дорогъ или бросить въ воду, обыкновенно за мельницу: старикъ незамѣтно ни для кого несетъ куклу или ночью или же утромъ до солнца, стараясь о томъ, чтобы на пути ни съ кѣмъ не встрѣтиться, не оглядываться назадъ; если же случай приведетъ встрѣтиться, онъ не долженъ ни говорить со встрѣтившимся, ни смотрѣть на него, иначе-де пользы не будетъ. Когда будетъ брошена кукла, старикъ дѣлаетъ видъ, будто плачетъ по больномъ: умеръ-де онъ бѣдняга. При возвра-

щенія домой старикъ соблюдаетъ тѣже примѣты, т. е. не оглядывается назадъ, не говоритъ со встрѣчающимся, а съ больнымъ избѣгаетъ видѣться цѣлые сутки. Если кукла брошена въ воду, больной не долженъ уже пить воду изъ нижней части источника, по которой уплыла кукла: исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только верхъ рѣчки, считая отъ того мѣста, куда брошена кукла, куда ее не унесутъ струи рѣчки. Это называется, какъ сказали мы уже выше, муjы келянъ. За такіе проводы куклы старикъ получаетъ вознагражденіе, такъ какъ на это не всякій изъявляетъ желаніе: это, говорятъ, все равно, что нести падину.

Иные дѣлаютъ двухъ куколъ—мужчину и женщину и, если страдаетъ мужчина, мясо и копѣйку кладутъ въ палочку той куклы, которая изображаетъ мужчину, если же женщина—въ куклу, изображающую женщину. Куклы эти связываются незамѣтно ни для кого и лежатъ три ночи.

Въ болѣзняхъ женщинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такія куклы хоронятся въ землю, муравейникъ и проч., а гдѣ бросаютъ ихъ на старыя языческія кладбища (тай), и это называется *мынё куштонъ*, *мынё ватонъ* (бросаніе куклы, хороненіе куклы). Съ такимъ обычаемъ связано повѣрье, что женщину поразила болѣзнью та кукла, которой она, будучи дѣвочкой, играла. Въ лихорадкѣ нѣкоторыми тоже бросается кукла.

Не менѣе интересно леченіе, такъ называемаго, летучаго огня *тылъ яра*—родъ коросты, образующейся отъ обожженія. Эту болѣзнь высѣкаютъ посредствомъ огнива и трута. Высѣкаетъ ее обыкновенно сестреница (чужъ-одѣтъ) и говоритъ при этомъ: «высѣкаетъ твоя (больнаго) сестреница, чтобы не было». Подобное же леченіе существуетъ и у русскихъ, но у нихъ высѣкаютъ двое — первый (кто родился прежде) и послѣдній (кто родился послѣднимъ). Первый высѣкаетъ, а послѣдній спрашиваетъ высѣкающаго до трехъ разъ: «что высѣкаешь»?—«Летучій огонь», отвѣчаетъ высѣкающій.—«Сѣки, сѣки, чтобы не было», опять говоритъ послѣдній.

Воспитаніе дѣтей.

На дѣло воспитанія дѣтей вотяками хотя и мало обращается вниманія, но воспитаніе въ нравственномъ отношеніи у нихъ идетъ

удовлетворительно. Они, любя миръ и согласіе, что особенно характеризуетъ ихъ, внушаютъ это же и дѣтямъ своимъ; поэтому дѣти ихъ все то, что нарушуетъ миръ и согласіе, считаютъ порокомъ и стараются быть кроткими и тихими въ обхожденіи со своими ближними; только одно портитъ ихъ: съ наступленіемъ совершеннолѣтія они посѣщаютъ ночныя игры, пирушки (юмшаны, уйбытъ ветлоны, уйбытъ юоны) и посидѣлки въ баняхъ (мынчопинъ пуконы), гдѣ молодежь предается разврату. Въ послѣднее время хотя среди нихъ и слышатся сквернословія, но они усвоены отъ русскихъ, что доказываютъ и самыя сквернословія, произносимыя на русскомъ языкѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, кои удалены отъ русскихъ, сквернословія рѣдки; тамъ и миръ и согласіе царствуютъ въ полной силѣ. Смотря на жизнь вотяковъ въ такихъ селеніяхъ, невольно спрашиваешь себя: для чего дозволяютъ русскимъ переселяться къ вотякамъ? Если для того, чтобы вотяки перенимали русскіе обычаи, то вѣдь обычаи русскихъ не стоятъ похвалы; напримѣръ, шумныя языческія празднества на масляницѣ въ пьяномъ видѣ, гдѣ совершаются различнаго рода буянства, драки; а равно и такія отношенія, въ которыхъ сказывается мстительность, тиранство, жестокое обращеніе съ женами и проч. Если же имѣть въ виду, что вотяки отъ вліянія русскаго населенія забудутъ свои древніе обычаи жертвоприношеній, то стоитъ только побольше открыть въ вотяцкихъ мѣстностяхъ школъ и грамотность сама собой уничтожитъ эти обычаи, недопускаемые христіанствомъ. Замѣтьте, что среди вотяковъ нѣтъ выдающихся преступленій, какія совершаются русскими, да и вообще въ Россіи ни изъ какихъ народностей финскихъ племенъ еще не являлись такіе изверги, какіе являются иногда между собственно русскимъ населеніемъ.

Къ начальству вотяки почтительны и мы имѣли случай видѣть, какъ горсть ихъ выражала свое уваженіе къ властямъ, что видно изъ нижепомѣщеннаго разсказа: «Встрѣча великаго князя въ селѣ Завьяловѣ». Разсказъ этотъ хотя и не представляетъ особеннаго этнографическаго интереса, но не лишенъ занимательности въ томъ отношеніи, что по нему можно судить объ отношеніи вотяковъ къ властямъ и особамъ. Словомъ, вотяки во многихъ отношеніяхъ далеко превосходятъ русскихъ, вращающихся около нихъ.

Только физическое воспитаніе дѣтей у нихъ неудовлетворительно. Неумѣнье ухаживать за дѣтьми и необращеніе на это вниманія влекутъ за собою дурныя послѣдствія, напримѣръ, повальныя болѣзни дѣтей. Массами умираютъ дѣти ихъ лѣтомъ съ появленіемъ первыхъ недозрѣлыхъ ягодъ: земляники, клубники, малины и проч., которыми кормятъ дѣтей до пресыщенія изъ любви къ нимъ, отчего у дѣтей является острая боль въ желудкѣ, поносъ и проч., которые, большею частью, оканчиваются смертью: а во время полевыхъ работъ женщины оставляютъ дѣтей безъ всякаго присмотра со стороны взрослыхъ, подъ открытымъ небомъ, когда знойный воздухъ жжетъ тѣло и дѣти отъ невыносимой жары предаются неутѣшному реву во вредъ своему здоровью. Часто присмотръ поручаютъ маленькимъ же крошкамъ, которыя нерѣдко разыгрываютъ роль медвѣдя съ пустынникомъ.

Въ одинъ изъ страдныхъ дней августа мѣсяца я, пишущій эти строки, вышелъ въ поле съ корзинкой искать грибы, и съ этой цѣлью бродилъ около перелѣсковъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ. Вдругъ до слуха моего начали доходить дѣтскіе крики, смѣшанные съ плачемъ груднаго ребенка, усиливающимся болѣе и болѣе. Сначала, конечно, я не обратилъ на это вниманія, какъ на явленіе обычное въ полѣ во время страды, но когда прошло времени болѣе четверти часа и ребенокъ все еще ревѣлъ, я вышелъ на поляну, откуда слышались дѣтскіе крики и плачъ груднаго младенца. Шагахъ въ 50, примѣрно, отъ меня, на концѣ выжатой полосы, сидѣло около четырехъ человѣкъ маленькихъ дѣтей, а среди нихъ стояла походная люлька (кöкы). Я направилъ шаги къ дѣтямъ: дошелъ до нихъ и вижу: въ колыбели лежитъ ребенокъ, барахтаясь ноженками и рученками, а на немъ—комья земли, трава, жнива и проч., такъ что кромѣ ручекъ и ножекъ не видно ничего; это, несомнѣнно, продѣлки дѣтей. Я оглянулся кругомъ и, въ саженяхъ 30 отъ ребенка, увидѣлъ нѣсколько человѣкъ мужчинъ и дѣтей, жнущихъ овесъ. Ускоривши шаги, пошелъ къ жнецамъ и на половинѣ разстоянья передалъ имъ о видѣнномъ мною, причемъ присовокупилъ, что грудное дитя можетъ задохнуться. Въ одинъ моментъ изъ группы жнущихъ выдѣлилась женщина, вѣроятно, мать злополучнаго ребенка, бросила серпъ и побѣжала къ ребенку. На другой полосѣ, кажется, въ тотъ же день, на моихъ

глазахъ, ребенокъ упалъ личикомъ на жниву, но былъ вскорѣ поднятъ другимъ, гораздо старше: однако, изъ носа, вѣроятно, отъ соломинки, сочилась кровь. Не будь въ это время другихъ, кто могъ поднять его, онъ легко могъ бы задохнуться.

Вотъ какія картины нерѣдко можно видѣть въ вотякскихъ поляхъ во время страды!

Малолѣтніе дѣти зимой изъ обуви и одежды, кромѣ коротенькой рубашенки, на себѣ ничего не имѣютъ, и несмотря ни на какой морозъ ходятъ весь день босикомъ и сидятъ на полу, вдыхая въ себя холодный воздухъ. Отъ грязной одежды тѣло ребенка подвергается чесоткѣ, отнимающей покой и сонъ, и это заставляетъ матерей прибѣгать къ помощи своего леченья, но леченье это состоитъ лишь въ пареньѣ въ банѣ въ сильномъ жару. Хотя послѣ такой операціи чесотка и унимается на нѣсколько часовъ, но зато потомъ развивается сильнѣе.

Дѣтей качаютъ въ колыбели до двухъ-лѣтняго возраста и въ это время надъ головой дитяти привѣшивается на шнуркѣ колоколецъ и тутъ же, ниже колокольца, виситъ рожокъ съ соской, куда наливается молоко. Когда дитя будетъ въ состояніи сидѣть, тогда сажаютъ его въ дупло съ поперечиной для сидѣнья. Дупло ставится чаще къ лавкѣ и на лавку ребенку кладутся разныя игрушки вродѣ черепковъ отъ ломанной посуды и деревянные шарики, окрашенные въ красный цвѣтъ съ гальками внутри. Когда ребенокъ насидится въ дуплѣ и будетъ выражать плачемъ нежеланіе больше сидѣть, мать кормитъ его грудью и укладываетъ спать. Если дитя въ состояніи будетъ стоять, отецъ, изъ ласки къ нему, качаетъ его такимъ образомъ: ставитъ дитя на ступню своей правой ноги, держа ребенка за предплечія рукъ, и попеременно то приподнимаетъ ступню кверху, то опускаетъ книзу; дитя отъ удовольствія смѣется и хохочетъ, глядя въ глаза отцу, а отецъ, чтобы развеселить дитя болѣе, слегка посвистываетъ, когда поднимаетъ ступню ноги кверху. Такое гимнастическое упражненіе полезно въ томъ отношеніи, что у дитяти развиваются мускулы и ноги, но, къ сожалѣнію, упражненія эти рѣдки. Иногда сами дѣти просятся «качаться» такимъ способомъ, но по лѣности просьба ихъ остается безъ удовлетворенія.

Укладывая въ первый разъ новорожденнаго въ колыбель, на

третій день послѣ рожденія, кладутъ въ эту колыбель три вареныхъ яйца, а за неимѣніемъ ихъ и картофелины, которыя чрезъ нѣсколько же минутъ вынимаются и отдаются дѣтямъ со словами, что картофель или яйца отъ новорожденнаго. Укладыванье ребенка связано съ особымъ обрядомъ *кöкы шыдъ*, о которомъ нами будетъ сказано ниже.

Если у вотяка не живутъ дѣти, ѣдутъ крестить новорожденнаго въ другой приходъ; иные продаютъ ихъ своимъ же семейнымъ или совершенно стороннимъ, напримѣръ, нищему. Покупатель беретъ дитя на руки и отдаетъ за него въ уплату какую-нибудь мѣдную монету, которую и хранитъ мать дитяти. Ребенокъ въ тужъ минуту опять переходитъ въ руки матери, а покупатель отъ нея принимаетъ угощеніе; она говоритъ покупателю: «пусть проданный ребенокъ на твое счастье будетъ жить».

Ласки къ дитяти мать выражаетъ трепаньемъ по спинкѣ, глаженьемъ по головкѣ. Если ребенокъ плачетъ, мать говоритъ: гыдыкэ, зарніэ, мусоэ! малы бöрдиськодъ? тужъ-а малыкэ висъкодъ? öй тодъ таинъ, адралодъ (голубчикъ, золото, милый! зачѣмъ плачешь? больно развѣ хвораешь? не знаю что дѣлать съ тобой, удивляюсь). Колыбельныя пѣсни отъ вотячки, укладывающей дитя, услышите весьма рѣдко. Въ одномъ мѣстѣ нами услышана такая колыбельная пѣсня:

Чагыръ, чагыръ дыдыкэ!
Малы пыддэ жобаськöдъ?
Чеберъ піэ-гыдыкэ!
Малы яламъ бöрдъиськодъ?

* * *

Бадзьымъ будодъ—тырь басьтодъ,
Сикэ мынодъ кырдзяса;
Джужытъ кызэзъ уськытодъ,
Жадедъ, пудэ кораса.

* * *

Мынамъ бырозъ асъ пöры,
Тонэ вите жаляса
Шунды ватскозъ сикъ-сьöры,
Гуртэ бертодъ жадьыса.

* * *

Сюдо топэ табаненъ,
Іырдэ вӧзынъ вӧяса.
Юодъ мушъсуръ чечыэнъ,
Муми пӧзьтъизъ шуыса.

* *
*

Чагыръ, чагыръ дыдыкэ!
Малы пыддэ жобаськӧдъ?
Чеберъ піэ-гыдыкэ!
Малы яламъ бӧрдъиськодъ?

По русски.

Сизой, сизой голубочекъ!
Зачѣмъ поженьки мараешь?
Сынокъ миленькій-красавчикъ!
Зачѣмъ, дитятко, все плачешь?

* *
*

Выростешь — возьмешь топоръ,
Уйдешь съ пѣсенкой въ лѣсочекъ;
Свалишь дерево большое,
Рубить будешь и устанешь.

* *
*

Я свою стряпню окончу,
Буду ждать тебя, жалѣя.
Зайдетъ солнце за лѣсокъ,
Ты устанешь и вернешься.

* *
*

Напеку тебѣ олашковъ,
Масломъ головку примажу,
Будешь пить ты пиво съ медомъ,
Говоря, что мать сварила.

* *
*

Сизой, сизой голубочекъ!
Зачѣмъ поженьки мараешь?
Сынокъ миленькій, красавчикъ!
Зачѣмъ, дитятко, все плачешь?

Одежда.

Въ одеждѣ завьяловскаго вотяка замѣчается особенная пестрота; преобладающій цвѣтъ въ ней синій, какъ и у русскихъ. Пестрота и синій цвѣтъ вошли въ обычай вслѣдствіе вліянія русскаго населенія, особенно мастеровыхъ Ижевскаго оружейнаго завода, съ которыми вотяки имѣютъ постоянное сношеніе.

Кстати, скажемъ и о цвѣтахъ, различаемыхъ вотяками и имѣющихъ особыя названія. Вотъ цвѣта, различаемые вотяками:

тӧдьы—бѣлый,	сьӧдъ—черный,
лызъ—синій,	льӧль—багряный, малиновый,
чагыръ—голубой,	бусъиръ—фіолетовый,
чужъ—жолтый,	гордъ—пунцовый, красный.
пурысь—сѣрый, сѣдой.	кельытъ—рыжій (конь, борода, волосы),
курень—бурый (конь),	чукдоръ—игреній (масть коня).
судъ—русый,	судъ—голубой (о лошади),
вожъ—зеленый,	шакмато лызъ—сиво-желтый,
тӧри—гнѣдой (конь),	тӧдьысудъ—свѣтлорусый.

Любимые цвѣта женщинъ красный и малиновый, а также голубой.

На головѣ мужчины лѣтомъ шерстяная шляпа, имѣющая котлообразную форму, чернаго цвѣта; со временемъ шляпа эта принимаетъ бурый цвѣтъ. Зимой шляпу замѣняетъ дешевая мерлушчатая шапка, которыя покупаютъ на заводскихъ рынкахъ у мѣстныхъ торговцевъ. Холостые парни лѣтомъ носятъ черные суконные картузы.

Нижнюю одежду мужчинъ зимой и лѣтомъ составляютъ синіе или пестрые порты и рубаха; только на окраинахъ волости чаще встрѣчаются бѣлые. Зимой на порты надѣваются суконные своего издѣлья шаровары, которые застегиваются внизу для плотности пуговками или просто на нихъ надѣваются чулки или навертываются онучи. Обувью служатъ лапти исключительно русскіе, называемые однокрайками. Онучи же лѣтомъ носятъ портяныя, а зимой—суконныя.

Праздничная одежда мужчинъ отъ будничной отличается только чистотой. Болѣе состоятельные носятъ по праздничнымъ днямъ лѣтомъ суконные чернаго цвѣта чепаны со сборками, какъ у полу-

шубка, а зимой—крытые сукномъ полушубки: на ногахъ лѣтомъ непремѣнно сапоги, а зимой — валенки, на головѣ же — картузъ. Вообще, говоря объ одеждѣ мужчинъ, мы должны сказать, что она мало отличается или же вовсе не отличается отъ одежды русскихъ крестьянъ.

Женщины носятъ панталоны и длинныя рубахи съ прямыми воротами изъ пестраго и бѣлаго холста; на подолѣ рубахи непремѣнно сборчатая изъ краснаго ситцу кайма—*бичыамъ сӧзулъ*. Подъ рубахой на голомъ тѣлѣ носятъ четыреугольный нагрудникъ, закрывающій груди. Вотячки въ другихъ мѣстностяхъ нагрудники (*мурэсъазь*) носятъ не на голомъ тѣлѣ, а на рубахѣ: здѣсь же, въ Завьяловской волости, нагрудниковъ, носимыхъ на рубахѣ, намъ не встрѣчалось видѣть. Такая мода у завьяловскихъ вотячекъ нѣсколько сходна съ татарской.

На рубаху надѣвается сборчатый *зыбынъ* вродѣ мужскаго чепана изъ чернаго миткалю или другой матеріи своего издѣлья: у богатыхъ такіе зыбыны суконные. По зыбыну дѣвушки опоясываются цвѣтными гарусными опоясками, а женщины надѣваютъ особеннаго рода фартуки, какіе носятъ каменьщики.

Женщины и дѣвушки въ будни ходятъ въ остроносыхъ вотскихъ лаптяхъ, а въ праздничные дни послѣднія надѣваютъ ботинки. На головѣ дѣвушки — платокъ какъ и у русскихъ, подвязанный подъ подбородокъ, и въ такомъ нарядѣ дѣвушка не отличается отъ русской, тѣмъ болѣе, что изъ подъ платка сзади торчитъ сплетенная коса, къ концу которой пришпиливается шелковая лента. Въ праздничные дни, чтобы придать своему наряду большую красоту и вотскую моду, дѣвушка платокъ завязываетъ на затылокъ, а узелъ покрываетъ треугольнымъ концомъ платка, ниспадающимъ на спину. Такъ завязываютъ татарскія дѣвушки и русскія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Если платокъ надѣтъ такимъ образомъ, то непремѣнно на груди долженъ быть *дзюзъетъ* — нагрудное ожерелье изъ серебряныхъ монетъ, нанизанныхъ на холстъ. Монеты на дзюзъетѣ представляютъ сплошную массу серебра, напоминающую чешуйчатые бока рыбы. Шея у дѣвицъ украшается соединенными рядомъ бусами и мелкими серебряными монетами. Дзюзъеты раздѣляются на двѣ половины и каждая имѣетъ форму четыреугольную. Монеты на этихъ дзюзъетахъ нашиты симме-

тично—отъ двухъ до пяти рядовъ. На такое украшеніе идетъ у богатыхъ рублей до 30.

Дѣвушки носятъ одну косу и къ концу ея, какъ упомянули мы уже выше, пришпиливается лента.

Уборъ женщины тоже представляетъ разницу въ сравненіи съ уборомъ вотячекъ другихъ мѣстностей и племенъ. Женщина беретъ шнурокъ изъ нитокъ длиной около 2 арш. и завиваетъ его съ волосами по краямъ лба такъ, что половина идетъ на завивку одной половины косы, а другая—на завивку другой и изъ каждой изъ этихъ двухъ половинъ образуется скрученная заплетка, которая, будучи прикрѣплена около ушей, выставляется изъ-подъ платка наружу на одинъ вершокъ. На убранную такимъ образомъ косу надѣвается *пелькышетъ*—холщевый треугольный платокъ и завязывается на затылкѣ поверхъ опущеннаго на спину конца. По этому концу опоясываются опояской или тесьмой фартука. Концы пелькышета не имѣютъ никакихъ украшеній, если не считать украшеніемъ ситцевую кайму, или просто вмѣсто каймы къ концамъ пелькышета пришивается ситецъ. Молодушки, примѣрно до трехъ лѣтъ, носятъ вмѣсто пелькышета, или особо отъ него, *чалму*—бѣлое полотенце съ красными каймами на концахъ, ниспадающихъ ниже спины. Во время ношенія чалмы женщина волосы еще не раздѣляетъ на двѣ косы и не заплетаетъ ихъ какъ старушка, а носитъ косу какъ дѣвушка, но ее изъ-за чалмы не видно. Головной уборъ женщины составляетъ еще конусообразный *айшонъ*, который надѣвается на молодушку въ первый разъ на ярашонѣ. Ярашонъ — первая часть свадебнаго обряда, которая совершается на масляной недѣлѣ, когда она, молодушка, въ первый разъ привозится къ молодому и послѣ обряда обратно отвозится въ домъ родителей. Айшонъ—берестяная конусообразная шапка; на него надѣвается такой же конусообрзный колпакъ и спереди этотъ колпакъ украшается или, вѣрнѣе, покрывается серебряными монетами отъ 10 руб. и болѣе, и такимъ образомъ передняя лицевая сторона представляетъ сплошную серебряную массу. По краямъ айшона нашиваются шнурки, унизанные стеклянными бусами ряда въ три, а къ острому, т. е. къ верхнему, концу айшона, прикрѣпляется кисть. На айшонъ съ задней стороны накидывается *сюлыкъ*—четыреугольный платокъ съ бахромой по краямъ, и этотъ сюлыкъ ниспадаетъ съ айшона на плечи. Надѣтый

на молодушку въ первой части свадебнаго обряда, айшонъ символизируетъ переходъ въ замужество; но однако до трехъ лѣтъ она, пока носитъ чалму, волосы въ двѣ косы не расплетаетъ; по истеченіи же этого времени молодушка приглашаетъ въ баню двухъ-трехъ пожилыхъ женщинъ и проситъ ихъ свить дзюзъетъ, т. е. заплетки посредствомъ шнурка, какъ мы имѣли уже случай объ этомъ говорить выше, и съ этого времени чалму она не въ правѣ носить, какъ вступившая въ разрядъ женщинъ. Къ айшону послѣ этого пришивается *быртmосъ*, имѣющій форму трапеціи. Быртосъ, довершающій уборъ самого айшона, пришивается къ верхнему концу лицевой стороны айшона поперекъ его. Края быртоса окаймляются шнуркомъ, унизаннымъ бусами, а нижній край сверхъ того украшается серебряными монетами вмѣсто бахромы. Такъ какъ надѣваніе айшона и чалмы означаетъ, что переходъ въ замужество совершается постепенно, то быртосъ имѣетъ въ заключеніе то значеніе, что женщина перешла въ разрядъ пожилыхъ. Нарядный костюмъ вотячекъ села Завьялова помѣщенъ въ журналѣ «Нива» за 1887 годъ, на стр. 1069, № 43. Рисунокъ этотъ взятъ съ фотографіи, снятой съ вотячекъ въ селѣ Завьяловѣ Сарапульскаго уѣзда 21 іюня 1887 года.

Нынѣ айшоны надѣваютъ рѣдко; это отчасти объясняется тѣмъ, что на нихъ, говорятъ, требуется серебряныхъ монетъ рублей 20, а эту сумму добыть можетъ не каждый.

Бытъ и занятіе.

Вотяки живутъ въ осѣдломъ быту; занимаются исключительно земледѣліемъ по трехпольной системѣ полеводства (1-е поле озимовое, 2-е—яровое и 3-е—паръ): сѣютъ хлѣба: озимовую рожь, ячмень, овесъ, пшеницу и по немногу гречи, а гдѣ и полбы. Посѣвъ озимоваго хлѣба производится между 1—15 числами августа, яровыхъ отъ 1 до 20 мая.

Поля огораживаются пряслами (кеперъ), раздѣленными на звенья (сурымъ). Чтобы провести изгородь, сначала ставятъ по предположенной линіи рядами по два кола, одинъ отъ другаго не менѣе 1/2 четверти арш., и такіе колья связываются молодыми скрученными

деревьями, а къ каждому колу по бокамъ ставятъ подпоры (пыкэтъ). Такія колья ставятъ по предположенной линіи одни отъ другихъ на разстояніи 2—3 саж. Между этими кольями кладутъ горизонтально жерди, оставляя между ними промежутки около четверти аршина, не болѣе; вышина пряселъ (изгородей) не превышаемъ одной сажени. Полосы на поляхъ дѣлятся на звенья, которыя русскіе называютъ *гонами*, а сами вотяки—*вотлосъ*: по этимъ гонамъ и считается длина полосы. При обработкѣ земли каждые гоны обработываются отдѣльно отъ прочихъ, т. е. вспахавши однѣ гоны, пахарь начинаетъ пахать другіе. Пространства на поляхъ, имѣющія форму треугольниковъ, измѣряются посредствомъ обращенія ихъ въ форму параллелограма. Инструментами при этомъ служатъ веревка и сажень.

Послѣ посѣва яровыхъ хлѣбовъ, чрезъ нѣсколько времени, распахивается паровое поле, потомъ распаханное поле боронуется и, наконецъ, въ концѣ іюля опять перепахивается все поле.

Сѣнокосъ начинается съ Петрова дня и оканчивается, примѣрно, чрезъ двѣ недѣли. Орудіями при этомъ служатъ: коса-литовка, а гдѣ и горбушка, грабли и вилы, при помощи которыхъ убираютъ сѣно. Сѣно, сгребенное въ небольшіе кучки (бöмъ), складывается мужиками при помощи вилъ въ копны, потомъ копны цѣликомъ сваливаются или, вѣрнѣе, стаскиваются въ огородъ. При перевозкѣ копенъ надѣваютъ на коня хомутъ безъ шлеи; къ одному гужу привязывается толстая веревка, а на коня садится обыкновенно мальчикъ, который долженъ возить копны. Если, напримѣръ, веревка привязана къ лѣвому гужу, мальчикъ-сѣдокъ окружаетъ копну съ лѣвой стороны и, ставши задомъ къ копнѣ, пятитъ коня ближе къ ней, чтобы достало веревки: а другой, находящійся при копнѣ, окружаетъ ее веревкой, затѣмъ другой конецъ веревки привязываетъ къ правому гужу; а чтобы копна не развалилась, веревку подсовываютъ подъ боковые и задніе края ея: тогда сѣдокъ понукиваетъ коня и копна тащится цѣликомъ, въ какомъ видѣ и привозитъ ее сѣдокъ въ огородъ и, оставивши тамъ, ѣдетъ за слѣдующей копной. Въ это время другіе мечутъ зароды, т. е. скирды. Для скирдъ предварительно вбиваютъ въ огородѣ длинныя колья въ одномъ направленіи, другъ отъ друга на разсто-

янiи около сажени, числомъ отъ 2 до 6 кольевъ, смотря по тому, сколько должно получиться сѣна.

Вершина скирды сводится понемногу, и когда она будетъ совершенно сведена, тогда пригнетается съ обѣихъ сторонъ прутьями или жердочками, чѣмъ и предупреждается разлетанiе сѣна. Къ основанiю скирды ставятъ подпоры.

Уборка хлѣбовъ продолжается съ 1 августа по 1 сентября, а гдѣ начинаютъ жать еще съ 21 iюля, тамъ и уборка оканчивается гораздо раньше. Снопы вѣшаютъ на колья и кладутъ суслоны и грудки, но вѣшанье предпочитается, потому что снопы не падаютъ на землю и не гнiютъ. Снопы на кольяхъ принимаютъ виды конусовъ, винтовъ, четырехъ и шестигранныхъ брусьевъ съ острыми вершинами. Чѣмъ больше угловъ въ колу, тѣмъ болѣе сноповъ; меньше сноповъ считается въ винтообразныхъ колахъ. Снопы на кольяхъ и въ суслонахъ остаются на полосѣ до окончанiя жатвы, послѣ чего уже убираются въ скирды (кабаны). Мѣста для скирдъ выбираются нѣсколькими домохозяевами отдѣльно отъ другихъ и они уже никогда на другое мѣсто ихъ не переносятъ. При уборкѣ хлѣбовъ нѣкоторыми соблюдается такое повѣрье: соломинки съ колосками, остающiяся на кольяхъ, слѣдуетъ снимать и засовывать за поясъ снопа, чтобы въ будущiй годъ былъ такой же урожай: иначе, говорятъ, хлѣбъ не уродится, потому что соломинки съ колосками жалуются на хозяина: «оставилъ де на цѣлую зиму на посмѣянье и игрушку вѣтрамъ», который будетъ со всѣхъ сторонъ пошатывать ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для уборки хлѣбовъ служатъ особыя двухколесныя телѣги, на которыхъ устраиваются продолговатые ящики безъ лубьевъ, безъ боковыхъ сторонъ. Такой ящикъ утверждается на двухъ жердяхъ, заднiя концы которыхъ волочатся по землѣ.

Во время жатвы, если стоятъ дни жаркiе, предпочитаютъ жать хлѣбъ съ росою, чтобы онъ не осыпался, а иные, запоздавшiе въ уборкѣ хлѣба, жнутъ и по ночамъ, если ночи лунныя.

Изъ хлѣбныхъ растенiй жнутъ серпами: рожь, овесъ, ячмень, пшеницу, полбу, а гречу косятъ и жнутъ. Масляничнопрядильныя растенiя, какъ-то: коноплю и ленъ, рвутъ съ корнями.

Кромѣ вышепоименованныхъ хлѣбовъ и масляничнопрядильныхъ растенiй сѣютъ въ поляхъ рѣпу и горохъ, служащiе боль-

шимъ подспорьемъ хлѣбу. Каждый домохозяинъ имѣетъ при своемъ домѣ огородъ, гдѣ садитъ подъ соху и на грядки картофель, а также: рѣдьку, лукъ, морковь, свеклу, сладкую рѣдьку, капусту, калегу (брюкву). Послѣднія, т. е. капусту и калегу, пересаживаютъ съ парниковъ, когда розсада принимаетъ шестой листъ, и пока не окрѣпнутъ они, поливаютъ по утрамъ и вечерамъ водою.

Земля обработывается слѣдующими орудіями: сохой съ двумя ральниками и шабалой; бороной съ деревянными (рѣдко желѣзными) зубьями и рѣзцомъ, употребляемыхъ только при распашкѣ новинъ для разрѣзыванья пластовъ. Нынѣ въ употребленіе вошли *сабаны*, которыхъ начали предпочитать простой сохѣ потому, что сабанъ глубже беретъ и легче отдѣляетъ пласты. Вообще, говорятъ, сабаномъ лучше пахать и легче. Земля удабривается скотскимъ навозомъ, но удобренія она получаетъ мало, и отъ этого получаются неудовлетворительные урожаи.

Между причинами неудовлетворительного состоянія хозяйства выдаются еще: 1) неумѣнье, какъ слѣдуетъ, обработывать землю, 2) несоотвѣтствіе своему назначенію земледѣльческихъ орудій, 3) незнаніе причинъ, отъ которыхъ зависитъ хорошій ростъ хлѣбныхъ растеній и 4) неумѣнье выбирать землю для каждаго рода хлѣбовъ и, вообще, неправильная система полеводства. Многолѣтнія наблюденія опытныхъ сельскихъ хозяевъ показали, что пахать для хлѣбныхъ растеній въ здѣшней мѣстности слѣдуетъ глубоко, между тѣмъ плохая вотская соха беретъ въ глубину всего около 3 верш., и къ тому же легкая борона съ деревянными зубьями не можетъ разрыхлить почву, какъ слѣдуетъ для того, чтобы нѣжный корешокъ могъ свободно углубиться въ землю. Глубокое паханье и хорошее разрыхленіе, какъ извѣстно, имѣетъ ту пользу, что, во 1) во время засухи глубоко вспаханное мѣсто гораздо меньше высыхаетъ и растеніе, посредствомъ своихъ корней, питательную влагу высасываетъ изъ глубины; 2) въ дождливое время вода не долго стоитъ на поверхности земли и воздухъ удобнѣе проникаетъ въ нѣжные слои; 3) въ морозъ на глубоко вспаханномъ мѣстѣ растеніе гораздо меньше страдаетъ, потому что высокоокружающая корень земля защищаетъ его отъ морозовъ, и 4) на глубоковспаханномъ мѣстѣ растеніе рѣже ложится, такъ какъ корень и стебель имѣютъ большую силу и крѣпость. Напротивъ, мелко вспаханное мѣсто не мо-

жетъ дать обильной жатвы, потому что корень въ немъ получаетъ скудное питаніе.

Почва въ Сарапульскомъ уѣздѣ, повторяемъ, вообще плодородна. При разумномъ веденіи полеводства урожаи здѣсь были бы превосходные, но жители объ улучшеніяхъ въ своемъ полеводствѣ и не думаютъ, а упорно держатся старыхъ пріемовъ.

Изо льна и конопли изготовляютъ или обработываютъ отрепье, изгребь, пачесь и волокно, которые носятъ общее названіе *кудели*. Для конопли избирается земля рыхлая, черноземная, а для льна — мѣсто новое, пустошь. Пустоши обработываются сохой, съ помощью, такъ называемаго, чертеца или рѣзака, служащаго для разрѣзыванія пластовъ. Чертецъ насаживается на нераздвоенную россоху такимъ образомъ, что остріемъ онъ обращается впередъ. Чтобы распахать пустошь, сначала проѣзжаютъ по ней рѣзцомъ два раза, отчего образуются двѣ прямыя параллельныя линіи, въ разстояніи одна отъ другой полторы четверти. Послѣ этого пахарь сохой проѣзжаетъ по той чертѣ, которая лежитъ по правую сторону его. Пласты, отдѣляясь отъ подпочвы ральниками и выворачиваясь посредствомъ отвала (шабалы) въ правую сторону пашущаго, ложатся въ одномъ направленіи, какъ проведена черта въ вывороченномъ видѣ, и эта сторона предоставляется дѣйствію воздуха. Когда снятъ первый пластъ, опять проѣзжаютъ съ рѣзакомъ по краю борозды и прорѣзывается пластъ такой же ширины. Такимъ образомъ и распахивается вся пустошь. Засѣянное льномъ мѣсто заборанивается бороной, съ помощью древесныхъ (елевыхъ) вѣтвей, которыя лучше закрываютъ посѣянныя зерна.

Выдерганный ленъ въ снопикахъ развѣшивается или тутъ же на полосѣ на нарочно устроенныхъ изъ жердей вѣшалкахъ, или на заборахъ, или же на пряслахъ. Когда головки, содержащія въ себѣ сѣмена, высохнутъ, околачиваютъ ихъ на деревянныхъ чурбанахъ вальками и колотушками. Полученное сѣмя отъ мякины отдѣляется посредствомъ вѣянья на вѣтру, причемъ вмѣсто лопаты служитъ сито. Почерпнувши ситомъ изъ общей массы нѣсколько горстей мякины съ сѣменемъ, поднимаютъ сито кверху выше головы и мякина съ сѣменемъ сыплется на вѣтеръ, причемъ мякина уносится вѣтромъ дальше, а сѣмя падаетъ къ ногамъ вѣющаго. Если вѣтру бываетъ недостаточно, вѣющій по-

свистываетъ слегка продолжительнымъ свистомъ, вызывая этимъ, по повѣрью, вѣтра. Сухіе стебельки въ концѣ лѣта или погружаются въ воду, или разстилаются тонкими слоями на низменныхъ мѣстахъ, защищенныхъ вѣтрами и содержащихъ въ себѣ болѣе влаги, и въ такомъ видѣ даютъ льну лежать до тѣхъ поръ, пока онъ вымокнетъ, что узнается по темному цвѣту и твердости стеблей. Такимъ образомъ разостланный ленъ, если стоитъ ненастная погода, вымачивается недѣли въ 3—4; если же стоитъ погода сухая, ленъ лежитъ долго. Когда ленъ вылежится, снимаютъ его и тутъ же разставляютъ стоймя конусообразными кучками, причемъ верхушки стебельковъ соединяются въ остромъ концѣ конуса, а корнями ленъ обращается въ разныя стороны, и такимъ образомъ образуетъ собой со всѣхъ сторонъ стѣнки; внутри же конуса остается пусто. Если стоитъ сухая погода и ленъ вылежится, стебли связываютъ въ снопики и таковые просушиваютъ въ баняхъ не долѣе дня.

Мятье льна производится на станкѣ, называемой русскими *мялкой*, а вотяками *сэстонъпуртъ*. Станокъ этотъ состоитъ изъ двухъ узкихъ деревянныхъ брусковъ въ полтора аршина длиной. Бруски эти, скрѣпленные параллельно одинъ другому, имѣютъ между собой пространство или сквозную щель въ одинъ вершокъ. Въ щели этой помѣщается деревянный ножъ или язык, который двигается на палочкѣ, продѣтой чрезъ отверстія брусковъ на заднихъ концахъ поперекъ. На противоположномъ концѣ ножъ снабженъ рукояткой, такъ чтобы, взявъ ножъ за эту рукоятку, можно было поднимать и опускать его. Какъ бруски кверху, такъ и ножъ книзу обращены остріемъ, напоминающимъ собой ножъ, которымъ расщепываютъ лучину, а самая мялка имѣетъ большое сходство съ машиной, которой рѣжутъ листовое желѣзо. Мятье состоитъ въ слѣдующемъ: женщина (обработкой льна и конопли занимаются только женщины), взявъ въ лѣвую руку пучекъ или горсть стеблей, кладетъ его поперекъ мялки подъ ножъ и, ударяя ножемъ въ ленъ, постепенно вытаскиваетъ горсть изъ подъ ножа въ то время, когда мялка въ дѣйствіи, чтобы вся половина горсти очистилась отъ кострики; вытащивши горсть, опять кладетъ ее на мялку подъ ножъ и производитъ ту же операцію, пока не очистится ленъ отъ кострики. Когда очистится отъ кострики одна половина.

подвергають такой же обработкѣ и другую половину. Кострика, отдѣлившаяся отъ льна, называется русскими омельемъ, а вотяками *етъинъ пыши* (если конопля—*пышъ пыши*). Затѣмъ слѣдуетъ обработка того же льна, вышедшаго изъ подъ ножа мялки, ручнымъ трепаломъ, которое ни что иное, какъ деревянный ножъ, заостренный съ обѣихъ сторонъ, называемый вотяками *етъинъ шукконъ* (или *пышъ шукконъ*, если обработывается конопля). Женщина беретъ въ лѣвую руку отвѣсно горсть мятаго льна и правой рукой ударяетъ ее трепаломъ, причемъ, во время удара трепаломъ, ленъ приподнимается кверху и дѣлается легкій взмахъ концомъ горсти въ сторону трепала. Этимъ способомъ выколачивается остальная кострика и вмѣстѣ съ ней отдѣляются грубыя, короткія нити отрепья *етъинъ шуккэмъ* (или *пышъ шуккэмъ*, если обработывается конопля). За этой операціей слѣдуетъ операція чесанія на желѣзной щеткѣ, называемой вотяками *кортъ соы*, которая состоитъ изъ деревянной доски около 5 верш. шир. и болѣе аршина длины. На одномъ концѣ доски насажены желѣзныя иглы длиною вершка въ два, а на другой конецъ садится женщина, положивъ этотъ конецъ на скамью такъ, что пространство между этой доской и скамьей представляетъ острый уголъ. Держа въ рукѣ горсть льну, женщина проводитъ его по щеткѣ и вычесываетъ изгребь, *выль кужъ*. Само собою разумѣется, что если иголки на щеткѣ насажены густо, то и волокно получаетъ лучшую обработку. Наконецъ, горсть льну еще подвергается обработкѣ посредствомъ ручной щетки, которая дѣлается изъ свиныхъ щетинъ и древесной сѣры. Для этой щетки берутъ прядь хорошихъ щетинъ, въ поперечникѣ не менѣе полувершка, сравниваютъ одинъ конецъ, гдѣ находятся корни щетинъ, и ниже половины, т. е. ближе къ вершинамъ щетинъ, связываютъ ихъ крѣпкими нитками; потомъ берутъ древесной сѣры, обращенной въ порошокъ и, держа связку щетинъ въ лѣвой рукѣ, правой сыплютъ порошокъ въ связку и при этомъ стараются расправлять каждую щетинку такъ, чтобы онѣ не торчали нѣсколькими штучками, а стояли бы какъ насаженныя на желѣзной щеткѣ иглы, порознь другъ отъ друга, а чтобы сѣра не сыпалась, снизу обертываютъ холщевой тряпкой. Когда сѣры будетъ насыпано на первый разъ достаточно, щетку съ тряпкой кладутъ осторожно въ банку, напримѣръ, изъ подъ помады и эту банку

ставятъ въ не очень жаркую печь, чтобы порошокъ обратился въ сплошную массу исподволь; чрезъ нѣсколько времени опять наполняютъ щетку порошкомъ, обертывая верхніе края холстиной и опять ставятъ въ печь. Такъ повторяется эта операція до тѣхъ поръ, пока щетинки въ щеткѣ не укоротятся до $^1/_4$ вершка. Нѣкоторые связку наполняютъ сразу и щетка выходитъ отличная, но это не для всякаго доступно, такъ какъ дѣло требуетъ навыка. Щетки эти имѣютъ сходство съ подержанной щеткой бѣлильщиковъ и маляровъ. Вотъ этой щеткой и вычесываютъ начеси—*шоръ кужъ*. Женщина, держа въ лѣвой рукѣ горсть льну, правой вычесываетъ начеси означенной щеткой. Чистая прядь, изъ которой вычесаны и вытрепаны отрепья, изгребь и начеси, называется *мерчанъ*, а по-русски волокно. Этотъ сортъ считается однимъ изъ лучшихъ и идетъ на самую тонкую пряжу.

Такимъ же образомъ обработывается и конопля, но ее не стелютъ подобно льну на землѣ, а мочатъ въ прудахъ и рѣчкахъ осенью по окончаніи страды, въ прессованномъ видѣ вродѣ плотиковъ, между жердями и вынимаютъ уже въ началѣ зимы. Нѣкоторые такимъ же образомъ мочатъ и ленъ.

Куделя (кужъ) играетъ большую роль въ торговомъ отношеніи въ промышленномъ мірѣ. Часть такихъ продуктовъ продаютъ на базарахъ въ Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ и въ селахъ, а равно и пріѣзжимъ торговцамъ у себя же дома, и потребное количество оставляютъ для приготовленія одежды, что лежитъ на обязанности женщинъ. Деньги, вырученныя за эти продукты, идутъ въ пользу женщинъ на покупку ситцевъ и платковъ. Покупателями волокна, начеси и проч. являются русскіе торговцы, а продавцами платковъ и ситцу татары, преимущественно изъ деревни Агрызи. Торгаши эти, въ надеждѣ сбыть вотякамъ свой товаръ за высокую цѣну, ѣдутъ къ вотякамъ съ какими нибудь 5—10 кусками ситцу и нѣсколькими десятками платковъ, и ожиданія ихъ оправдываются: татаринъ за каждый аршинъ плохаго ситцу, стоющаго 5—6 коп., получитъ 10—15 коп. и увѣритъ еще вотяка, что продалъ товаръ «по знакомству» дешево, за что получаетъ еще во время ночлега даромъ сѣна для своей лошаденки и ужинъ для себя, если не брезгуетъ стряпней «кяфировъ», а преступающіе заповѣдь корана угощаются и кумышкой. Такимъ довѣріемъ и гостепріим-

ствомъ татары пользуются у вотяковъ только благодаря знакомству ихъ съ вотякскимъ языкомъ. Будь на мѣстѣ татарина русскій торговецъ, незнакомый съ вотякскимъ языкомъ, вотякъ принимаетъ его за обманщика, зашедшаго къ нему съ прямою цѣлью надуть его, поэтому и относится къ нему недовѣрчиво. Татаринъ же, склонный отъ природы къ торгашеству краснымъ товаромъ, хорошо владѣя вотякскимъ языкомъ и зная пріемы торговой операціи, умѣетъ внушить въ вотякѣ довѣріе къ себѣ и вотякъ, видя въ татаринѣ какъ бы честнаго торговца, легко поддается обману. Русскій мужикъ, незнакомый съ вотякскимъ языкомъ, въ глазахъ вотяка является мошенникомъ, шулеромъ. Еще болѣе русскій возбуждаетъ въ вотякѣ недовѣріе и нелюбовь къ себѣ оттого, что онъ, русскій, любитъ иногда подтрунивать надъ вотякомъ, для чего сочиняетъ разныя оскорбительные эпитеты; татаринъ же говоритъ ему: дружокъ! пріятель. Если зайдетъ русскій къ вотяку, вотскія женщины стращаютъ имъ своихъ дѣтей, говоря: зъпбытъ! дзючъ пыризъ (смирно! русскій зашелъ) и на всѣ вопросы русскаго отвѣчаютъ молчаньемъ, хотя и могутъ удовлетворительно объясняться по-русски; а зайди татаринъ, вотячки разговариваютъ, шутятъ съ нимъ охотно, иногда и подтруниваютъ надъ нимъ, называя его бигеромъ (татариномъ), но татаринъ никакія насмѣшки не ставитъ себѣ въ оскорбленье.

Кромѣ торговцевъ, такъ называемымъ, краснымъ товаромъ, немало наживаются отъ вотяковъ еще мелочники, большею частью, татары же. Торгаши эти за всякій корешокъ и за всякіе капли, которымъ приписываютъ цѣлительную силу, берутъ съ вотяковъ чрезмѣрную цѣну. Приведу кстати для доказательства такой случай, бывшій, хотя и не въ Завьяловской волости, но посреди вотяковъ, обитающихъ съ ней въ сосѣдствѣ, гдѣ татары сбываютъ свой товаръ выгоднѣе, чѣмъ Завьяловскимъ вотякамъ. Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней 1885 года, зашелъ ко мнѣ, пишущему эти строки, мелочникъ татаринъ изъ д. Агрызи (татарская деревня въ Сарапульскомъ уѣздѣ) и предложилъ мнѣ купить, между прочимъ, и баночку «майскаго бальзаму» Моренкова, увѣряя, что лекарство это лучше всякихъ аптечныхъ средствъ. Я спросилъ о цѣнѣ этого лекарства, сказавъ татарину предварительно, что подобныхъ лекарствъ перевелъ уже не мало. Татаринъ видимо

понялъ, что я, какъ покупавшій и знающій цѣну «майскаго бальзаму», лишнихъ не передамъ и объявилъ цѣну «безъ запроса»—1 р. Я предложилъ 50 коп.—«Ну, ладно», сказалъ онъ, «отдамъ за 60 к., будь знакомъ, и впередъ бери у меня товаръ». Прибавивъ къ 50 еще 5 к., я получилъ баночку въ свое владѣнье. Между тѣмъ какъ я разсматривалъ у него товаръ, зашелъ ко мнѣ вотячекъ изъ дер. Урд. и, видя у меня баночку бальзаму, полюбопытствовалъ узнать о цѣнѣ этого лекарства. Я объявилъ цѣну. Вотякъ, какъ видно, сначала сомнѣвался въ справедливости моихъ словъ, но когда татаринъ подтвердилъ мои слова, онъ повѣрилъ и обратился къ татарину со слѣдующими словами:

— «Вотъ какъ вы (татары) обманываете насъ (вотяковъ)! Съ насъ берете 4 рубля, а другимъ уступаете и за 55 к.»

Озадаченный этимъ, татаринъ сначала не зналъ какой дать вотяку отвѣтъ, но свойственная ему находчивость скоро вывела его изъ затрудненія.

— «Засѣмъ обманывать», сказалъ онъ, «беромъ што слѣдуетъ; ему (т. е. мнѣ) отдалъ дешова, поштп даромъ... деньга нужна на ярманку... и вамъ вѣтъ даю, когда дешова. Сёловѣкъ народъ нужна... У насъ вотякъ первой покупатель. Мы лучше русакъ обманемъ. Какъ можна вотяка обманывать! Намъ все равна, хошь кому продать. Лекарства у насъ бульна хорошъ... Первый сортъ», твердилъ татаринъ, оправдываясь на своемъ ломанномъ языкѣ.

Вотякъ молчалъ.

— «Ужели по 4 руб. берешь за такія банки?» спросилъ я татарина.

— «Да, по сетыре; стоитъ... лекарство бульна хорошъ: бралъ и по шесь (6) руб.», былъ отвѣтъ татарина.

— «Зачѣмъ вы не обращаетесь за лекарствами къ земскому фельдшеру»? спросилъ я вотяка.

— «Кодимъ, да толкъ нѣтъ», сказалъ онъ.

Недовѣріе къ леченіямъ фельдшеровъ или врачей происходитъ, по нашему мнѣнію, отчасти оттого, что земскіе фельдшера и врачи, незнакомые съ языкомъ инородцевъ, не умѣютъ прописать имъ лекарство по роду болѣзни, а передать по-русски инородцы сами не въ состояніи. Впрочемъ, мало найдется мужчинъ, которые

не знали бы русскаго языка удовлетворительно: всякій какъ-нибудь объяснитъ и внимательный врачъ пойметъ; если же не такъ, случится тутъ и толмачъ—и слова инородца будутъ переведены. Главное же то, что въ болѣзняхъ за помощью обращаются къ врачу поздно, когда самая маловажная боль, оставленная въ началѣ безъ вниманія, переходитъ въ хроническое состояніе, и леченіе такой болѣзни выходитъ уже изъ круга знаній не только фельдшеровъ, но и самаго врача.

Вотъ отъ этого и дѣлаются инородцы жертвами обмана шарлатановъ и эксплуататоровъ.

Не далеко, конечно, то время, когда вотяки, сознавая свое незавидное положеніе въ отношеніи образованности, будутъ всемѣрно стараться развить себя грамотностью, и это время уже близко; уже и нынѣ замѣтно, какъ вотяки начали дорожить образованіемъ своихъ дѣтей, для чего нанимаютъ въ деревняхъ частныхъ учителей, платя имъ за мальчика по 50 к. въ мѣсяцъ.

Еще недавно дѣти инородцевъ посылались въ школу, чрезъ волостное правленіе, а нынѣ мальчики и дѣвочки идутъ въ нее охотно сами.

Вотяки нынѣ годъ отъ году стали менѣе и менѣе поддаваться и обману татаръ и всякую покупку предпочитаютъ дѣлать на базарахъ, которые бываютъ не только въ заводахъ, но и въ селахъ. Впрочемъ, еженедѣльные базары открыты въ рѣдкихъ селахъ, если принять въ соображеніе густоту населенія и вообще населенные пункты. Покупать у татаръ предпочитаютъ женщины потому, что татары говорятъ съ ними по-вотски, что ряда на природномъ языкѣ лучше, а прикащики въ магазинахъ для незнающихъ русской рѣчи скупы на слова; и въ селахъ краснымъ товаромъ на базарахъ торгуютъ все татары.

Отхожими промыслами вотяки не занимаются: ихъ не любятъ; они привыкли находиться дома въ кругу своихъ единоплеменниковъ.

Всѣ средства къ пропитанію или существованію получаютъ отъ земли: другихъ источниковъ у нихъ нѣтъ. Съ глубокой старины они впитали въ свою кровь любовь къ земледѣлію, и на этомъ занятіи они ростутъ и умираютъ; любятъ его, какъ нужно любить трудъ всякому, нуждающемуся въ пропитаніи, и, благодаря

этому труду, они всегда обезпечены; только въ послѣднее время изъ среды ихъ начали выдѣляться бѣдняки, избирающіе послѣднее въ нуждѣ средство—нищенство. Хотя ихъ и весьма мало, но они все-таки, по понятіямъ вотяковъ, клеймятъ вотякскій міръ позорнымъ ремесломъ — тунеядствомъ. Нищіе — это тѣ бѣдняки, которые, при всемъ своемъ стараніи на поприщѣ земледѣлія, не могли перебороть нужду и должны были, выбившись изъ силъ, волей-неволей прибѣгнуть крайнему средству спасенія—попрошайничеству.

Это крайнее средство въ борьбѣ за свое существованіе вотякъ избираетъ только тогда, когда лишается послѣдняго коня, когда съ потерей этого коня у него подрывается основаніе благосостоянія, разстраивается хозяйство. Есть, впрочемъ, и такіе, которые, презирая попрошайничество, поступаютъ въ работники и несутъ житейскій крестъ терпѣливо, безъ ропота на судьбу, а семьи ихъ, если онѣ есть, тянутъ свое существованіе изо дня въ день въ нуждѣ и лишеніяхъ.

Вотякъ любитъ держать скотину, понимая, что скотоводство, по извѣстнымъ причинамъ, заключаетъ въ себѣ непремѣнное условіе сельскаго хозяйства и существованія его самого, какъ не любящаго ни ремесла, ни отхожихъ промысловъ. Каждая семья, состоящая, примѣрно, изъ пяти взрослыхъ мужчинъ, имѣетъ достаточное количество скота: лошадей рабочихъ головъ пять, коровъ столько же, овецъ штукъ десять, около этого же числа свиней. Свиней у состоятельныхъ насчитывается и до тридцати; козъ имѣетъ не каждый. Лошадь ему служитъ главною помощницей во всѣхъ родахъ сельскаго труда, доставляющихъ ему средства къ существованію и, можно сказать, лошадь для него неразлучный спутникъ въ жизни: онъ на ней пашетъ, боронитъ, возитъ снопы, сѣно, дрова; ѣздитъ на мельницу, на базаръ и проч.; — безъ лошади онъ какъ воинъ безъ оружія. Поэтому, если у кого состарилась послѣдняя лошадь, чтобы, въ случаѣ смерти ея, не лишиться опоры, тотъ отправляется на базаръ и промѣниваетъ ее татарину или русскому на молодую, не жалѣя и придачи, причемъ мѣновщики соблюдаютъ такой обычай: промѣнянную лошадь передаютъ другъ другу за узду, взявши ее въ полу платья. Есть у иныхъ, между прочимъ, и такое повѣрье, что лошадь о каждомъ потерян-

номъ волоскѣ своего хвоста тоскуетъ, поэтому, если ребятишкамъ нужна лѣса на уду, хозяинъ или кто другой, вырвавши нѣсколько волосковъ, даетъ ихъ нюхать своей лошади, говоря: «не тоскуй, волоски идутъ въ дѣло».

Мы выше сказали, что вотяки любятъ держать скотину, но скотъ у нихъ мелкой породы; улучшенія въ скотоводствѣ незамѣтно, да и не можетъ быть; для этого нужны хорошіе пастбища, хорошій кормъ и правильный уходъ. Насколько скотъ у вотяковъ мелокъ, мы для примѣра возьмемъ ростъ лошадей одной вотской волости, гдѣ въ 1886 г. насчитывалось ихъ 8150; изъ нихъ имѣющихъ ростъ 2 арш. съ лишнимъ всего 59, а достигшихъ едва 2 арш. роста всего 209.

Впрочемъ, въ лошадяхъ крупной породы вотяки не нуждаются, такъ какъ они извозничествомъ не занимаются и далѣе базара не ѣздятъ; также и земледѣліе, при отсутствіи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, крупныхъ лошадей не требуетъ. Съ другой стороны, улучшенію породы лошадей мѣшаетъ конокрадство, на которое вотяки начинаютъ жаловаться годъ отъ году болѣе и болѣе. Къ пресѣченію конокрадства, кстати скажемъ, не мѣшало бы установить новыя правила, которыя, несомнѣнно, не были бы безполезны. Правила эти должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) для свидѣтельствъ на продажу лошадей установить гербовыя бланки, вродѣ употребляемыхъ нынѣ паспортныхъ для мѣщанъ и крестьянъ, и этими бланками, которыя должны получаться изъ казначействъ, снабдить волостныя правленія и другія мѣста и лица, съ записной ихъ, бланокъ, въ шнуровую книгу, подобно тому, какой порядокъ нынѣ введенъ въ волостныхъ правленіяхъ и мѣщанскихъ управахъ; 2) желающій продать свою доморощенную лошадь, являясь въ волостное правленіе, долженъ представить поручителей по своей лошади, которые должны удостовѣрить въ принадлежности лошади; 3) волостное правленіе, удостовѣрившись, что лошадь дѣйствительно принадлежитъ просителю, записываетъ примѣты ея въ бланку, причемъ въ исходящей книгѣ или, вѣрнѣе, въ шнуровой, по которой выписывается бланка, записываетъ и имена удостовѣрившихъ собственность лошади; 4) если хозяинъ лошади продастъ свою лошадь покупателю, то на бланкѣ дѣлается надпись съ объясненіемъ, что лошадь продана такому-то, и такое свидѣ-

тельство съ надписью продавцомъ вручается покупателю. Такія правила не давали бы частнымъ лицамъ возможности писать фальшивыхъ росписокъ потому, что бланки они, частныя лица, не могутъ получить изъ казначейства, а послѣднія не должны выдавать ихъ никому, кромѣ волостнаго правленія и другихъ учрежденій, и лицъ, согласно ихъ требованіямъ: 5) отпуская бланки, согласно требованіямъ, казначейство даетъ на имя волостнаго правленія (или другого учрежденія и лица) бумагу, съ обозначеніемъ въ ней числа отпущенныхъ листовъ, и эти бланки записываются на приходъ въ шнуровую книгу: 6) шнуровая книга должна подвергаться строгому контролю, и полицейскія власти должны требовать отъ мѣновщиковъ и продавцовъ коней, пріѣзжающихъ изъ другихъ мѣстъ, бланокъ на лошадей ихъ, а за неимѣніемъ таковыхъ задерживать ихъ, такъ какъ изъ этого должно быть ясно, что если не имѣетъ владѣющій лошадью росписки на установленной бланкѣ, значитъ лошадь не его. При такихъ правилахъ, несомнѣнно, не было бы конокрадства, поводомъ къ чему служитъ росписка на простой бумагѣ, такъ какъ писаки фальшивыхъ росписокъ не нашли бы бланокъ.

Затѣмъ коснемся и рогатаго скота. Этотъ скотъ вообще у вотяковъ отличается худобой, а причиной этому—плохой кормъ, худое помѣщеніе въ хлѣвахъ и неправильный уходъ за нимъ. Гдѣ лѣтомъ выгоны для скота хороши, тамъ скотъ вообще здоровѣе и крупнѣе, но выгоны имѣютъ только немногія селенія.

Въ большей части селеній скотъ лѣтомъ отъ Ильина дня (20-го іюля), когда перепахивается паръ, до 15-го августа и далѣе, грызетъ только дерно пустышей, а въ лѣсахъ крестьянскихъ весь кормъ выѣдается въ самое короткое время.

Молока отъ худыхъ изможденныхъ коровъ получается, по мѣстному выраженію русскихъ, однѣ *злыдни* (худое качествомъ, ничтожное количествомъ). Поэтому вѣчно приходится слышать отъ вотякскихъ женщинъ жалобы на неимѣніе молока. Естественно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ у нихъ никогда не будетъ молока и хорошаго мяса, и вѣчно онѣ должны жаловаться на неимѣніе такого дорогого для человѣческаго существованія продукта Конечно, при разумномъ ухаживаніи и достаточномъ кормѣ, у нихъ всегда довольно было бы молока и масла, такъ какъ скота они

любятъ держать болѣе, чѣмъ русскіе. Бываетъ, впрочемъ, и такое время, когда скотина питается удовлетворительно, напримѣръ, послѣ уборки хлѣбовъ, но тогда дойныхъ коровъ женщины, изъ лѣности и неохоты ходить за ними на мѣсто пастбища, скоро запускаютъ. Чтобы пріучить дойную корову къ возвращенію домой по вечерамъ, вотскія женщины пускаютъ на минуту телятъ къ матери и затѣмъ теленокъ, пососавши, запирается въ хлѣвъ или загоняется въ огородъ, называемый купянъ кенеръ (русскіе называютъ телятникомъ). Теленка обыкновенно къ матери пускаютъ послѣ того, какъ будетъ молоко выдоено и на долю теленка не остается и съ чайную чашку. Этимъ они и пріучаютъ коровъ къ хожденію домой, но тѣ ходятъ, разумѣется, до извѣстнаго времени стельности.

Вредно вліяетъ на здоровье скота и то, что скотина у нихъ въ лѣтнее время по ночамъ въ хлѣвы не запирается, а лежитъ она на улицѣ безъ всякаго присмотра, и тутъ всякій проѣзжающій безпокоитъ ее во время жвачки, и у не пережевавшей жвачку скотины происходитъ разстройство пищеваренія, что и служитъ причиною болѣзни.

Отъ коровьяго помету воздухъ въ деревнѣ заражается до того сильно, что непривычному человѣку въ лѣтвіе жары трудно бываетъ пройти по улицѣ вотской деревни. Такой воздухъ служитъ причиною людскихъ болѣзней, напримѣръ, горячки. Зато во дворахъ у вотяковъ соблюдается совершенная чистота: съ самаго же начала лѣта, когда просохнетъ во дворахъ земля, они считаютъ за должное вымести свои дворы.

Только въ Завьяловской сторонѣ во дворахъ вотяковъ особенной чистоты, какъ у прочихъ, мы не видали, а причиной этому—вліяніе русскихъ, не заботящихся о чистотѣ своихъ дворовъ. Хорошо бы, если бы дома инородцевъ были обсажены деревьями: запахъ зелени уничтожалъ бы зловоніе отъ разлагающагося помета, вредно вліяющее на здоровье; но объ обсадкѣ никто не заботится и, кажется, никто и не понимаетъ пользы ея.

Въ 1870 г., г. вятскій губернаторъ Чарыковъ, въ предотвращенье болѣзней отъ зараженія вреднымъ воздухомъ, а равно и въ защиту отъ огня въ случаѣ пожаровъ, обязалъ волостныя правленія ввѣренной ему губерніи пригласить поселянъ къ обсадкѣ де-

ревьями домовъ и въ томъ же году, въ которомъ изданъ циркуляръ, по распоряженіямъ дѣятельныхъ волостныхъ старшинъ приступлено было къ обсадкѣ домовъ въ селеніяхъ и дѣло это уже пошло успѣшно, но съ перемѣщеніемъ губернатора Чарыкова въ другую губернію все предалось забвенію; теперь и тѣ сады, которые были посажены, заброшены и засохли.

Народному здоровью не мало вредитъ здѣсь и конопля, которую мочатъ въ тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ сами пьютъ воду.

Однажды, въ началѣ зимы, я, пишущій эти строки, возвращался въ село чрезъ вотскую деревню Н .... Отъѣхавши отъ деревни нѣсколько саженей, я почувствовалъ сквернѣйшій запахъ разложившейся въ водѣ конопли. Проѣхавши еще небольшое разстояніе, я спустился въ небольшой ложокъ, по которому протекаетъ ручеекъ—и тутъ-то развернулась предо мной та картина, которая должна была, по моему ожиданію, выяснить причину происхожденія смрада: въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моста, устроеннаго чрезъ ручеекъ въ логу, трое вотяковъ вытаскивали изъ пруда, сливающагося съ рѣчкой, снопы конопли. Это дало мнѣ поводъ вступить съ вытаскивающими коноплю въ такой разговоръ:

— «Зачѣмъ мочите коноплю въ той водѣ, изъ которой пьете сами воду»? спросилъ я ихъ, остановившись на минуту; но въ разговоръ я вошелъ не съ незнакомыми, которымъ во всякомъ случаѣ не предложилъ бы такого вопроса.

— «А гдѣ будешь мочить»? сказали они.

— «Ужели за деревней нельзя, если нѣтъ иного мѣста»?

— «Какъ нельзя, да здѣсь близко—почти въ деревнѣ».

— «Положимъ близко, да вѣдь можно заболѣть отъ такой воды: она гнилая, пить ее негодится».

— «Ничего, не нынѣ вѣдь только пьемъ».

Вотъ зло, которое отравляетъ ихъ съ колыбели и дѣлаетъ болѣзненными и худыми, и на это мѣстное начальство не обращаетъ вниманія, хотя зло это и преслѣдуется законами. Статья 505 о благоуст. въ каз. сел. говоритъ: «Кто будетъ мочить коноплю или ленъ въ рѣчкахъ или колодцахъ или же другими веществами, испортитъ въ нихъ воду, съ того взыскивать отъ 25 до 50 коп.». Ясно, что мочить коноплю въ рѣчкахъ не дозволяется: между тѣмъ, вопреки такому закону, зло совершается явно

передъ глазами мѣстной сельской администраціи и случаевъ наложенія штрафа за мочку конопли въ рѣчкахъ еще не было.

Не послѣднее мѣсто въ ряду причинъ, отъ которыхъ происходятъ болѣзни, занимаетъ и тѣснота жилыхъ помѣщеній. Кто не согласится, что какими бы благодѣтельными условіями ни была обставлена наша жизнь въ небольшихъ помѣщеніяхъ, помѣщенія эти, чтобы быть безвредными, должны на каждаго человѣка имѣть пространства отъ 500 до 600 куб. фут. или площадь отъ 50 до 60 квад. фут. Поэтому для семейства, состоящаго примѣрно изъ 18 чел., потребно пространства 12000 куб. фут. или площадь въ 600 квадр. фут., т. е. такая комната, которая имѣетъ приблизительно 60 ф. длины, 60 ф. шир. и 36 выс. Однако и это пространство. чтобы быть постоянно здоровымъ, должно вентилироваться, чтобы воздухъ не былъ изолированъ отъ окружающаго. Жилища вотяковъ тѣсны и если бы они больше времени проводили въ своихъ помѣщеніяхъ, чѣмъ теперь, вредный воздухъ дѣйствовалъ бы на нихъ какъ ядъ; но лѣтомъ избы ихъ остаются почти пусты, такъ какъ съ мая по октябрь семьи ихъ помѣщаются въ клѣтяхъ, а зимой между врутреннимъ и внѣшнимъ воздухомъ существуетъ постоянный обмѣнъ.

Кромѣ четвероногихъ животныхъ вотяки держатъ птицъ: гусей, утокъ, куръ; индѣекъ имѣютъ не многіе. Гусей они предпочитаютъ держать потому, что корму для нихъ нужно очень мало, такъ какъ они съ весны до поздней осени находятся на лугахъ и около рѣчекъ, гдѣ и питаются травой, а съ окончаніемъ страды гуси собираютъ въ полѣ хлѣбныя зерна и ко времени колотья бываютъ уже жирны. Каждый гусь даетъ чистаго пуху 6 зол. и пера не менѣе 10 зол., да самъ зарѣзанный гусь стоитъ въ продажѣ не менѣе 50 коп. Если домохозяинъ заколетъ 10 гусей, то получитъ 60 золот. пуху,—копѣекъ на 50, да пера 100 зол.,—около 30 коп.; съ мясомъ же всѣ 10 гусей стоятъ не менѣе 6 руб. 30 коп. Содержаніе двухъ гусей (самца съ самкой) обойдется въ зиму всего копѣекъ 50.

Что касается мелкаго скота, то онъ хорошаго корма не видитъ во всю зиму, особенно свиньи.

Выхолащиваньемъ животныхъ занимаются особые коновалы, которымъ платятъ за лошадей отъ 50 коп. до 1 руб., столько же за

быка, а мелкій скотъ выхолащиваютъ и сами вотскіе коновалы. Отрѣзанныя при этомъ части зарываются въ навозъ въ конюшняхъ и хлѣвахъ. Леченіемъ скота занимаются коновалы и сами вотяки; средствами служатъ: табакъ, соль и травы. Особенно въ употребленіи для леченія скота слѣдующія травы: 1) *бакланъ*, которымъ кормятъ лошадей и коровъ; 2) *медвѣжье ухо;* даютъ эту траву конямъ отъ ящера; 3) *чемерица*, которой поятъ скотъ отъ мыти, кашля и слизетеченія изъ носу; 4) *норичная*—кормятъ ожеребившихся кобылицъ; 5) *марьинъ корень*—употребляется во многихъ скотскихъ болѣзняхъ; 6) *кукушкинъ ленъ*—вталкиваютъ въ ноздри конямъ, одержимымъ «ноктемъ»; 7) *денежникъ*—поятъ настойкой коровъ послѣ телятъ; 8) сѣмя домашняго *хмѣля*—вталкиваютъ въ ноздри коней, одержимыхъ «ноктемъ»; 9) *корень капусты*—заваривають въ водѣ и настойкой примачиваютъ ноги больнаго скота и 10) *волчья трава*—поятъ лошадей, страдающихъ слизетеченіемъ изъ носу и мытью. Этими средствами лечатъ у вотяковъ русскіе коновалы, но у вотяковъ есть и свои лекарственныя травы для леченія скота.

Вотякъ считается зажиточнымъ не по строенію, а по количеству скота и скирдъ (кабановъ). Если у него въ запасѣ осталось 2—3 скирды, если есть хорошіе кони, достаточное количество коровъ и мелкаго скота—онъ богачъ; предъ другими, болѣе бѣдными, онъ любитъ задирать носъ, и бѣдные всегда оказываютъ ему своего рода почтеніе, какъ богачу. Онъ не живетъ безъ самовара, а если есть самоваръ, то непремѣнно должны быть чай и сахаръ. Гостей онъ угощаетъ чаемъ и кумышкой; если есть медъ—угощаетъ и имъ, и это, т. е. чай и медъ, у него лучшее изъ всѣхъ угощенье. По праздникамъ женщины считаютъ непремѣнною обязанностію настряпать различныхъ сортовъ постряпушекъ, не говоря уже о кашѣ и жаркихъ. Если приглашенъ гость, то онъ, отобѣдавши, передъ выходомъ изъ за стола кладетъ на столъ или на край блюда съ какимъ нибудь угощеньемъ мѣдную монету, коп. въ 3—5, а не рѣдко и серебряную, коп. въ 10—15. Особенно отличаются радушнымъ угощеньемъ и такими обычаями вотяки племени *Пунги*. Но и у этого племени старые обычаи начали вытѣсняться русскими обычаями и въ недалекомъ будущемъ они должны, по нашему мнѣнію, значительно измѣниться, какъ измѣнились обычаи жертво-

приношенія. Еще недавно у нихъ было свое ариѳметическое счисленіе, а нынѣ со введеніемъ грамотности все счисленіе принято почти русское; такъ, еще нынѣ нѣкоторыми употребляются старинное счисленіе *пуйы* (кошелекъ), въ которомъ полагаютъ 30 руб. ассигнаціями.

На аасигнаціи у нихъ ведется такой счетъ:

уксё—деньга, ½ коп.; означаетъ также общее названіе денегъ, какъ и у татаръ *акча*;

огъ уксё—четверть копѣйки, полушка;

квинь-но огъ уксё—троякъ, три полушки и еще полушка;

коньдонъ—троякъ же, отъ словъ: *коньы*—бѣлка, *дунъ*—цѣна т. е. цѣна бѣлки. Это объясняется тѣмъ, что въ старину за бѣлку платили 1 коп.

Троякъ называютъ еще *квиньконьдонъ*;

витъ коньы—пять копѣекъ, 1½ коп.

сизъымъ коньдонъ—семь копѣекъ, семикъ или 2 коп.

дасъ-конгдонъ—десять копѣекъ, алтынъ или гривна, 3 коп.

дасъ сизъымъ—семьнадцать, 5 коп. сереб.

кызькыкъ—двадцать двѣ, двѣ гривны или 6 коп.

кызъсизъымъ—двадцать семь или 7 коп.

квамынъ—тридцать, 9 коп.

квамынъ витъ—тридцать пять, 10 коп.

нъыльдонъ кыкъ—сорокъ двѣ, 12 коп.

витьтонъ кыкъ—пятьдесятъ двѣ, 15 коп.

сизъымдонъ—семьдесятъ, 20 коп.

тямыстонъ-но сизъымъ—восемьдесятъ семь, 25 коп., четвертакъ;

сю-но витъ—сто пять, 30 коп.

сю коньы—сто копѣекъ, 1 руб. на ассигнаціи;

кыксю дасъ—двѣсти десять, 60 коп.

кыксю кватьтонъ—двѣсти шестьдесятъ, 75 коп.

квиньсю витьтонъ—триста пятьдесятъ, 1 руб. сереб.

сюрсъ—тысяча;

сюрсъ-но витъсю—тысяча пятьдесятъ, 3 руб.

Женщины, при раздѣленіи пряжи и нитокъ на пасмы (лыддетъ), принимаютъ въ счетъ 60 нитокъ, т. е. половину противъ русскихъ, которые считаютъ въ пасмѣ 30 нитокъ.

Въ домашнемъ быту мѣрой вѣса служитъ ручной безмѣнъ.

*

Одинъ такой безмѣнъ служитъ иногда и для десяти домовъ, хотя и пріобрѣтенъ однимъ. На базарахъ и ярмаркахъ употребляются исключительно вѣсы съ гирями. Въ продажу идутъ: хлѣбъ, мука, кудель, льняное и конопляное сѣмя, которые сбываются на вѣсъ. Живущіе около заводовъ продаютъ «на взглядъ» возами сѣно и яровую солому, и сверхъ того на покрытіе мелкихъ расходовъ по дому продаютъ: щетину, гусиный пухъ, овчины, а охотники—звѣриныя шкуры и птицъ: рябчиковъ, тетеревей, глухарей: рыбаки продаютъ рыбу.

Въ свободное время занимаются рыбачествомъ и охотой за дичью. Рыболовными снастями весной служатъ саки или намёты, какъ ихъ называютъ еще, а въ остальное время—крюки, сѣти, уды и недотки въ родѣ бредней изъ холста. Саками рыбачатъ только въ мутной водѣ весной, въ началѣ вскрытія рѣкъ. Снастью этой, насаженной на длинный шестъ съ поперечиной въ родѣ буквы Т, черпаютъ воду съ береговъ. Вмѣсто лодокъ служатъ еще, такъ называемые, *бусы;* это—два корыта, соединенные посредствомъ снарвовъ въ концахъ; на такихъ бусахъ пловецъ правитъ весломъ съ обѣихъ сторонъ попеременно. Охота за дичью производится при помощи ружей, силковъ и снастей, описанныхъ нами прежде, въ статьѣ «Вотяки Сосновскаго края»; за бѣлками охотятся съ помощью собакъ, но какимъ образомъ дрессируются собаки, мы свѣдѣній пока еще не имѣемъ.

Зимній экипажъ составляютъ: 1) ящикообразныя сани; 2) сани-розвальни, въ которыя ставятъ вмѣсто ящика плетенки, круглыя и четыреугольныя и 3) дровни, на которыхъ возятъ сѣно, солому, дрова и снопы. Заднія стороны ящикообразныхъ саней, составляющихъ праздничный экипажъ, украшаются рѣзьбой, жестью и красками. Лѣтомъ ѣздятъ на телѣгахъ на желѣзномъ и деревянномъ ходу. Для уборки хлѣбовъ существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особого рода двухколесныя телѣги, о которыхъ мы имѣли уже случай замѣтить выше сего. Двухколесныя телѣги употребляются также и для ѣзды.

Въ домашнемъ быту вотяку необходимо знать какой нибудь способъ счисленія, а такъ какъ грамотѣи еще рѣдки, то неграмотными введено свое ариѳметическое счисленіе, и это счисленіе производится на лутошечныхъ палочкахъ посредствомъ вырѣзыванія

знаковъ въ родѣ римскихъ цыфръ. Знаки эти носятъ общее названіе *бирокъ*, а у самихъ вотяковъ—*пусъ*. При выдачѣ смотрителями магазиновъ въ ссуду хлѣба, число пудовъ отмѣчается на палочкахъ; равнымъ образомъ число выставленныхъ тѣмъ или другимъ домохозяиномъ подводъ отмѣчается на такихъ же палкахъ и эти палки хранятся у десятскихъ, пока они отправляютъ свою должность; по окончаніи же срока службы палки передаются новому десятскому. Если кто занимается, напримѣръ, хлѣбной торговлей и во время отлучки хозяина привезутъ хлѣба, жена его отмѣчаетъ принятый хлѣбъ на биркѣ, длиной съ вершокъ, и такая бирка раскалывается по поламъ: одну половинку она оставляетъ у себя, а другую вручаетъ вмѣсто ярлыка привезшему хлѣбъ. Бирки выдаются еще синильщиками пряжи и холста и овчинниками. Онѣ считаются удобными въ томъ отношеніи, что никакихъ записей о пріемѣ не требуется: одна половинка бирки приложенная къ другой ясно показываетъ, чья именно вещь отдана мастеру въ дѣло. Но есть и неудобство: отъ потери одной половинки бирки могутъ произойти неблагопріятныя послѣдствія какъ для хозяина вещи, такъ и для мастера, такъ какъ весьма трудно бываетъ узнать изъ массы вещей безъ бирки, которая именно вещь принадлежитъ хозяину вещи. Въ такихъ случаяхъ вещь отдается уже не ранѣе, какъ будутъ выкуплены всѣ вещи, отданныя мастеру: иначе мастеръ легко можетъ и ошибиться, отдавъ безъ бирки чужую вещь.

Важное значеніе имѣютъ въ домашнемъ быту, такъ называемыя, бортевыя тамги—*подэмъ пусъ*. Знаки эти, какъ мы уже говорили въ прежнихъ нашихъ статьяхъ, ничто иное какъ семейныя печати: въ старину онѣ имѣли значеніе собственноручной подписи, такъ какъ прикладывались къ актамъ и вообще всѣмъ дѣловымъ бумагамъ самими домохозяевами; и нынѣ еще онѣ въ большомъ употребленіи у вотяковъ. Образцы такихъ знаковъ, снятыхъ нами съ рукописи мірскаго приговора 9-го августа 1798 г., которымъ вотяки обязывались платить ругу духовенству Завьяловской церкви; см. въ «Приложеніи» къ этой книгѣ (таблица I).

Каждый такой знакъ прежде имѣлъ особое названіе, а нынѣ названія сохранились только у нѣкоторыхъ домохозяевъ. Знаки эти, по нашему мнѣнію, прежде составляли алфавитъ вотякскаго языка въ родѣ китайскихъ знаковъ. Употребленіе ихъ, должно полагать,

относится къ древнѣйшимъ временамъ, когда письменность велась на разныхъ (металлическихъ, глиняныхъ, деревянныхъ) доскахъ или пластинкахъ; а при счисленіяхъ употреблялись особые знаки.

По строительной части у вотяковъ введены особые знаки въ родѣ римскихъ. Такими знаками плотники дѣлаютъ на бревнахъ срубовъ отмѣтки, чтобы не смѣшивались бревна при выведеніи стѣнъ на мѣстѣ, гдѣ предположено поставить зданіе. Вотъ эти знаки:

I—1	III*I*—8
II—2	IIII*I*—9
III—3	X—10
IIII—4	XX—20
I—5	XXX—30
I*I*—6	XXXX—40
II*I*—7	и т. д.

Здѣсь, какъ видимъ, вмѣсто римской цифры *V* ставится косая палка *I*, а прилагаемыя къ этому знаку единичныя палки ставятся впереди, т. е. наоборотъ, напримѣръ, вмѣсто *I* I—I *I*.

Такіе знаки мы видѣли у племени Пупъи, въ дер. Ляльпурѣ Шаркамской вол. У этого же племени при измѣреніяхъ поверхности (земель) служитъ переѣздная мѣра, содержащая въ себѣ 1600 квадр. саж. Переѣздъ у нихъ имѣетъ видъ или квадрата, по 40 саж. въ длину и ширину, или прямоугольника (полосы), въ длину всѣ 1600 и шир. 1 с.

Четвертью аршина считается пространство между протянутыми въ разныя стороны пальцами—большимъ и указательнымъ правой руки. Длина промежутковъ считается отъ конца одного пальца до конца другаго, а въ цѣломъ аршинѣ такихъ промежутковъ или четвертей считается четыре. Эти четверти называются *вись*. Другой способъ измѣренія аршина таковъ: берутъ въ правую руку палку и держатъ ее за нижній конецъ вертикально, взявши въ кулакъ, но такъ чтобы конецъ палки не выставлялся изъ кулака, а равно и въ кулакѣ не было бы пустаго пространства вмѣсто палки, словомъ, чтобы конецъ палки пришелся наравнѣ съ концомъ кулака, а концомъ кулака въ настоящемъ измѣреніи считается корень мизинца или суставъ. На этотъ кулакъ полагается такой же кулакъ лѣвой руки, а за нимъ слѣдуетъ третій кулакъ. Такъ палка покрывается попеременно кулаками то правой руки, то лѣвой; ку-

лаки поднимают кверху до тѣхъ поръ, пока не отсчитають восемь кулаковъ, называемыхъ *кикуръ*. *) Это составляетъ аршинъ. Женщины длину, напримѣръ, тесьмы, измѣряютъ ладонями, покрывая попеременно ладонью то правой руки, то лѣвой или же одной правой руки. Ширина ладони называется, какъ и длина кулака при измѣреніи аршина, *кикуръ*. Длина измѣряется еще: 1) шагами — *вамыштaлтэсъ, вамыштэмъ*, 2) локтями—*гырпумъ*, считая длину отъ локтеваго сустава до конца средняго пальца, 3) руками, вытянутыми въ разныя стороны въ равной линіи съ плечами, и въ такомъ случаѣ мѣрой считается длина отъ конца средняго пальца одной руки до конца таковаго же другой руки, проведя линію по груди: мѣру эту называютъ *сылъ* **) и 4) поднятіемъ правой руки кверху въ одну прямую линію съ туловищемъ, т. е. отвѣсно; такая мѣра называется *сузьмонъ*.

Шагомъ у нихъ измѣряется еще своя тѣнь для узнанія полдня и при этомъ кратчайшая тѣнь въ половинѣ дня опредѣляетъ время, соотвѣтствующее 12 часамъ дня. Извѣстно, что время опредѣляется еще по пѣнію пѣтуховъ. Говорятъ, что пѣтухи прежде пѣли въ 10 часовъ, а нынѣ поютъ въ 11: повѣрье это, полагаемъ, усвоено отъ русскихъ, которые говорятъ, что пѣтухи начали пѣть позже съ того времени, какъ начали брать людей въ солдаты.

Гражданскій годъ вотяками раздѣляется на двѣ половины: первая считается приблизительно съ марта мѣсяца, а вторая—съ сентября. Какова была погода въ мартѣ, такова же будетъ и въ сентябрѣ или, наоборотъ, сентябрьская погода отзывается на мартовской; такъ напримѣръ, если въ мартѣ холодно, въ сентябрѣ было тоже, а если было въ сентябрѣ тепло, будетъ тепло и въ мартѣ. Время между второй половиной іюня и второй же —іюля называется *инъвожо дыръ*, отъ слова *инъвожо****)—богъ полдня, который господ-

*) Обыкновенный кулакъ, если онъ не употребляется для измѣренія длины, называется *мыжыкъ*.

**) Сылъ означаетъ еще *стой*. Вѣроятно, такое слово введено въ употребленіе при названіи означенной мѣры потому, что мѣра эта соотвѣтствуетъ росту стоящаго человѣка.

***) См. «Вотяки Соснов. края» въ Запискахъ Им. Рус. Геогр. Общ. по отд. этн. т. XIV. вып. 2, стр. 30.

ствуетъ только въ полдень, въ означенное выше время. Такъ какъ, по раздѣленіи года на двѣ половины, время между второй половиной іюня и второй же—іюля совпадаетъ съ временемъ между второй половиной декабря и второй же—января, то это время называется *вожо дыръ*—время зелени. Такимъ образомъ, январь соотвѣтствуетъ іюлю, февраль—августу, мартъ—сентябрю, апрѣль—октябрю, и т. д. Если, напримѣръ, снѣгъ былъ въ декабрѣ, въ іюнѣ будетъ дождь, если стужа, то долженъ быть жаръ. Говорятъ еще, въ какое число выпадетъ первый снѣгъ, въ то же число чрезъ мѣсяцъ начнется и зима. Чтобы узнать, который сѣвъ хлѣба будетъ лучше, берутъ первыя три яйца, снесенныя курицей весной и вѣсятъ ихъ: если тяжелѣе окажется первое яйцо, значитъ ранній сѣвъ будетъ удачнѣе, если среднее между первымъ и третьимъ—средній сѣвъ будетъ лучше: если же, наконецъ, будетъ тяжелѣе въ послѣдній разъ снесенное яйцо, то поздній сѣвъ долженъ быть лучше.

Религія жителей.

Жители исповѣдуютъ христіанскую вѣру, но въ вѣрѣ этой они не утверждены еще настолько, чтобы совершенно оставить свои языческіе обычаи и вѣру въ многобожіе. Воображаемыхъ ими миоическихъ лицъ они считаютъ какими-то второстепенными божествами, въ управленіе которымъ дана Верховнымъ Существомъ та или другая стихія или на которыхъ возложена въ поднебесной своего рода обязанности. Въ этомъ отношеніи понятія ихъ нисколько не выше понятій другихъ вотяковъ, т. е. обитающихъ въ другихъ уѣздахъ Вятской губерніи, а равно и въ другихъ губерніяхъ. Хотя они и называются христіанами, соблюдаютъ христіанскіе праздники (т. е. ходятъ въ церковь, не работаютъ), но въ душѣ большая часть сохраняетъ привязанность къ прежней вѣрѣ. Вѣра эта у нихъ впрочемъ шатка и сбивчива, поэтому и обряды совершаются у каждаго отдѣльнаго племени въ различныхъ мѣстахъ различно. Они хотя и ходятъ въ церковь, но догматовъ христіанской вѣры не понимаютъ. Если спросить ихъ: зачѣмъ они исполняютъ старые обычаи и вѣрятъ въ многобожіе, отвѣтятъ, что соблюдать старые обычаи—обязанность, которую должно исполнять потому, что онѣ освящены

уже временемъ; многобожниками они себя не признаютъ и, когда называютъ ихъ такими, принимаютъ это за оскорбленье, говоря, что они вѣруютъ въ единаго Бога, Который сотворилъ небо и землю.

Чтобы узнать всю сущность вотякской религіи, постигнуть ученіе этой вѣры и систему богослуженія, нужно изучить сначала тщательно всѣ обряды, присутствуя на мѣстахъ жертвоприношеній и всѣхъ вообще моленьй, изучить молитвы жрецовъ, обращенія ихъ къ воображаемымъ божествамъ; безъ этого нельзя составить яснаго представленія объ ихъ вѣрѣ. Понятія вотяковъ о будущей жизни сбивчивы и грубы: большая часть ихъ держится такого мнѣнія, что на томъ свѣтѣ души людей одного колѣна живутъ вмѣстѣ, составляя какъ бы одну общую семью, во главѣ которой находится патріархъ или родоначальникъ племени. Если кто жилъ на землѣ не мирно, былъ сварливъ, буянъ, тотъ не будетъ принятъ въ общую семью подъ главенство патріарха. Иные говорятъ, что тѣло по разлученіи съ душей и преданіи его землѣ видитъ сны, какъ и спящій. Блаженство и муки заключаются, по понятіямъ нѣкоторыхъ, только въ томъ, что грѣшники будутъ видѣть дурные сны, а проведшіе жизнь благочестиво—хорошіе сны. Хотя большая часть и говоритъ, что грѣшники будутъ мучиться или кипѣть въ горящей смолѣ, но яснаго представленія объ адѣ не имѣютъ; также нѣтъ у нихъ представленія и о раѣ. Вообще, мѣсто мученія душъ имъ не внушаетъ никакого страха, какъ и рай, наоборотъ,—пріятнаго чувства.

Если жизнь идетъ у нихъ хорошо, при всѣхъ достаткахъ, то благодарятъ Верховное Существо, говоря *тау Инмарлы* или *тау Инмарэ!* Тау по отношенію къ людямъ означаетъ спасибо, а по отношенію къ Богу—слава. Инмаръ составилось изъ двухъ корней: *ин*—небо, верхъ; *мар*—что, т. е. «что на небѣ», а отсюда инмаръ означаетъ небесный житель или небожитель. Жилище людей называется *интъи*, а жилище Верховнаго Существа, какъ говорили мы уже выше, ин.

Если, напротивъ, въ жизни встрѣчаются неудачи, несчастія, считаютъ себя подъ гнѣвомъ Верховнаго Существа.

Всѣ молитвы и просьбы ихъ ограничиваются только просьбою о пищѣ и дѣтяхъ и, вообще, о земномъ счастіи. Что же касается до

молитвъ, имѣющихъ предметомъ рай и адъ, то мы должны сознаться, что ихъ у нихъ нѣтъ и самыя молитвы о земномъ счастіи, кажется, только импровизаціи, произносимыя безъ всякаго приготовленія; но въ тоже время нужно сказать, что порядокъ изложенія мыслей вездѣ одинаковъ и это даетъ намъ основаніе придти къ заключенію, что въ старину у нихъ былъ установленъ одинъ порядокъ богослуженія.

Вотъ образецъ вотякской молитвы: «Господи, благослови! Чтобы отъ одного зерна было 77 колосьевъ, чтобы солома дѣлилась на 7 составовъ и была бы толста какъ камышъ. Дай, Господи, чтобы зерно было велико какъ куриное яйцо Когда будемъ жать хлѣбъ, между снопами стояли бы снопы, между грудами—груды, а когда будемъ класть скирды, то были бы онѣ велики какъ городскія избы. Во время молоченья изъ трехъ сноповъ вышелъ бы цѣлый овинъ. Мы будемъ вѣять деревянною лопатою, пусть падаетъ серебряное зерно. Когда будемъ сыпать хлѣбъ, пусть сусѣки будутъ полны хлѣбомъ такъ, что нужно было бы ихъ обкладывать лубьемъ. Великому Государю пособи, Господи, исправно подать заплатить. На столъ поставленное угощенье было бы достаточно для всѣхъ: и для званыхъ и для незваныхъ гостей. Были бы мы довольны хлѣбомъ-житомъ, скотиной-животомъ; пили, ѣли бы съ гостями и сосѣдями и самый хлѣбъ былъ бы сытный и спорный. Дойныя коровы были бы молочны, а кони—легки на бѣгу. Одна рука была бы масляная и медовая, а другая—денежная и счастливая. Дно у сундука было бы полно денегъ, а дно у горшка—все было бы въ маслѣ....»

При выходѣ на сѣнокосъ между прочимъ говорятъ: «дай, Господи, чтобы трава была густа и высока; послѣ трехъ ударовъ собралась бы пластами, изъ которыхъ вышла бы цѣлая копна. Чтобы между копнами стояли копны, между зародами (скирдами) зароды...» Такія молитвы читаются жрецами, какъ заученные стихи, при общихъ жертвоприношеніяхъ. Въ жрецы избираются по жребію, метаніе котораго производится слѣдующимъ образомъ: нѣсколько человѣкъ изъ отличающихся даромъ слова и способностью сочинять импровизаціи кладутъ въ шляпу или шапку свои тамги, вырѣзанныя на деревяшкахъ, величиною въ обыкновенную

бирку, и оттуда берутъ бирки столько разъ, сколько должно быть жрецовъ. Чьи бирки будутъ вынуты, тѣмъ и быть жрецами.

Въ частныхъ жертвоприношеніяхъ, т. е. когда жертва приносится отдѣльными домохозяевами, молитвы-импровизаціи сочиняются особыя, гораздо короче чѣмъ при общихъ жертвоприношеніяхъ; должно замѣтить, что произносить молитвы женскому полу положительно воспрещается, а при жертвоприношеніяхъ женщины должны быть непремѣнно въ портахъ и лаптяхъ, какъ и мужчины.

О происхожденіи вотякской вѣры въ устной словесности вотяковъ существуютъ легенды, но дѣйствительно ли такъ произошла вѣра ихъ—рѣшить на основаніи ихъ нельзя. Вотъ одна изъ такихъ легендъ, слышанная нами въ селѣ Завьяловѣ отъ вотяка поч. Шурдошура, Андрея Моисеева, уже забывшаго культъ вотякской вѣры.

Былъ первый человѣкъ», сказалъ онъ, «и у этого человѣка одинъ сынъ вѣровалъ въ ложнаго бога, а другой—въ истиннаго. Однажды вѣрующій въ ложнаго бога разсердился на своего брата, вѣрующаго въ истиннаго Бога, и убилъ его, и затѣмъ спрятался подъ огромную колоду. Сидитъ онъ подъ колодой и думаетъ думу большую о вѣрѣ—какъ бы привлечь въ свою вѣру болѣе послѣдователей. Къ нему стали приходить люди и онъ училъ ихъ—какую вѣру имъ лучше принять. Вотъ отъ этого человѣка и произошла вотская вѣра», сказалъ въ заключенье разсказчикъ о вотякской вѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, населенныхъ вотяками, существуютъ другія легенды, но и онѣ бѣдны по содержанію и не даютъ такихъ свѣдѣній, по которымъ бы можно было составить представленіе о вотякской вѣрѣ; словомъ, никакія свѣдѣнія, полученныя или собранныя нами путемъ систематическаго изученія явленій вѣры, не могутъ дать яснаго представленія о вотякской религіи.

Г. Гавриловъ въ своей книгѣ «Обряды и повѣрья вотяковъ» *) помѣстилъ такой разсказъ, слышанный имъ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Въ древнее время, говоритъ разсказчикъ, у вотяковъ была книга, въ которой объяснялась ихъ вѣра (языческая). Въ книгѣ этой заключались молитвы и объясненія порядка жертвоприношеній. По этой книгѣ они, вотяки, и молились; только въ позднее время,

*) Стр. 150 и 151.

когда вотяковъ стали обращать въ христіанство, многихъ, принявшихъ св. крещеніе, заставляли разсказывать о своей прежней вѣрѣ и выдавать жрецовъ (куриськы севъ). Жрецамъ, уличеннымъ въ своемъ званіи, было плохо: власти ихъ тѣснили до тѣхъ поръ, пока они не приняли христіанскую вѣру. Въ это время у племени Вятка *), живущаго въ лѣсахъ Глазовскаго уѣзда, былъ главный жрецъ, у котораго находилась книга вотякской вѣры. Разъ во время общественнаго жертвоприношенія этотъ жрецъ сказалъ собравшемуся народу, что свободное, счастливое (въ отношеніи вѣры) время вотяковъ прошло, что теперь всѣхъ ихъ будутъ крестить. Не слушать начальства не хорошо: будетъ оно притѣснять: лучше принять новую вѣру, чѣмъ быть гонимымъ, а жить можно по своему, т. е. исполнять и старую вѣру. Когда нашу книгу (вотякской вѣры) найдутъ—будетъ плохо; надо ее сжечь. Сказавши это, онъ бросилъ книгу въ огонь подъ котелъ, въ которомъ варилась жертва. Когда горѣла книга, пришелъ другой жрецъ и сталъ требовать книгу. «Книга наша уже сгорѣла»—сказалъ на это бросившій ее въ огонь жрецъ и при этомъ объяснилъ причину, по которой онъ предалъ книгу сожженію.

— «Какъ мы теперь будемъ молиться безъ книги!» сказалъ другой жрецъ.

— «Во время молитвы разведемъ костеръ, будемъ варить жертвенное мясо и части жертвы будемъ бросать въ огонь. Богъ приметъ», сказалъ первый жрецъ, успокаивая втораго.

Съ тѣхъ поръ вотяки части жертвы бросаютъ въ огонь, а кости животныхъ зарываютъ въ землю или пережигаютъ, чтобы не трогали ихъ собаки.

Разсказъ этотъ напоминаетъ преданіе Первухина, помѣщенное въ 29 № Вятскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1888 годъ, въ которомъ говорится о томъ, какъ спорили о вѣрѣ русскій (христіанинъ), татаринъ (магометанинъ) и вотякъ (язычникъ).

«Когда-то въ старые давнопрошедшіе годы, когда у русскихъ,

*) Вятскіе вотяки раздѣляются на двѣ главныя вѣтви: обитающіе въ Глазовскомъ уѣздѣ называютъ себя Вятка (Вятка, выходцы изъ Вятки или изъ Хлыновской области, по пришествіи Новгородцевъ). а Малмыжскіе и другіе называютъ себя Калмэзъ.

у татаръ и у вотяковъ одинаково была своя грамотность и когда они одинаково молились, хотя и разно называя Бога, въ осенній вечеръ сошлись въ полѣ три жреца—родоначальники: русскій, татаринъ и вотякъ, одѣтые каждый въ свой національный костюмъ. Сошлись они и съ чего-то вдругъ заспорили: чья вѣра справедливѣе и чья вѣра милѣе Богу, а потому чья вѣра должна считаться старше на землѣ? Долго спорили они и наконецъ рѣшили: всѣмъ вмѣстѣ стать сейчасъ же вокругъ костра и начать молиться каждому по своей книгѣ, и кто дольше всѣхъ промолится, того и вѣра правильнѣе. Всѣ трое сняли шапки, но у татарина подъ шапкой была надѣта еще ермолка, которая и осталась у него на головѣ, а у русскаго голова была покрыта длинными, густыми волосами; поэтому ни татарину, ни русскому не было холодно, но вотяку, у котораго волоса были рѣдкіе и обстрижены коротко, стало холодно и онъ, почитавши не много безъ шапки, надѣлъ себѣ на голову шапку. Долго читали они, но всѣхъ бодрѣе былъ русскій, который выспался уже послѣ обѣда, однако и онъ стоитъ, стоитъ—да вдругъ клюнетъ носомъ книгу, но сейчасъ же опомнится, подниметъ голову и обмахнется. Раньше другихъ уснулъ вотякъ, а слѣдомъ за нимъ задремалъ и татаринъ, задремалъ и не слыша, что книгу у него изъ рукъ уже унесло вѣтромъ, сквозь сонъ, желая обмануть русскаго, продолжалъ смотрѣть на свои, сложенныя вмѣстѣ руки и бормотать молитвы, пока, наконецъ, очнувшись, не протеръ себѣ обѣими руками глаза и увидѣлъ, что у него въ рукахъ книги нѣтъ. Съ крикомъ побѣжалъ онъ за ней и успѣлъ догнать ее въ полѣ. Вотякъ же заснулъ стоя такъ крѣпко, что опустилъ руки и уронилъ книгу прямо въ костеръ, такъ что когда проснулся на крикъ татарина, то увидѣлъ, что книга его почти догораетъ, и со сна, желая спасти свою книгу, сначала вылилъ на костеръ изъ бурака кумышку, которая была при немъ, а потомъ вытряхнулъ изъ мѣшка туда же и всѣ свои съѣстные припасы. Однако книга его все-таки сгорѣла. Съ этихъ поръ, разсказываютъ старики, грамотность осталась только у русскихъ да у татаръ, а у вотяковъ исчезла совсѣмъ. Вѣра русская стала выше, а вотская—ниже татарской, и самый порядокъ богомолья у трехъ этихъ народовъ сталъ разный: русскій сталъ креститься да кланяться; татаринъ сталъ бормотать молитвы, смотря себѣ на руки и изрѣдка

вытирая себѣ обѣими руками глаза, а вотякъ, молясь въ шапкѣ, сталъ приносить жертвы, поливая въ огонь кумышку и сожигая на огнѣ разные съѣстные припасы.

Подобную же легенду слышалъ г. Первухинъ и въ Словской волости Глазовскаго уѣзда: она помѣщена въ 16 № «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Вотъ какъ говоритъ эта легенда: «Сначала всѣ вотяки жили въ одномъ мѣстѣ и старикъ отъ старика учился и Богу молиться и судъ судить. И былъ тогда народъ больно ученый: о чемъ ни спросишь его, на все отвѣтить могъ. А когда вотяковъ стало много и разошлись они по разнымъ мѣстамъ, сначала они сходились молиться и судиться вмѣстѣ, а потомъ разошлись такъ далеко, что нельзя стало сходиться и старикъ старику не могъ помогать припомнить все, какъ слѣдуетъ. И вотъ на общей сходкѣ (кэнэшъ) порѣшили они, чтобы не забыть всего—записать порядокъ моленій и судовъ: надрали бересты, обрѣзали ее и сшили въ книгу, а потомъ въ этой книгѣ *тамгами записали* (подлинныя слова старика-разсказчика), какъ молитвы творить и порядокъ править, и потомъ книгу эту оставили подъ присмотромъ жреца на большомъ бѣломъ камнѣ, въ томъ мѣстѣ, куда собирались на общую молитву и которое, какъ кажется, было въ центрѣ вотскихъ поселеній. Если какой-либо старикъ забывалъ молитву или какъ нужно судить, онъ шелъ къ бѣлому камню, прочитывалъ въ книгѣ и опять зналъ. Но люди послѣ написанія книги стали рѣже приносить жертвы Инмару, потому что прежде старики чаще собирали народъ на молитву изъ опасенія, что иначе они позабудутъ молитвы, а теперь у нихъ этого опасенія не было. Тогда Инмаръ разсердился и на стариковъ, и на книгу, и послалъ къ бѣлому камню большую бѣлую корову, которая пришла къ камню во время сна жреца, сторожившаго книгу, и съѣла книгу цѣликомъ, а чтобы вотяки снова не написали такой книги, Инмаръ отнялъ у нихъ знаніе тамгъ. Съ тѣхъ поръ каждый вотякъ знаетъ только одну свою тамгу и народъ годъ отъ году становится глупѣе: выдумываетъ каждый свое, совсѣмъ не подходящее, а стариковское, хорошее, совсѣмъ позабылъ».

Далѣе г. Первухинъ говоритъ, что то же передаетъ и Балезинская (услышанная въ Балезинской волости Глазовскаго уѣзда) легенда, но легенда эта оканчиваетъ Еловскую написаніемъ книги,

исчезновеніе же ея, книги, объясняетъ нѣсколько сходно съ Ключевской, записанной г. Гавриловымъ (см. выше). По словамъ Балезинской легенды (говоритъ г. Первухинъ) книга лежала на бѣломъ камнѣ до прихода русскихъ, когда самый старшій изъ жрецовъ, опасаясь за храненіе этой книги подвергнуться какимъ-либо мученіямъ со стороны русскихъ, рѣшился ее сжечь, а для того, чтобы въ людяхъ сохранилась память о порядкѣ молитвъ и суда, онъ призвалъ къ себѣ 12 молодыхъ учениковъ и 12 дней и ночей читалъ имъ эту книгу, а они за нимъ пѣли, пока не выучили ее совсѣмъ наизусть. Это сдѣлалъ онъ тайно отъ прочихъ жрецовъ и также тайно сжегъ книгу. На вопросы же: какъ будутъ молиться впредь безъ книги?—онъ указалъ на 12 человѣкъ, имъ выученныхъ, и сказалъ, что каждый изъ этихъ 12 можетъ выучить тому же 12 другихъ и такъ дѣло можетъ идти всегда.

Такихъ легендъ о книгѣ въ Сарапульскомъ уѣздѣ намъ еще не приводилось слышать и это наталкиваетъ на мысль, что сарапульскіе вотяки въ древности жили отдѣльно отъ глазовскихъ и тогда обряды жертвоприношеній совершались у нихъ иначе; да и теперь между обрядами тѣхъ и другихъ существуетъ большое различіе. Такъ, напримѣръ, завьяловскіе вотяки кости жертвы послѣ обряда жертвоприношенія уносятъ, склавши ихъ въ лукошко, въ лѣсъ и оставляютъ тамъ повѣшенными на суку ели, а въ мѣстностяхъ, лежащихъ на окраинѣ Глазовскаго уѣзда, всѣ кости или зарываются въ землю или сожигаются. Конечно, едва ли можно дѣлать серьезно такія предположенія, такъ какъ объ этомъ никакихъ документовъ и преданій, основанныхъ на дѣйствительныхъ фактахъ, не сохранилось. Но если принять во вниманіе нѣкоторое различіе между нарѣчіями тѣхъ и другихъ, то невольно приходишь къ заключенію, что въ историческомъ отношеніи въ судьбѣ тѣхъ и другихъ были различные перевороты. Это доказываетъ и то, что глазовскіе называютъ себя Ватки (выходцы изъ Ватки или изъ Вотской страны, называвшейся прежде Хлыновской областью). Изъ рукописи нашей 1703 года за скрѣпой стольника Петра Залишева видимъ, что мѣстности, лежащія около рѣкъ и рѣчекъ: Бартіевы, Чепцы съ малыми падучими рѣчками, Кепь, Люкъ, Пызепъ, Лози, Лыпъ, Ита, Сюрсовай, Ягва, Саля, Утемъ, мѣстности по Казанскому рубежу до Ключевинъ, Чури съ лежащими около нея мѣстами по Ли-

новому мысу и красному яру, Зюра, Ижъ съ малыми рѣчками, Якшуръ, Порва, Орзеянъ, Сѣдшуръ, Идзя, Аги и мѣста до Очерскаго волока были населены вотяками или отяками, какъ они называются въ нашей рукописи, а про рѣки: Позимь, Казмаска, Игырманъ и другія, около которыхъ обитаютъ нынѣ вотяки, въ рукописи нашей не упомянуто.

Не касаясь другихъ божествъ, почитаемыхъ вотяками, мы опишемъ здѣсь только тѣ божества и миѳическія лица, которыя еще не вошли въ прежнія наши статьи или о которыхъ помѣщаемыя нами свѣдѣнія представляютъ для насъ еще совершенную новость. Должно замѣтить, что одно и то же существо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется различно и представляется въ различныхъ видахъ; напримѣръ, банный бѣсъ называютъ: Мынчо-муртъ, Мынчо-кукникъ, Мынчо-почетка, Мынчо-кузё, и это сказочное существо представляется то съ однимъ глазомъ, то съ двумя, то съ длинными зубами и волосами въ страшномъ видѣ, то, наконецъ, составленнымъ изъ массы въ родѣ студня, безъ костей.

Первое и самое главное божество въ вотяцкой миѳологіи—это семейное или родовое—*Воршудъ* (у казанскихъ Шудъ-вордысь—хранитель счастья); храмъ его *куала* или просто *куа*. Послѣднее названіе вѣрнѣе, потому что поставлено въ прямомъ падежѣ, а въ первомъ заключается послѣсловіе *ла*, соотвѣтствующее русскому предлогу *въ* (куа*ла*—въ шалашъ, куа-шалашъ). Куалой мы называемъ потому, что въ этнографическихъ статьяхъ о вотякахъ вообще привыкли называть вотяцкій шалашъ куалой, хотя это и противорѣчитъ правильной вотяцкой рѣчи. Вотякъ въ прямомъ падежѣ шалашъ свой называетъ куа, а не куала; такъ, напримѣръ, говорятъ: ма со?—куа (что это?—шалашъ); кытцы мынъидъ?—куала (куда пошелъ?—въ шалашъ).

Вотякъ, вѣрующій въ Воршуда, не можетъ не имѣть куалы (для благозвучія и мы будемъ называть куа куалой); въ куалѣ этой, по повѣрью его, невидимо присутствуетъ Воршудъ—божество семейнаго родоваго счастія; обиталище этого божества—коробка, въ которой заключается одна или нѣсколько серебряныхъ монетъ. Подъ коробкой находятся всегда древесныя вѣтви, которыя мѣняются хозяиномъ куалы каждый годъ; старыя вѣтви онъ предаетъ сожженію въ огнищѣ куалы. Впрочемъ, не у каждаго племени при-

нято имѣть вѣтви: также и при просительномъ обращеніи къ Воршуду лѣтомъ для каждаго племени установлена вѣтвь особаго дерева. Такъ, напримѣръ, какъ намъ извѣстно, племя Пупъи стоитъ съ липовой вѣтвью въ рукѣ, племя Бöня — съ березовой, и т. д. Происхожденіе божества Воршудъ древнее. Оно ведетъ свое начало со времени какихъ нибудь важнѣйшихъ событій, встрѣтившихся въ жизни вотяковъ, напримѣръ, переселенія отдѣльныхъ лицъ въ другую неизвѣстную страну, бѣгства отъ преслѣдованія начальства и проч., когда бѣжавшія отдѣльныя лица принимали различныя прозвища. Такъ, напримѣръ, бѣглецъ Ожмегъ *), бѣжавшій изъ за Камы въ нынѣшній Сарапульскій уѣздъ получилъ случайное прозвище *Пупъи*, а отсюда божество Воршудъ племени его приняло названіе *Пупъя-Воршудъ*, какъ оно называется и нынѣ (Пупъя-Воршудъ значитъ Воршудъ племени Пупъи, т. е. Ожмега). Это божество у племени Пупъи связано, какъ и у другихъ племенъ, съ повѣрьемъ, что какое счастье было у родоначальника этого племени, такое же будетъ и у колѣна его. Родоначальники передъ смертью своей завѣщали своему роду обычаи и вѣрованья и при этомъ передавали золу изъ семейнаго очага, и зола эта впослѣдствіи переходила изъ рода въ родъ, какъ и нынѣ переходитъ. Слѣдовательно, Воршудъ, повторяемъ, божество родовое, перешедшее отъ родоначальника племени. Божество это въ тоже время имѣетъ значеніе благословенія родоначальниками, поэтому не почитать его, Воршуда, значитъ лишиться благословенія родоначальника, какъ говорятъ вотяки. Нѣкоторыми вотяками, какъ, напримѣръ, Глазовскими, въ разныхъ мѣстахъ это божество уже забыто. Хотя нѣкоторые изъ этнографовъ и утверждаютъ, что Воршудъ произошелъ отъ счастливыхъ мужчинъ и женщинъ, но это несправедливо: сами счастливые вотяки передъ смертью своей завѣщали почитать родовое божество и переносить его при переходѣ на новое мѣсто жительства въ новую куалу. Этотъ переносъ изъ старой куалы въ новую у нѣкоторыхъ племенъ совершается, какъ намъ передавали, при звонѣ колокольчиковъ, а въ большинствѣ

*) См Записки И. Р. Г. О. по отд. этн., т. XIV вып. 2-й. Вотяки Сосновскаго края, стр. 104.

просто, безъ шуму. О переносѣ Воршуда нами будетъ сказано ниже, подъ особымъ заглавіемъ.

Воршуды, какъ извѣстно, у каждаго племени свои. Такихъ воршудовъ нами открыто значительное число, но перечислять ихъ считаемъ лишнимъ, такъ какъ это отвлечетъ насъ отъ прямой нашей задачи, а для примѣра назовемъ нѣкоторые изъ нихъ, существующіе въ Сарапульскомъ уѣздѣ, именно: Пупъя-Воршудъ, Бöня-Воршудъ, Дзезья-Воршудъ, Эбга-Воршудъ, Пурга-Воршудъ, Имъесъ-Воршудъ, Бöдья-Воршудъ, Чабъя-Воршудъ, Чола-Воршудъ, Пöбъя-Воршудъ, Тукля-Воршудъ, Селта-Воршудъ, Дурга-Воршудъ, Бигра-Воршудъ и проч. Каждому племени этихъ божествъ, по сказаніямъ вотяковъ, судьба предопредѣлена особая: кому обѣщано счастье, кому несчастье; иному обѣщано умноженіе въ числѣ, иному богатство и т. д. Въ деревнѣ Ляльшурѣ, Шарканской волости, два дома вотяковъ причисляютъ себя къ племени Уля. Это племя, по сказу вотяковъ, не можетъ размножиться никогда. Говорятъ, что они, происшедшіе отъ племени Уля, живутъ въ деревнѣ Ляльшурѣ съ давнихъ временъ и болѣе двухъ домовъ ихъ не бывало. Они—выходцы изъ Ыбытъ-вожа—рѣчки, впадающей въ Чепцу. На племя это при переселеніи одной старушкой произнесено проклятіе. Что побудило ее произнести слова проклятія—остается неизвѣстнымъ; только говорятъ, что она, старушка, сказала имъ: болѣе двухъ домовъ вамъ не быть. Дѣйствительно, говорятъ вотяки, эти два дома носятъ на себѣ печать проклятія; они никогда не размножались въ числѣ. Племя это и типомъ отличается отъ другихъ племенъ, но въ общемъ, конечно, не отличается отъ вотяковъ. Они не имѣютъ и куалы, потому что не почитаютъ Воршуда, отъ всѣхъ моленій по вотякскому обычаю уже отреклись и вступаютъ въ родство съ русскими. На вопросъ: почему они отстали отъ старой (вотякской) вѣры? отвѣчаютъ, что въ вотякской вѣрѣ они не размножились, можетъ быть въ христіанской Богъ дастъ новое счастье въ умноженіи числа. Изъ этого племени былъ знаменитый ворожецъ Уля-Онтонъ (Антонъ). Онъ имѣлъ два югезя, золотой и серебряный, посредствомъ которыхъ предсказывалъ будущее. Югезь—это круглая, какъ монета, пластинка, которыя помнятъ еще старики, но изображенія на югезь уже припомнить не могутъ. Югезь Улѣ-Онтона открылъ

вотякамъ племени Пупъи мѣсто жертвоприношенія, Вылынлудъ, гдѣ таковое (жертвоприношеніе) и нынѣ совершается. Вотъ какъ открылъ Уля-Онтонъ, съ помощью югезя, Вылынлудъ: однажды вотяки племени Пупъи обѣщали въ жертву сильнаго и здороваго коня (иные говорятъ, что конь не былъ обѣщанъ въ жертву), но конь никому не давался. Вотяки заключили, что конь не ловится — значитъ, что нибудь *не ладно*. Они обратились къ Улѣ-Онтону; этотъ положилъ свой югезь на палецъ, произнесъ тайныя нашептанья и югезь улетѣлъ, какъ легкокрылая бабочка, на высокую гору Вылынлудъ. Уля-Онтонъ поймалъ коня, сѣлъ на него безъ узды и конь помчался стрѣлой на Вылынлудъ. Пріѣхавши на Вылынлудъ, Уля-Онтонъ слѣзъ съ коня, привязавъ его къ ели, и пошелъ въ деревню сообщить вотякамъ объ открытіи мѣста моленья. Югезь же пошелъ безъ всякаго труда подъ елью, гдѣ нынѣ совершается жертвоприношеніе. Вотъ съ той поры и приносятъ вотяки на этомъ мѣстѣ жертвоприношеніе (крестьянинъ деревни Лялыпуры Михѣй Поликарповъ). Объ Улѣ-Онтонѣ у вотяковъ племени Пупъи существуетъ такое сказанье: однажды вечеромъ Уля-Онтонъ лапотничалъ въ избѣ съ такимъ прилежаніемъ, что выступилъ на лицѣ его потъ; онъ захотѣлъ освѣжиться и для этой цѣли вышелъ въ сѣни; вдругъ къ нему явились два неизвѣстныхъ человѣка и увели его съ собой въ Москву и чрезъ сутки вернули его опять на родину чрезъ г. Сарапулъ. Когда онъ разсказывалъ предстоящимъ его о своемъ путешествіи въ Москву, тутъ случились солдаты, служившіе въ Москвѣ, и требовали отъ него доказательствъ, по которымъ бы можно было бы судить о справедливости его словъ. Антона, къ удивленію всѣхъ, началъ перечислять зданія, памятники, кремль и проч., и обрисовалъ ихъ такъ ясно, что солдаты не могли не придти въ изумленіе, между тѣмъ про Москву онъ зналъ только по однимъ слухамъ. На рынкѣ въ г. Сарапулѣ онъ съ вожатыми проходилъ мимо женщинъ, для которыхъ ни онъ, ни вожатые не были видимы. Женщины ругались между собой различными непристойными словами и одна изъ нихъ въ пылу ярости плюнула въ правую сторону отъ себя и слюна попала на вожатаго Антона; за это вожатый ударилъ женщину по щекѣ и женщина упала тутъ же, какъ мертвая. Народъ, видя ее, сбѣжался къ ней, но что было дальше онъ, Антонъ,

уже не видалъ: они изъ города вышли.—«Вотъ», говоритъ вожатый Антону, «ты видѣлъ какъ наказываются ругающіеся и плюющіе въ правую сторону отъ себя; въ правую сторону никогда не плюй, а плюй въ лѣвую». (Тимоѳей Григорьевъ, крестьянинъ-вотякъ деревни Ляльшури).

Вотяки племени Пупъи говорятъ, что Уля-Онтонъ выводилъ изъ обычая жертвоприношенія по языческому обряду и вотяки замѣтно стали меньше и меньше справлять праздники, но со смертью его жертвоприношенія стали повторяться чаще и чаще; теперь нѣкоторые сами недовольны такимъ обычаемъ, потому что, говорятъ, на жертвы идетъ въ годъ съ каждаго дома рублей пять, а оставить обычая нельзя: старики, подстрекаемые знахарями—тупо, непремѣнно требуютъ исполненія обрядовъ языческаго культа; въ этихъ случаяхъ существенную роль играютъ ворожцы-прорицатели, а эти послѣдніе пользуются большимъ авторитетомъ среди инородцевъ, какъ прорицатели; къ такимъ ворожцамъ ѣздятъ и русскіе изъ окрестныхъ селеній. Особенною извѣстностью въ настоящее время у племени Пупъи пользуется знахарь-ворожецъ изъ дер. У... С... прихода. Онъ, какъ отзываются вотяки, смотря на мѣдную монету, разсказываетъ прошедшее и настоящее, предсказываетъ будущее совершенно неизвѣстнымъ ему людямъ и этимъ весьма изумляетъ, какъ медіумъ вызываніемъ духовъ. Къ нему обращались вотяки племени Пупъи въ первой половинѣ мая 1888 года, вслѣдствіе плохихъ всходовъ озимей на поляхъ, и за 50 коп. получили въ результатѣ такой отвѣтъ: «вашими предками», сказалъ онъ, «въ древнее время была обѣщана жертва, но таковая не принесена: вотъ поэтому, сказалъ ворожецъ, у васъ и не родится хлѣбъ». При этомъ ворожецъ описалъ мѣсто древнихъ жертвоприношеній, гдѣ должно было совершиться обѣщанное жертвоприношеніе. Пріѣхавши отъ ворожца, вотяки составили сходбище (кэнешъ) и положили отправить жертвоприношеніе на старомъ мѣстѣ, которое вспомнили старики. Собрали съ каждаго дома овса и на вырученныя отъ продажи деньги (26 руб.) купили животныхъ: корову, жеребенка... и собрались на мѣсто жертвоприношенія изъ 30 селеній жители обоихъ половъ, отъ дѣтей до дряхлыхъ стариковъ, одѣвшись въ лучшіе наряды и вымывшись наканунѣ жертво-

приношенія въ банѣ, что служило въ данномъ случаѣ символомъ очищенія.

На женщинахъ и дѣвушкахъ шали и платки были шелковые, рублей по 10 и болѣе цѣнностью. Жертвоприношеніе это отправлялось, говорятъ, съ особеннымъ торжествомъ, въ чемъ можно было убѣдиться и изъ того, что всякъ былъ одѣтъ въ лучшій свой костюмъ; лбы дѣвушекъ и груди женщинъ блестѣли серебромъ. На это жертвоприношеніе авторъ былъ приглашенъ въ качествѣ зрителя, но онъ предпочелъ остаться дома.

Описаніе нѣкоторыхъ миѳическихъ лицъ и вновь открытыя существа. Изслѣдованія о божествахъ и обрядахъ вотяковъ, относящихся къ культу божествъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. такъ какъ доселѣ о религіи ихъ еще ничего полнаго не собрано и всѣ свѣдѣнія, которыми можно располагать, въ сущности еще не даютъ возможности сдѣлать удовлетворительное описаніе ихъ. Описаніе божествъ и обрядовъ вотяковъ важно въ томъ отношеніи, что это послѣдній документъ ихъ исторіи. Преданій устныхъ у нихъ весьма мало и если сохранились нѣкоторыя, то они приняли характеръ сказочныхъ легендъ, по которымъ нѣтъ возможности составить ясное представленіе о происхожденіи ихъ религіи. Если задать вопросъ: какими путями выработалась ихъ древняя языческая религія? то на него отказался бы дать положительный отвѣтъ и первоклассный этнографъ. Физіономія этого племени стирается быстро: русскій типъ поглощаетъ ее болѣе и болѣе.

Всѣ свѣдѣнія о божествахъ вотяковъ, помѣщаемыя въ современныхъ изданіяхъ, не даютъ намъ ничего удовлетворительнаго, на основаніи чего можно было бы предпринять систематическое изслѣдованіе о происхожденіи вѣрованій вотяковъ и самыя свѣдѣнія эти ничто иное какъ легкіе наброски со словъ разсказчиковъ, гдѣ пробѣлы восполнены умозаключеніями, которыя, къ сожалѣнію, обыкновенно оказываются неудачными.

Мынчо-муртъ, Мынчо-кузё, Мынчо-кукникъ, Мынчо-почетка. Существо это завьяловскими вотяками представляется животнымъ безъ костей, въ родѣ студня, съ длинными волосами, съ однимъ огромнымъ глазомъ на подобіе луны. Онъ, говорятъ, плачетъ въ передбанникѣ какъ грудной ребенокъ: уа! уа! Показывается передъ несчастьемъ (Ишанъазьынъ).

Крестьянинъ-вотякъ деревни Мартьянова, Григорій Степановъ, разсказывалъ намъ слѣдующее: «однажды», говорилъ онъ, «мой братъ проходилъ мимо бани поздно вечеромъ; за нимъ шла и собака его. Дошелъ онъ до бани и слышитъ тамъ плачъ груднаго ребенка, котораго тамъ не должно было быть, такъ какъ въ банѣ никто не парился и была она холодная. Вдругъ находящаяся при немъ собака залаяла, и въ ту-жъ минуту бросилась въ баню, а онъ, братъ разсказчика, убѣжалъ. Смотрятъ утромъ въ передбанникѣ и видятъ тамъ на полу длинные волосы. Это, сказали,— волосы Мынчо-кузё, котораго съѣла собака».

Замѣтимъ кстати, что вотякскія женщины, имѣя обыкновеніе расчесывать волосы въ банѣ, отстающіе при расчесываніи волосы бросаютъ на полъ или въ уголъ, скатавши ихъ въ шарики: ихъ можно видѣть въ углахъ и щеляхъ стѣнъ нерѣдко. Русскіе называютъ ихъ путанками. Вотъ такіе волосы, вѣроятно, разсказчиками и были приняты за волосы Мынчо-кузё.

Въ одно время, разсказывалъ тотъ же Степановъ, два человѣка мылись въ банѣ. Вдругъ слышатъ они, что Мынчо-кузеи идутъ въ баню съ пѣсней играть свадьбу. Одинъ изъ парящихся въ банѣ обезумѣлъ отъ страха; другой былъ знатокъ и ободрилъ товарища, говоря: не трусь! я знаю противъ *нихъ* заговоръ. Сказавши это, онъ прочиталъ слова заговора: «кукэ азвесь јылэ тубодъ, соку монэ си (когда на серебро взберешься, тогда меня съѣшь). И что же? Мынчо-кузеи не могли зайти въ избу и удалились.

Нюлэсъ-муртъ (лѣшій). Онъ огромнаго роста, въ бѣлой шляпѣ съ дырой наверху, которая выказываетъ голое темя Нюлэсъ-мурта. Ходитъ въ вихрѣ съ ужасной быстротой. По повѣрью, если вихрь набѣжитъ на тебя—ударитъ параличъ. Людей, подвергшихся удару паралича, разслабленныхъ, называютъ *пэришуккэмъ* (пораженный періэмъ). *Пери*, въ переводѣ на русскій языкъ, значитъ вихрь, а вѣтеръ—*тöлъ*, а отсюда *тöлъ-пери* значитъ бурный вихрь, въ которомъ ходитъ лѣшій.

Убиръ или *Кулэмъ-убиръ*. Его завьяловскіе вотяки представляютъ составленнымъ изъ голыхъ костей человѣческихъ, какимъ художники изображаютъ смерть или скелетъ. Иные говорятъ, что это—умершій колдунъ, духъ котораго по ночамъ выходитъ изъ

могилы и, летая всюду, вынимаетъ изъ живыхъ людей сердце или только кровь, отчего человѣкъ и умираетъ. Если на тѣлѣ умершаго, особенно ребенка, останутся синяки, говорятъ Убиръ сіемъ (Убиръ ѣлъ, т. е. мѣсто, гдѣ ѣлъ Убиръ или высосалъ онъ кровь). Съ понятіемъ объ этомъ существѣ связывается понятіе о вампирѣ. На такомъ повѣрьи основанъ помѣщенный ниже разсказъ «Кулэмъ-Убиръ».

Кулэмъ-Убиръ или просто Убиръ, по повѣрью вотяковъ, летаетъ какъ птица. Когда увидишь его летающимъ, розвяжи тесемку у подштанниковъ или порви шнурокъ отъ вòрота рубахи и Убиръ упадетъ на землю

У русскихъ подобное же этому существо называется вѣщицей, вѣдьмой; вѣдьмы, говорятъ, летаютъ по воздуху какъ птицы и, если порвешь гашникъ или тесемку отъ вòрота рубахи—вѣщица упадетъ на землю. Кулэмъ-Убиръ, говорятъ вотяки, можетъ вредить только животнымъ, а Убиръ—можетъ съѣсть даже и солнце, и луну. Это приводитъ насъ къ заключенію, что Кулэмъ-Убиру и просто Убиру вотяками приписываются различныя свойства.

Ву-Муртъ (водяной) отъ словъ: *ву—вода*, *муртъ*—личность, мужчина или человѣкъ, а отсюда—*водяной человѣкъ*. У вотяковъ человѣка еще называютъ адями, но это испорченное татарское слово *адямъ*. У него, говорятъ нѣкоторые, одинъ глазъ какъ и у Мунчё-Кузё, но на спинѣ; лицо какъ и у человѣка, но безъ глазъ; одежда на немъ черная, волосы длинные, которые онъ расчесываетъ, иногда сидя на мельничномъ колесѣ, иногда и на берегу. По временамъ у него отпадываютъ пальцы и выростаютъ новые. Находимые въ водѣ пальце-подобные камни—сучья окаменѣлыхъ деревъ принимаются за отпавшіе пальцы Ву-Мурта. Такія окаменѣлости служатъ лекарствомъ у простонародія отъ порѣзовъ и порубовъ; ихъ обращаютъ въ порошокъ посредствомъ скобленія ножомъ и посыпаютъ порошкомъ порѣзанныя мѣста. Русскіе называютъ ихъ чертовыми пальцами. Съ понятіемъ объ этомъ миѳическомъ существѣ должно связываться понятіе объ русалкахъ. Вотяки говорятъ, что женщины Ву-Муртовъ кажутся въ очаровательномъ видѣ, какъ сказочныя феи.

О Ву-Муртѣ составлены еще такія повѣрья: кто утонулъ и не нашелся—значитъ взялъ его къ себѣ Ву-Муртъ и живетъ онъ въ под-

водныхъ покояхъ у Ву-Муртовъ, а кто нашелся—это, можетъ быть, дѣло и не Ву-Мурта. Ву-Муртъ, по повѣрью, показываетъ деньги въ видѣ каленыхъ до красна угольевъ.

Ву-Муртъ совершенно соотвѣтствуетъ Черемисскому богу морей, Тенгесъ-Юмо.

Янки-Муртъ. Существо это представляется живущимъ въ лужицѣ. По повѣрью нѣкоторыхъ вотяковъ, разсказавшихъ намъ о немъ, онъ мохнатый, злой. Если будешь биться объ закладъ, онъ утянетъ тебя въ воду и ты утонешь; даже легко утонешь и въ слѣдѣ лошадинаго копыта съ водой, гдѣ находится Янки-Муртъ. Иные Янки-Муртомъ называютъ водяныхъ животныхъ въ родѣ плавунцовъ мохнатыхъ. Это, вѣроятно, тоже, что и Ву-Муртъ, но что значитъ слово Янки въ переводѣ на русскій языкъ, объяснить до сихъ поръ намъ вотяки не могли.

Бустурганъ (домовой, сусѣдко) представляется мохнатымъ въ родѣ обезьяны. Ночью, въ темнотѣ, его имя воспрещается произносить, чтобы онъ не сдѣлался необыкновенно большимъ, величиной со стогъ сѣна. Когда его имя произносятъ въ темнотѣ, говорятъ, онъ радуется и съ радости пляшетъ. Онъ, по повѣрью, давитъ только ночью, въ темнотѣ. Если днемъ поминаешь его, онъ бѣжитъ отъ человѣка. Иные говорятъ, что Бустурганъ давитъ только счастливаго; такъ равно и перепутываетъ волосы и бороду у человѣка и у лошадей гриву, только любя. Болѣзнь колтунъ, состоящая въ перепутываніи волосъ, приписывается продѣлкамъ Бустургана.

Межа-Утьысь (хранитель межъ и полосъ на поляхъ). Онъ представляется мужчиной въ сѣрой шляпѣ, въ бѣлой одеждѣ, съ бородой. Ходитъ по межѣ, осматривая и охраняя отъ насѣкомыхъ и птицъ засѣянныя полосы. Ему приносятъ въ жертву на озими, подъ названіемъ *дегудъ-вылэ вöсянъ*, животныхъ: овцу, телку, утку, гуся—различно по племенамъ. Самая жертва приносится гдѣ осенью, а гдѣ весной. Кто не принесетъ жертвы, говорятъ, хлѣбъ у него уродится сорный, худой; ѣстъ его хлѣбъ и заяцъ, и птица, и насѣкомыя и все это дѣлается по волѣ Межа-Утьысь, неумилостивленнаго жертвой; любимая прогулка его по межѣ. У мордвы подобное же существо называется *Мастырь Пазъ*.

Глазовскими вотяками Межа-Утьысь переименованъ въ Кылдысина. Слово это составилось изъ трехъ корней: *кыл*—слово, языкъ,

дъисъ—одежда, *ин*—небо; отсюда кылдысинъ значитъ являющійся съ неба въ человѣческомъ видѣ, какъ говорятъ вотяки. Это же названіе дано и ангелу-вѣстнику. Или же кылдысинъ произошелъ отъ двухъ корней: *кылдан*—опредѣленіе судьбы и *ин*—небо. Какъ у русскихъ, такъ и у вотяковъ существуетъ повѣрье, что при рожденіи младенца находится ангелъ и, по волѣ Божіей, назначаетъ судьбу новорожденному; а вотяки, сверхъ этого, говорятъ, что всякое случайное счастье назначается человѣку опредѣленіемъ судьбы. Вотяки племени Пупъи кылдысиномъ называютъ Спасителя, понятіе о которомъ они получили еще недавно изъ поученій духовныхъ. Что касается представленія о Пресвятой Троицѣ и Божіей Матери, то еще въ началѣ просвѣщенія христіанскою вѣрою вотяки о Нихъ не имѣли никакого понятія, да и нынѣ большая часть ихъ о лицахъ Пресвятой Троицы не имѣютъ его. Господь, обладатель вселенной, вотяками называется *Инмаръ* (*ин*-небо, *мар*—что, т. е. что или который на небесахъ). Кылдысино же собственно значитъ, по понятіямъ вотяковъ, ангелъ, стоящій ближе всѣхъ къ Господу. Какимъ образомъ Межа-Утьысь переименованъ глазовскими вотяками въ Кылдысина, объяснить мы затрудняемся. Приведемъ дословно легенду о Кылдысинѣ, помѣщенную въ 6 № Вятскихъ губ. вѣдомостей, за подписью г. Первухина. «Кылдысинъ», говоритъ авторъ, «прежде, по сказаніямъ вотяковъ, жилъ на небѣ и управлялъ вселенной, что онъ въ глубокой древности проводилъ время между людьми на землѣ. Тогда людей было еще немного и у каждаго были большіе земельные участки: нерѣдко цѣлыя общины имѣли общіе участки, а межи между участками были длинныя и широкія. Эти-то межи и составляли любимыя дорожки Кылдысина, который постоянно ходилъ по нимъ самъ бѣлый, въ бѣлой одеждѣ, высокій, съ веселою улыбкою, наблюдая за тѣмъ, какимъ образомъ поля воздѣлывались вотяками, одѣтыми въ такія же бѣлыя одежды, какъ и самъ Кылдысинъ. Ходя по землѣ, Кылдысинъ поднималъ каждый упавшій колосокъ и обходилъ осторожно каждый колосъ, выросшій на межѣ, чтобы не растоптать его и при такой заботливости его земля давала роскошные урожаи. Но со временемъ число вотяковъ умножилось и вмѣстѣ съ этимъ развилась въ нихъ и завистливость: начались земельныя раздѣлы и земля была раздѣлена на многочисленные земельные участки, и

межи дѣлились съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе узкими, пока, наконецъ, совсѣмъ не стали ихъ перепахивать. Теперь Кылдысину негдѣ уже стало гулять, притомъ и въ одеждѣ перестали подражать Кылдысину: начали красить въ краску бусырь (вѣрнѣе бусьпръ), и Кылдысинъ глубоко обиженный всѣми этими непорядками исчезъ съ поверхности земли, скрывшись, по разсказамъ однихъ, въ небо, по разсказамъ же другихъ, внутрь земли».

Кылдысинъ (у Сарапульскихъ и Елабужскихъ —Кылчинъ) у вотяковъ, повторяемъ, означаетъ собственно ангела и вмѣстѣ хранителя, а прибавляя къ его имени приставку *му* (Му-кылдысинъ, Му-кылчинъ) вотякъ составляетъ названіе Ангела-Хранителя земли (*му*—полоса, земля, *кылдысинъ* или *Кылчинъ*—Ангелъ, Хранитель). Кылдысинъ-му же (вѣроятно перестановка Му-кылдысинъ), какъ намъ извѣстно, совершенно не существуетъ въ вотякской миѳологіи и слово это идетъ въ разрѣзъ даже съ правилами вотякскаго языка. Въ этомъ словѣ слились два существительныхъ: *кылдысинъ* и *му*; первое у вотковъ служитъ прилагательнымъ, второе—существительнымъ, а въ предложеніи: первое—опредѣленіемъ, другое—подлежащимъ. Такимъ образомъ здѣсь идетъ рѣчь не о Кылдысинѣ, а о землѣ Кылдысиновой (Кылдысинъ-му значитъ Кылдысинова земля, полоса). Значитъ, слово Кылдысинъ-му можно объяснить только ошибкою автора *). Что же касается того, что Кылдысинъ, по сказаніямъ глазовскихъ вотяковъ, удалился между прочимъ, и оттого, что вотяки начали носить фіолетовыя платья (бусьпръ), то это объясняется тѣмъ, что цвѣтныя платья символизируютъ христіанство, которое поглощаетъ язычество, такъ какъ они, вотяки, съ принятіемъ христіанства начали носить цвѣтныя платья, и отъ этого жрецы ихъ начали выводить заключенія, что неурожаи пошли единственно вслѣдствіе ношенія вотяками цвѣтныхъ платьевъ (должно подъ этимъ разумѣть христіанство). Еще не давно, какъ намъ извѣстно, вотяки, подстрекаемые фанатиками жрецами, бросали цвѣтныя платья въ лѣса, что требовалъ, будто бы, являвшійся имъ Кылдысинъ и такіе назывались *вылепырысями* **).

*) Подобнымъ же образомъ и Бехтеревъ называетъ какую-то богиню Муму-Кальцинъ. См. «Вѣст. Европы» кн. 9, стр 167.

**) См. записки И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XIV, вып. 2. Вотяки Сосновскаго края, стр. 202, 203 и 204.

Вылепырысями назывались вотяки еще при переходѣ въ христіанство и это названіе присваивали себѣ и впослѣдствіи, когда опять совращались въ язычество и бросали цвѣтныя платья (*вылъэ*—вновь, *пырысь*—входящій, вступающій, т. е. вступающій въ новую вѣру).

Кылдысинъ-му (т. е. Му-кылдысинъ или Му-кылчинъ), по словамъ г. Первухина, у глазовскихъ вотяковъ представляется подземнымъ, злымъ. У сарапульскихъ вотяковъ, наоборотъ, онъ представляется щедрымъ, дающимъ плодородіе. Межа-Утьысь же собственно значитъ хранитель межъ и полосъ. Затѣмъ, трактуя о Кылдысинѣ, авторъ опять въ разрѣзъ съ духомъ вотякскаго нарѣчія говоритъ Кылдысинэ-му. Это—смѣсь двухъ существительныхъ и одного послѣсловія, которыя вслѣдствіе ошибки или просто незнанія вотякскаго языка поставлены одно на мѣсто другаго, отчего получилось производное слово, чуждое понятію вотяка. Обращаясь къ Кылдысину вотякъ говоритъ *Кылдысинэ* (звательный падежъ): если же обращается къ му-кылдысину, говоритъ *му-кылдысинэ*. Что же касается того, что вотяки будто бы въ молитвахъ обращаются къ кылдысиновой матери, принимаемой г. Первухинымъ за Матерь Божію, то это, полагаемъ, ничто иное какъ неправильный переводъ божества му-кылдысинъ. Имя кылдысиновой матери въ молитвахъ вотяковъ, какъ намъ извѣстно, ни въ Глазовскомъ, ни Сарапульскомъ, ни въ Елабужскомъ уѣздахъ не упоминается. О Матери Божіей вотяки, за исключеніемъ грамотныхъ, никакого понятія не имѣютъ. Если же гдѣ и можно услышать, то это—переводъ мѣстныхъ священниковъ, усвоенный вотяками, но въ сущности они, вотяки, о Матери Божіей никакого яснаго представленія не имѣютъ. Г. Первухинъ причисляетъ къ божествамъ и Квазь, (вѣрнѣе куазь). Дѣйствительно ли признаютъ существованіе такого божества въ Глазовскомъ уѣздѣ, мы не знаемъ, но только въ Сарапульскомъ уѣздѣ его нѣтъ; въ Сарапульскомъ уѣздѣ это слово означаетъ собственно атмосферу, погоду. Такъ напримѣръ, говорятъ: *куазь жоба*—погода ненастна, *куазь дзяръ потэ*—разсвѣтаетъ. Далѣе авторъ говоритъ еще о приношеніи вотяками въ жертву куколъ и по этому поводу дѣлаетъ предположеніе, что въ глубокой древности вотяками приносились человѣческія жертвы. На сколько основательны такія умозаключенія мы, конечно, не зна-

емъ и отрицать ихъ не беремся. Приношеніе или, вѣрнѣе, отправленіе куколъ существуетъ и теперь и называется оно *Мујы келянъ Мынё келянъ* (проводы мујы, болѣзни. и проводы куколъ). Куклы эти провожаются не въ память предковъ, а по случаю извѣстныхъ болѣзней, о чемъ будетъ сказано ниже.

Мушуръ—Утьысъ отъ словъ: *му*—земля, полоса, *шур*—рѣчка, источникъ, *утьысъ*—хранитель, а отсюда—хранитель рѣчекъ и источниковъ, которыми орошаются нивы. Представленіе о немъ должно связываться съ представленіемъ о Межа-утьысь и Му-кылчинѣ, отъ которыхъ зависитъ урожай въ полѣ. При принесеніи жертвы Мушуръ-утьысю и Межа-утьысю на озими, во-время молитвы приносящій жертву зажигаетъ восковую свѣчку, сдѣланную имъ самимъ.

Му-кылчинъ (богъ или хранитель земли) живетъ въ нѣдрахъ земли. Отъ него зависитъ избавленіе растеній отъ червя, засухи и сорныхъ травъ. «Кто не приноситъ ему жертвы, у того урожай вообще бываетъ плохой», говорятъ вотяки.

Переносъ Воршуда изъ старой куалы въ новую. Воршудъ, по заведенному обычаю, у завьяловскихъ вотяковъ переносится обыкновенно въ Петровки. Если сынъ отъ отца ушелъ въ раздѣлъ и обзавелся на новомъ мѣстѣ хозяйствомъ, то, построивши куалу, считаетъ непремѣнною обязанностью перенести изъ куалы отца Воршудъ—родовое божество, какъ родительское благословеніе; для этого приглашаетъ отъ себя, такъ-называемаго, *тӧрэ*. Въ тӧрэ приглашается обыкновенно крестный отецъ съ женой, или, за неимѣніемъ его, ближайшій родственникъ, или же сосѣдъ. Этому тӧрэ хозяинъ новаго мѣста, т. е. желающій перенести Воршудъ отъ отца, вручаетъ цѣлый каравай хлѣба, яичный блинъ, или лепешку съ яицами, а женѣ его—бутылку съ кумышкой, иногда и пиво и онъ, тӧрэ, сопутствуемый своимъ пригласителемъ, отправляется въ старое мѣстожительство своего пригласителя, т. е. къ отцу его. Старикъ, отецъ отошедшаго въ раздѣлъ сына, съ своей стороны приглашаетъ особаго тӧрэ—кого-нибудь изъ родни съ женой.

Тӧрэ, приглашенный старикомъ, идетъ въ куалу съ женой прежде всѣхъ и садится за столъ, находящійся въ куалѣ, и ждетъ тамъ старика-хозяина. Когда тӧрэ старика ждетъ въ куалѣ при-

хода своего хозяина-пригласителя, последній беретъ цѣлый каравай хлѣба съ блиномъ, а жена его беретъ бутылку съ кумышкой и отправляются въ куалу; за ними идетъ и отошедшій въ раздѣлъ сынъ съ своимъ тӧрэ; при каждомъ изъ нихъ находятся жены. Мужчины обыкновенно идутъ впереди, а женщины—позади ихъ со своей кумышкой. Зашедши въ куалу, всѣ кланяются сидящему за столомъ стариковскому тӧрэ въ поясъ, какъ свидѣтелю совершенія обряда и посреднику между Воршудомъ и хозяиномъ. Старикъ подаетъ сидящему за столомъ своему тӧрэ каравай хлѣба съ блиномъ и этотъ, принявши хлѣбъ, обращается къ воображаемому Воршуду съ слѣдующими словами: Остэ, Воршудъ! вылъэ сьӧорамы бӧрысямы лыкъ, вождэсъ. Энъ вайэ пересьёсызъ (благослови, Воршудъ! иди за нами въ новое мѣсто; не гнѣвайтесь старики, умершіе, т. е. родоначальники старика). Потомъ, положивши хлѣбъ на столъ, принимаетъ таковой же съ руки другаго тӧрэ и обращается къ Воршуду такимъ же образомъ. Затѣмъ стариковскій тӧрэ хлѣбъ старика вручаетъ сыну его, а хлѣбъ сына—старику. Сынъ старика, принявши хлѣбъ, откалываетъ имѣющимся при немъ ножемъ щепку отъ висящей надъ очагомъ или огнищемъ куалы палки, на которой сдѣланы зарубки. Палка эта—шкрипъ (крюкъ), на который вѣшаютъ котелъ. Когда нужно что приготовить на спѣхъ, котелъ спускается на нижнюю зарубку, ближе къ огню, а если время терпитъ, то поднимаютъ выше, чтобы варилось исподволь. При откалываніи щепки произносятъ съ благоговѣніемъ просительныя слова, относящіяся къ Воршуду. Кромѣ щепки берутъ еще изъ очага куалы золу и таковую бросаютъ вмѣстѣ съ щепкой въ костеръ въ своей новой куалѣ. Послѣ вышеобъясненнаго обряда пьютъ въ куалѣ кумышку, которой угощаютъ женщины.

Перенесеніе золы изъ старой куалы въ новую напоминаетъ нѣсколько и обычаи русскихъ, которые, при переходѣ въ новый домъ или при переселеніи на новое мѣстожительство, берутъ изъ очага или изъ печи горсть золы и таковую сыплютъ въ очагъ или печь новаго дома.

Поклоненіе или обращеніе къ Воршуду у сарапульскихъ вотяковъ совершается почти вездѣ одинаково. Каждый разъ, т. е. въ каждое поклоненіе или обращеніе, бросается въ даръ огню въ очагъ куалы горбушка хлѣба, часть блина, отливается по нѣскольку ка-

нель кумышки и пива, а предъ этимъ непремѣнно даримой жертвой надъ огнемъ описывается кругъ три раза по солнцу. Это, какъ говорили мы прежде, остатки прежняго поклоненія огню.

Воршудъ у сарапульскихъ вотяковъ пользуется особеннымъ уваженіемъ, какъ виновникъ семейнаго счастія, и въ то же время какъ передающій благословеніе родоначальниковъ; не почитать его—значитъ подвергнуть себя несчастію. По словамъ сарапульскихъ вотяковъ, воршуды являлись многимъ на яву, о чемъ въ устной словесности ихъ существуютъ отдѣльные разсказы. Не одни воршуды, но и другія миѳическія существа являлись имъ на яву; подобные разсказы они утверждаютъ съ клятвой. Одинъ изъ разсказовъ о явленіи воршудовъ помѣщенъ нами ниже подъ заглавіемъ: «Явленіе воршудовъ»; другіе, какъ безсодержательные, въ настоящей книгѣ мы не помѣщаемъ, а вмѣсто ихъ скажемъ кое-что о причинахъ явленій не культурнымъ людямъ разныхъ миѳическихъ существъ. Извѣстно изъ произведеній народной словесности, что не только вотяки, но и всѣ народы, за исключеніемъ, конечно, людей культурныхъ и скептиковъ, вѣрятъ въ существованіе, такъ называемыхъ, миѳическихъ существъ. Возьмемъ для примѣра и русскихъ. Кто не слыхалъ отъ мужичка разсказъ его о видѣніяхъ лѣшихъ и водяныхъ чертей и проч. существъ! Видѣнія эти, если вы слыхали отъ самаго очевидца, онъ передастъ съ клятвой и божбой, стараясь васъ увѣрить всемѣрно, что разсказъ его не ложь, а сущая правда. Напримѣръ, лично намъ разсказывалъ крестьянинъ Слободскаго уѣзда Стуловской волости, Степанъ Кузнецовъ слѣдующее:

«Двое нашихъ, говоритъ онъ, рыбачили на рѣкѣ. Послѣ нѣсколькихъ тоней захотѣли порыбачить еще ниже, и для этой цѣли спустились на лодкѣ внизъ по теченію рѣки. Погода была отличная: на небѣ ни облачка, а въ воздухѣ не замѣтно было никакого вѣтра. Проплыть рыбаки должны были мимо небольшаго устья рѣчки, впадающей въ рѣку, а русло этой рѣчки въ устьѣ было около трехъ саженей, считая отъ одного берега до другаго. Подплывая къ устью, рыбаки вдругъ увидѣли стоящаго на самомъ устьѣ огромнаго человѣка, одна нога котораго была на одномъ берегу, другая—на другомъ. Рыбаки обезумѣли отъ страха, тѣмъ болѣе что лодку водой сильно несло къ устью. Но одинъ, опомнившись,

поднялъ весло и сказалъ: «кто тутъ стоитъ? какъ ударю по.... (нескромное выраженіе) долгимъ веслищемъ—протянешь ноги.» Стоящій при этомъ громко захохоталъ и пошелъ, повторяя нескромныя слова рыбака, къ лѣсу, а за нимъ поднялся сильный вѣтеръ... Рыбаки, оставивъ и сѣти, и рыбу, удрали домой. Это, сказали рыбаки, лѣшій.

О видѣніи лѣшаго передавалъ намъ лично съ божбой и клятвой и мелочникъ—торговецъ Владимірской губерніи Вязниковскаго уѣзда, жительствующій на Клязьмѣ, Григорій Тимоѳеевъ Титовъ и многіе другіе изъ русскихъ, не говоря уже о вотякахъ. Также утверждалъ намъ съ клятвой и русскій крестьянинъ дер. Каисыгурта, Сосновской волости, Сарапульскаго уѣзда, Василій Пантюхинъ, что онъ видѣлъ своими глазами, какъ на мельничномъ колесѣ расчесывалъ волосы водяной. Такихъ разсказовъ нами слышано нѣсколько, но всѣ помѣщать считаемъ лишнимъ, такъ какъ они, во первыхъ, не будутъ сами по себѣ интересны, а, во вторыхъ, отвлекутъ насъ отъ прямой нашей задачи. Повѣримъ и мы мужику, что онъ видѣлъ, напримѣръ, лѣшаго или водяного и будемъ изыскивать причины происхожденія такихъ видѣній. Что же это такое за явленіе, представляющееся некультурному мужику на яву, а культурному, особенно скептику, кажущееся невозможнымъ. Это, по нашему мнѣнію, обманъ зрѣнія, обусловливающійся особенной силой, подобной въ нѣкоторомъ отношеніи месмеризму. Передавая свои видѣнія съ клятвой, видѣвшій говоритъ, что передъ явленіемъ привидѣнія онъ думалъ о немъ и при этомъ овладѣвалъ имъ страхъ.

Привидѣнія бываютъ еще отъ другихъ причинъ: отъ разстройства въ мозгу, напримѣръ, въ припадкѣ бѣлой горячки, когда глазамъ больного представляются различныя видѣнія; затѣмъ отъ явленій природы, обусловливающихся законами физики и называемыхъ миражами. Причина миражей или атмосферныхъ явленій наукой уже разъяснена: миражъ есть отраженье изображенія какого нибудь предмета на противоположной сторонѣ; миражъ происходитъ отъ неправильнаго преломленія и отраженія свѣтовыхъ лучей. Но само собою разумѣется, что видѣніе сусѣдка (домоваго) на печи или въ подпольѣ никакимъ образомъ не можетъ быть причислено къ атмосфернымъ явленіямъ—миражамъ. Здѣсь причина заключается въ особой силѣ воображенія, которое, повторяемъ, дѣйствуетъ на зрѣ-

ніе какъ магнетизеръ. Явленія эти чаще происходятъ по волѣ воображенія подъ вліяніемъ страха и болѣзни. Вѣдь и пословица говоритъ: у страха глаза велики. Отъ страха и пень человѣку кажется медвѣдемъ, и вихрь съ пылью летитъ. Но это въ сторону! Явленія привидѣній отрицать нельзя: они есть и возможны, но случайныя возможны только для тѣхъ, кто обладаетъ особенной силой или даромъ видѣнія. Къ такимъ нельзя причислить зрителей на сеансахъ, которымъ, по дѣйствію медіума, являются вызванныя призраки, при видѣ которыхъ и скептики увлекаются въ спиритизмъ.

Жертвоприношенія. Обряды жертвоприношеній (общихъ и частныхъ) у завьяловскихъ вотяковъ, въ сравненіи съ обрядами жертвоприношеній другихъ вотяковъ, представляютъ для насъ еще много новаго, и эта новизна ихъ побуждаетъ насъ описать хотя вкратцѣ одно изъ такихъ жертвоприношеній.

Первое и самое главное жертвоприношеніе у завьяловскихъ вотяковъ совершается на Троицкой недѣлѣ. Для этого прежде всего собираютъ съ домохозяевъ деньги на покупку животныхъ для жертвы: коровы-петели, двухлѣтняго быка, барана, овцы, гуся, двухъ утокъ. Мѣстомъ жертвоприношенія служитъ обыкновенно старое, гдѣ прежде уже совершалось такое жертвоприношеніе; оно находится въ сторонѣ отъ селенія, въ лѣсу. Туда идутъ всѣ—и старый, и малый обоего пола.

Когда варится жертва, жрецъ стоитъ передъ елью въ шапкѣ, съ березовой вѣткой въ правой рукѣ и говоритъ, между прочимъ, такія слова: Остэ, Инмарэ Кылчинэ! Тыныдъ возьматэкъ умъ сіськэ, умъ юиськэ. Остэ, Инмарэ! тани югытъ камышъ куроэнъ сётъ ю; сётъ мылемъ шудъ-буръ. Остэ, Инмарэ! культо вылысь культо пуксьы мопъ, чумолё-вӧзысь чумолё люкаиы, кабанъ-вӧзысь кабанъ... дэлекэтсэ—берэкэтсэ... пудоэнъ—животэнъ... юэнъ-нянєнъ комырласянъ улмонъ-вылмонъ. Остэ, вылысь югытъ дуньеэ! Молитва эта въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: Благослови, Господи, Ангелъ! не показавши Тебѣ, ничего мы не ѣдимъ, не пьемъ. Благослови, Господи! дай хлѣбъ со свѣтло-камышевой соломой; дай намъ счастья. Благослови, Господи! чтобы возлѣ споповъ стояли снопы, возлѣ копенъ (сѣна) копны собирались, возлѣ скирдъ (хлѣба) стояли бы скирды... спорность, сытость хлѣбу дай... кругомъ жить

довольными скотиной—животиной, хлѣбомъ—житомъ. Благослови, вышній, бѣлый свѣтъ!«Молитва жреца часто прерывается паденьемъ на колѣна и вставаньемъ; по примѣру жреца падаютъ на колѣна и встаютъ и прочіе. Въ это время женщины угощаютъ его кумышкой.

Прежде всего на жертву колютъ утку. Сварятъ и съѣдятъ ее, начиная съ жреца; затѣмъ колютъ телку, потомъ быка, за быкомъ барана, овцу, гуся, наконецъ, еще утку. Впрочемъ, такой порядокъ соблюдается не строго. Каждое животное варится особо въ томъ же котлѣ, гдѣ было сварено первое, но для каждаго животнаго кладется особый костеръ въ одной линіи, направленной къ востоку, причемъ оставляютъ въ промежуткѣ пространство около одной сажени: такъ, напримѣръ, если сварена утка, для другаго животнаго (телки или коровы-нетели) костеръ кладется особый чрезъ одну сажень: послѣ этого животнаго опять кладется костеръ чрезъ одну сажень и т. д. Для каждаго животнаго, повторяемъ, кладется особый костеръ, и, такимъ образомъ, образуется въ одномъ направленіи семь костровъ по числу семи животныхъ. Щи и мясо ѣдятъ всѣ, участвующіе въ жертвоприношеніи,—мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами. Когда будетъ съѣдена послѣдняя жертва (утка), кости всѣхъ животныхъ, принесенныхъ въ жертву, кладутъ въ лукошко; на кости стелятъ бѣлый холщевый лоскутокъ и на этотъ лоскутокъ жрецъ кладетъ какую-нибудь мѣдную монету (очень рѣдко серебряную) и лукошко съ костями принесенныхъ въ жертву животныхъ несутъ трое въ глубь лѣса, примѣрно на пятьдесятъ саженъ отъ мѣста жертвоприношенія, съ пѣснями

Кій... яй... дыръ... кари... югъ... кая... югъ.

Лукошко это съ костями оставляется въ лѣсу повѣшеннымъ на суку ели; но какіе обряды совершаются въ лѣсу унесшими кости, для насъ остается неизвѣстнымъ. Когда эти послѣдніе возвращаются, трое мужиковъ идутъ къ нимъ навстрѣчу съ такими же пѣснями, останавливаясь на каждой сажени до трехъ разъ и падая на колѣна; такъ, напримѣръ, отошедши отъ мѣста жертвоприношенія одну сажень, падаютъ на колѣна: потомъ, вставши, идутъ опять и опять же чрезъ одну сажень падаютъ на колѣна. Такъ повторяется, какъ сказали уже мы выше, до трехъ разъ. Другіе между тѣмъ, заняты разговорами. Молодежь, не обращая внима-

нія на старшихъ, проводитъ время въ игрѣ, въ гимнастическихъ упражненіяхъ.

Встрѣтившись съ унесшими кости, идущіе къ нимъ навстрѣчу спрашиваютъ:

— Ну, какъ провожали?

— Хорошо,—отвѣчаютъ тѣ.

— Что сказали?

— Говорили, что будемъ жить хорошо.

Тѣмъ моленье и оканчивается.

У завьяловскихъ вотяковъ жрецы стоятъ съ березовой вѣтвью и падаютъ на колѣна, между тѣмъ въ Сосновскомъ краѣ вмѣсто березовой вѣтви служитъ вѣтвь хвойнаго дерева—ели и жрецы на землю падаютъ только въ исключительныхъ случаяхъ, —въ этомъ главная разница обрядовъ тѣхъ и другихъ. Костры здѣсь кладутъ въ одномъ направленіи, особо для каждаго животнаго, а въ другихъ мѣстахъ это не соблюдается. Наконецъ, здѣсь кости уносятся въ лукошкѣ въ лѣсъ и остаются повѣшенными на деревѣ, а въ другихъ мѣстахъ кости сожигаются или зарываются въ землю.

Кереметища. Мѣсто жертвоприношенія этому миѳическому существу избрано съ давнихъ поръ, въ полѣ, гдѣ стоитъ береза или хвойное дерево, напримѣръ, ель, сосна. Для жертвы пріобрѣтается на собранныя деньги (около 3 коп. съ дому) баранъ или ягненокъ. Для совершенія обряда жертвоприношенія выбирается главный жрецъ, помощникъ ему и еще какой-то помощникъ. Въ жрецы избираются обыкновенно изъ обладающихъ даромъ слова, чтобы онъ могъ говорить молитвы—импровизаціи безъ запинки, какъ стихи. При обрядѣ этомъ женскій полъ не допускается. Жрецы и пришедшіе для принесенія жертвы должны быть въ бѣлыхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ сукманахъ и непремѣнно въ лаптяхъ. Жрецъ во время молитвы предъ деревомъ стоитъ безъ шапки, также и прочіе, участвующіе въ жертвоприношеніи, стоятъ съ обнаженными головами. Принадлежности жертвы блины или лепешки, кварпянь, т. е. сочни, числомъ около 6. Съ мясомъ-бараниной варятъ не щи, а кашу, которую ѣдятъ съ масломъ. Кумышкой угощаютъ другъ друга мужчины, начиная съ жрецовъ. Кости жертвы уносятся въ лѣсъ такимъ же способомъ, какъ и въ предъидущемъ описаніи.

Жертвоприношеніе совершается въ ночь на Петровъ день (29-го іюня) не всѣми домохозяевами, а только обществомъ человѣкъ въ 30.

Вууллань вӧсянъ—жертва приносимая по указанію ворожца, вслѣдствіе болѣзни кого-нибудь изъ семейныхъ. Вѣря въ прорицаніе ворожца, въ случаѣ болѣзни обращаются съ вопросомъ—куда-де надо принести жертву въ отвращеніе болѣзни? Ворожецъ говоритъ, что надо принести внизъ по теченію воды (ву—вода, уллань внизъ, вӧсянъ—приношеніе жертвы); при этомъ ворожецъ говоритъ, что надо принести утку. Вслѣдствіе этого хозяинъ дома, преимущественно отецъ, отправляется съ уткой на мельницу и закалываетъ ее тамъ предъ мельницей: потомъ, отеребивъ перья, тутъ же оставляетъ ихъ и, пришедши домой (обыкновенно это происходитъ ночью), варитъ утку, которую ѣдятъ всей семьей за общимъ столомъ. Всѣ кости уносятъ на то мѣсто, гдѣ была заколота утка и оставлены перья. Это жертвоприношеніе завьяловскихъ вотяковъ напоминаетъ жертвоприношеніе сосновскихъ, подъ названіемъ *пычкось* и *улланьэ вӧсянъ* (божеству Акташу и умершимъ *).

Виро (отъ слова виръ—кровь). Подъ этимъ названіемъ у Завьяловскихъ вотяковъ приносится жертва въ куалѣ за здоровье рождающихся ягнятъ и въ предотвращенье волковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносится въ конюшнѣ за здоровье всего скота. Въ случаѣ нездоровья скота Завьяловскіе вотяки приносятъ въ жертву двухъ равныхъ величиной щукъ по указанію ворожца и ѣдятъ ихъ всей семьей въ шалашѣ, а кости зарываются въ скотскій навозъ въ конюшнѣ. Жертвоприношеніе это называется *чорыгъ мыжъ*. У Сосновскихъ вотяковъ подъ наименованіемъ чорыгъ мыжъ приносится рыбная жертва за новорожденныхъ и страдающихъ глазною болѣзнію и поносомъ дѣтей. Виро значитъ еще частные поминки по умершимъ. Поминки эти совершаются, вѣроятно, въ предотвращенье гнѣва умершихъ стариковъ и старухъ, особенно тѣхъ, которымъ въ послѣднія времена земной жизни не воздавали должнаго почтенія. Кому оказываютъ почтеніе по достоинству, тотъ на смертномъ одрѣ прощается съ семейными по христіански, говоря имъ:

*) См. Записки И. Р. Г. О. по отд. этногр., т. XIV вып. 2, Вотяки Сосновскаго края, 1886 г., стр. 89 и 208.

«живите между собой въ мирѣ, согласіи, не ссорьтесь: похороните меня какъ слѣдуетъ, поминайте...» Если же, напротивъ, какого нибудь, напримѣръ, старика не почитали, кормили его плохо, издѣвались надъ нимъ, то онъ на смертномъ одрѣ свою жалобу на нихъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «вы меня держали какъ собаку, ненавидѣли меня, только и ждали моей смерти, вотъ наступаетъ и смерть моя; я вамъ уже не помѣшаю. Пусть на васъ пойдутъ несчастія за несчастіями, бѣды за бѣдами»... Но такія жалобы умирающихъ не часты. Понятно, что если послѣ смерти такихъ недоброжелателей, не исполняющихъ при смертномъ часѣ долга воспрощенія, постигаетъ живыхъ какое нибудь несчастье, то все это приписывается мести умершихъ, могущихъ, по понятіямъ инородцевъ, вредно повліять на благосостояніе живыхъ. Вотъ это-то и заставляетъ вотяка устраивать по такимъ и всѣмъ вообще умершимъ поминки и, такъ называемые, виро (частные поминки), чтобы укротить гнѣвъ загробныхъ жителей. Вотяки вѣрятъ, что души умершихъ могутъ возвращаться и входить въ сношеніе съ живыми.

Подъ названіемъ виро, какъ мы замѣтили уже выше, должно разумѣть частное жертвоприношеніе, когда, по вотскому обычаю, за каждую умершую старуху приносится въ жертву корова, а за старика—конь, но обычай давать мущинѣ коня уже плохо соблюдается, а причиной этому—отвращенье къ кониннѣ. Поминки справляются обыкновенно два раза въ году—весной и осенью и называются *кисьтонъ* (возліяніе). Это названіе, впрочемъ, дано только части обряда, когда въ коробку отливается кумышка и пиво, о чемъ будетъ сказано ниже. Съ такимъ обрядомъ связывается еще такъ называемый *джӧкъ пумынъ чӧлсконъ* или обрядъ у стола.

Поминки по умершимъ у вотяковъ Сарапульскаго уѣзда совершаются чрезъ 3, 7 и 40 дней и, наконецъ, чрезъ годъ послѣ смерти. Это—поминки по одномъ умершемъ, а ежегодные поминки, какъ мы сказали уже выше, устраиваются по всѣмъ умершимъ весной и осенью. Вотяки племени *Пуръи* ежегодные поминки отправляютъ передъ Пасхой и днемъ Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября). Говорятъ они, что поминать усопшихъ отцовъ и братій по вотскому обычаю нужно непремѣнно передъ этими праздниками.

Если на частныхъ поминкахъ по женщинѣ приносится корова,

то она не должна имѣть никакихъ природныхъ недостатковъ, именно: рога должны быть цѣлы, соски на вымени всѣ и т. д. Всѣ приготовленія къ поминкамъ и обряды самыхъ поминокъ заключаются въ слѣдующемъ: хозяинъ зажигаетъ предъ иконой восковую свѣчку и приглашаетъ семейныхъ стать на молитву, которая и совершается по христіански, т. е. молящіеся крестятся, кладутъ поясные и земные поклоны. Послѣ такой молитвы хозяинъ съ семейными мужскаго пола идетъ въ хлѣвъ и тамъ закалываютъ обреченную на жертву корову и кровь (виръ) выцѣживаютъ въ особую посудину, которую, т. е. кровь, потомъ и уносятъ вмѣстѣ съ костями на *лыкуянъ* (лы—кости, куянъ—бросаніе, т. е. мѣсто бросанія костей), гдѣ прежде бросались такія кости. Между тѣмъ какъ варится мясо, приглашаются близкіе сосѣди и родственники, и они идутъ на такіе поминки съ своей кумышкой, а если есть у кого какія нибудь настряпанныя кушанья и пиво, то берутъ и ихъ, а мужчины сверхъ этого берутъ съ собой по огарку восковыхъ свѣчей. Когда соберутся всѣ гости, совершается обрядъ *джӧкъ пумынъ чӧлсконъ кисьтонъ*, который состоитъ въ томъ, что на краю стола зажигается восковая свѣчка, а на полъ подъ свѣчку ставится какая нибудь посудина, напримѣръ, горшокъ, буракъ или что нибудь другое т. п. Въ эту посудину каждая пришедшая на поминки женщина кладетъ по небольшой частичкѣ отъ своей стряпни, отливаетъ (лить—кисьтыны, отливанье—*кисьтонъ*) по нѣскольку капель кумышки и пива, выражая при этомъ умершему благожеланія. Когда такое приношеніе (джӧкъ пумынъ чӧлсконъ и кисьтонъ) будетъ сдѣлано памяти умершей, хозяинъ выноситъ посудину во дворъ и ставитъ ее на столбъ, а гдѣ и просто на землю, и все съѣстное растаскивается или птицами, или же собаками. Ставя посудину на возвышенное мѣсто или на землю, хозяинъ говоритъ: это—тебѣ (умершей или умершему), не суди насъ, т. е. извини. Такіе поминки напоминаютъ поминки некрещенныхъ чувашъ Симбирской губерніи во 2 половинѣ XVII вѣка *). Приношеніе жертвы умершему, которую расклевываютъ птицы или съѣдаютъ собаки, приводитъ насъ къ заключенію, что въ древнія времена вотяки вѣрили въ переселеніе душъ въ животныхъ. Но какое символическое

*) См. Извѣстія И. Р. Г. О. т. XX, стр. 276.

значеніе имѣетъ при такомъ обрядѣ восковая свѣчка, это остается неразъясненнымъ. Можетъ быть, этотъ обычай новый, перенятъ изъ обряда православной церкви, въ которой во время панихидъ по умершимъ при кутьѣ ставится свѣчка. Нынѣ вотяки поминки совершаютъ и по обрядамъ православной церкви, въ установленные для этого дни.

Послѣ вышеописаннаго обряда, когда сварится мясо, ядeніемъ котораго желаютъ почтить умершаго и когда столъ будетъ накрытъ, каждый мужчина, приглашенный на поминки, ставитъ принесенный огарокъ восковой свѣчки предъ икону и начинается общая молитва за умершаго, сопровождаемая поясными и земными поклонами, причемъ выражаются различныя благожеланія въ слѣдующихъ словахъ: «живи на томъ свѣтѣ хорошо, мирно съ отошедшими въ вѣчность. Пусть на лицѣ твоемъ земля будетъ легка»... Просятъ умершаго, чтобы онъ не мстилъ живымъ на землѣ. Послѣ такой молитвы садятся за столъ—мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, а, по окончаніи трапезы, кости кладутъ въ лукошко и, положивши на нихъ одну или нѣсколько мелкихъ мѣдныхъ монетъ, относятъ ихъ вмѣстѣ съ кровью на лыкуянъ. Это значитъ виро, отъ слова виръ—кровь, которую въ сыромъ видѣ уносятъ на лыкуянъ съ костями.

Разсказываютъ вотяки, что вскорѣ послѣ выбрасыванья костей на лыкуянъ тамъ являются привидѣнія въ образѣ четвероногихъ звѣрей въ родѣ волковъ, и они говорятъ между собой: «лулыдъкэ жалъ, татцы энъ лыкты, лулыдъкэ ӧвӧлъ жаль-лыкты». Русскій переводъ: если души своей жалко, не ходи сюда, если же не жалко—ходи.

Сизъконъ. (обѣщаніе) Это—не самая жертва, а обѣщаніе таковой въ случаѣ болѣзни кого нибудь изъ семейныхъ или скота; также по случаю какого нибудь несчастія въ семьѣ или въ предотвращенье таковаго. Въ такихъ случаяхъ некультурнаго вотяка невольно влечетъ къ ворожцу съ просьбой наставить его и научить, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ? что нужно принести въ жертву? Ворожецъ, погадавши, сказываетъ, что нужно принести, и тогда обѣщается жертва, которая приносится уже послѣ.

Дары Нюлэсъ—Мурту. Вотяки вѣрятъ (впрочемъ, повѣрье это существуетъ и у русскихъ), что всѣ звѣри и птицы лѣсные нахо-

дятся въ завѣдываніи у лѣшаго, поэтому охотники - стрѣлки, чтобы лѣшій далъ имъ дичь, бросаютъ ему въ даръ лепешки, каши, а иные приносятъ въ жертву и утокъ.

Дары кутысю. Въ прежде изданныхъ нашихъ статьяхъ мы говорили о Кутысѣ *), присутствующемъ, по повѣрью вотяковъ, при ключахъ и другихъ мелкихъ источникахъ, который насылаетъ-де на людей болѣзни въ видѣ коросты.

Завьяловскіе вотяки Кутысей представляютъ живущими еще при болотахъ и логахъ. Такъ, напримѣръ, вблизи Завьялова, находится такое мѣсто, гдѣ, по словамъ жителей-инородцевъ, находится злѣйшій изъ всѣхъ Кутысей. Мѣсто обиталища его называется *Куалялюли.* Такое названіе дано вѣроятно оттого, что это мѣсто изобилуетъ мелкими раковинками, содержащими въ себѣ мягкотѣлыхъ животныхъ въ родѣ слизней, которые и называются мѣстными жителями-инородцами «куаля-люли». Это мѣсто находится въ нѣсколькихъ саженяхъ рѣчки, въ коей водятся пискари, усачи, мольки, кусачи и прочая т. п. рыба мелкой породы. Присутствующему на означенномъ мѣстѣ кутысю бросаютъ яицъ, крупы и проч. Пріѣзжаютъ для принесенія такой жертвы и изъ другихъ деревень. Бросая дары кутысю, говорятъ: энъ черты, энъ мыжты. Перевести это мы затрудняемся, такъ какъ слово мыжъ не могли перевести и сами мѣстные жители. Бросаніе такихъ даровъ называется *куяськонъ.* Кто одержимъ чесоткой, тотъ, полагая что болѣзнь наслана кутысемъ, обитающимъ на мѣстѣ куаля-люли, идетъ туда съ живой курицей и закалываетъ ее тамъ, оставляя кровь въ жертву. Пришедши домой, поручаетъ женщинамъ сварить курицу и, сваривши таковую, ѣдятъ всей семьей, а перья и кости самъ зарѣзавшій уноситъ обратно туда же, гдѣ была заколота курица и оставляетъ съ такими же словами, какія приведены нами выше. Къ этому не лишнимъ считаемъ привести свои замѣтки и мнѣнія о мѣстѣ куаля-люли. Вотяки, проходя мимо этого мѣста босикомъ во время рыбачества холщевой недаткой (рыболовная снать изъ рѣдкаго холста въ родѣ бредня), испытываютъ зудъ въ ногахъ, а нерѣдко и въ прочихъ частяхъ тѣла и это приписываютъ продѣлкамъ кутыся. Это объясняется тѣмъ, что изъ болота исходятъ

*) Кутысь соотвѣтствуетъ черемискому *Бодошъ.*

вредныя испаренія, а грязь, содержащая въ себѣ разложившихся животныхъ и растительныя вещества, дѣйствуетъ на кожу раздражающимъ образомъ, отчего происходитъ въ кожѣ зудъ или чесотка.

Дары умершихъ. Души умершихъ, по повѣрью инородцевъ, присутствуютъ иногда при изгородяхъ, возлѣ которыхъ проходитъ дорога и при полевыхъ воротахъ. Это—остатки древняго язычества, напоминающіе повѣрье русскихъ о душахъ, присутствующихъ на перекресткахъ дорогъ. Такія вѣрованья уже поглощаются христіанствомъ быстро, но все таки существуютъ еще и до сихъ поръ соблюдаются обычаи и примѣты, относящіеся къ такому вѣрованью, но, большею частью, они соблюдаются безсознательно и на всѣ вопросы— почему они это дѣлаютъ? говорятъ: такъ дѣлали старики. Исполняя такой обычай, завьяловскіе вотяки при отправленіи на свадьбу (сюанъ) и въ гости по приглашенію берутъ съ собой куски хлѣба и бросаютъ ихъ къ воротамъ или прясламъ (изгородямъ), со словами: остэ, кулэмъёсъ! Энъ чертэ, энъ мыжтэ (благословите, умершіе......... *) Это, говорятъ, даръ умершимъ, чтобы они не сдѣлали чего вреднаго для людей и скота. Умершій, говорятъ нѣкоторые, можетъ даже съѣсть человѣка, такъ что и костей не оставитъ. Это, вѣроятно, основано на повѣріи объ Убирѣ, соотвѣтствующемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, вампиру.

Пель сіонъ (ядѣніе ушей) Обычай этотъ совершается у племени Пупъи, въ Шарканской волости, и исполняется въ предотвращеніе пожаровъ и болѣзни. Пельсіонъ почти то же, что и описанные уже нами Урвесь и Чокмаръ, **) но пельсіонъ, отправляется иначе, причиной чему, полагаемъ, племенныя различія вотяковъ.

Вотъ какъ отправляется Пельсіонъ у вотяковъ племени Пупъи.

На недѣлѣ Рождества Христова несовершеннолѣтнія дѣти собираютъ говядину, ходя толпою по домамъ и покрикивая: пель!!! пель!!! (ухо!!! ухо!!!) Этимъ они даютъ знать, что собираютъ

---

*) Слова: энъ чертэ, энъ мыжтэ, кажется, въ переводѣ на русскій языкъ значатъ «не пашлите на насъ болѣзни».

**) Записки И. Р. Г. О. по отд. эт. т. XIV. вып. 2, Вотяки Сосновскаго края 1886 г., стр. 61 и 62.

только уши или небольшіе куски величиной съ ухо, а не требуютъ большихъ подачекъ, слѣдовательно, отказать въ такомъ кускѣ, значитъ, клеймить себя прозвищемъ скупца; но если кто и отказываетъ за неимѣніемъ и мальчики назовутъ его скупцомъ, отказавшій не принимаетъ этого въ обиду, а, напротивъ, улыбается отъ удовольствія, что сконфузилъ мальчишекъ, не подавши имъ просимаго, и ушли они не солоно хлѣбавши. Случается, что иной и подастъ мальчишкамъ ухо или, вмѣсто уха, кусокъ величиной съ ухо коровы, но мальчишки не принимаютъ: стоитъ ли-де принимать такія крошки! Но какъ бы то ни было, а говядины насбирывается довольно; если же не такъ—мальчишки могутъ и украсть у кого нибудь небольшой кусокъ и это не вмѣняется въ вину. Все это потомъ идетъ въ общую трапезу. Когда говядина будетъ собрана, берутъ еще крупы, соли, котелокъ, чайникъ для согрѣванія кумышки, которую тоже собираютъ въ деревянную флягу, и наконецъ дрова; сверхъ всего этого каждый мальчикъ беретъ ложку и кусокъ сахару для подслащиванія кумышки. Провизію и дрова кладутъ въ корытообразныя съ полозьями лубянки и приглашаютъ съ собой какого нибудь старика изъ деревни. И вся эта компанія изъ мальчишекъ во главѣ со старикомъ отправляется въ ближайшій лѣсокъ для совершенія обряда. Пришедши на мѣсто, складываютъ костеръ, варятъ кашу съ говядиной и грѣютъ въ чайникѣ кумышку, подслащивая ее сахаромъ и угощаютъ старика. Старикъ, принимая роль жреца, становится лицомъ къ ели и, между прочимъ, говоритъ: остэ, остэ, Козма... сябась... Такія слова повторяются до тѣхъ поръ, пока не угостилъ послѣдній мальчикъ. Послѣ этого пьютъ кумышку и мальчики. Между тѣмъ какъ варится каша, мальчики играютъ, а старикъ смотритъ за ними, чтобы не было между ними драки.

Кашу ѣдятъ всѣ за общимъ столомъ, устроеннымъ изъ древесныхъ вѣтвей; допиваютъ остальную кумышку, а котелокъ и проч. кладутъ въ одну лубянку, въ другую же садится старикъ, приказывая мальчикамъ *везти* его. Мальчики охотно исполняютъ его требованіе, тѣмъ болѣе что это доставляетъ имъ удовольствіе, какъ дѣтская игра. Старика *везутъ* они при звонкихъ крикахъ и смѣхѣ, изображая собой коней и ямщиковъ, а старика воображая бариномъ, сидящимъ въ кибиткѣ. Одни говорятъ, что это—становой, другіе—исправникъ и т. д. Такъ какъ приходятъ домой уже вечеромъ,

то тогда же, по возвращеніи, не расходясь по домамъ, мальчики берутъ по палочкѣ и начинается обрядъ *изгнанія Чера* (болѣзни) и это совершается слѣдующимъ образомъ: мальчики заходятъ въ каждый домъ и стучатъ въ каждомъ изъ нихъ палками, ударяя ими въ полъ, въ стѣны и проч., и выходятъ съ визгомъ, крикомъ, какъ будто преслѣдуютъ воплощенную болѣзнь, выгоняя ее изъ избы каждаго домохозяина. Когда обойдутъ такимъ образомъ всѣ дома, идутъ за деревню, гдѣ протекаетъ рѣчка, и палки бросаютъ внизъ по теченію рѣчки, говоря: сизьымъ шуръ јылэ, сизьымъ гурезь јылэ, сизьымъ лудъ јылэ медъ кошкозъ Черъ (чтобы болѣзнь (Черъ) ушла за семь рѣчекъ, за семь горъ, за семь полей). Такой обрядъ изгнанія называютъ они *Урвесь*, а ядевіе въ лѣсу каши и говядины — *пель сіонъ*, ядевіе ушей (*пель*—ухо, уши, *сіон*—ядевіе, ѣда). Пель сіонъ отправляется, говорятъ, въ предотвращенье пожаровъ.

Слово Козмы мы принимаемъ за имя собственное потому, что оно, по нашему мнѣнію, означаетъ какое-то древнее божество. Въ Глазовскомъ уѣздѣ существуетъ слово «козмы», означающее глаголъ повелительнаго наклоненія «благослови» и тамъ же это слово у иныхъ имѣетъ шуточное значеніе. Хотя глазовскіе и говорятъ, что оно въ переводѣ на русскій языкъ значитъ благослови, но употребленіе этого слова при словѣ *остэ*, означающемъ тоже благослови, вызываетъ недоумѣніе: дѣйствительно ли оно значитъ благослови? Скорѣе и вѣрнѣе это имя древняго языческаго божества, представленіе о которомъ связано съ огнемъ.

Вылъ вöсь (высшее жертвоприношеніе). Это жертвоприношеніе совершается отъ имени молодыхъ супруговъ, преимущественно молодой, въ первый разъ послѣ бракосочетанія. Совершая отъ имени молодыхъ жертвоприношеніе, жрецъ *куа понъ* проситъ имъ отъ божества Инву счастіе и мира, и согласія въ будущей семейной жизни, чтобы они, молодые супруги, жили въ довольствѣ, были бы у нихъ дѣти, велась бы скотина... Самая жертва приносится въ шалашѣ, находящемся гдѣ нибудь въ полѣ, осенью или весной, болѣе же осенью, которая считается для этого временемъ удобнымъ въ томъ отношеніи, что осенью для жертвы удобнѣе найдти животныхъ. Для принесенія въ жертву животныхъ приглашается вышеупомянутый жрецъ куа понъ, который безсмѣнно отправляетъ

свою службу въ этомъ шалашѣ до своей смерти. Но должно замѣтить, что родъ животныхъ для принесенія въ жертву опредѣленъ для каждаго племени особый еще, говорятъ, въ глубокую старину; такъ, напримѣръ, у племени Пупъи приносятъ двухъ тёлокъ, а у племени Бöня —телку да жеребчика и къ этимъ животнымъ присоединяются еще двѣ утки. Наканунѣ жертвоприношенія молодые супруги считаютъ обязанностію сходить въ баню, чтобы тѣло ко времени жертвоприношенія было чисто. Молодая готовитъ стряпню, кумышки лучшей, а молодой приглашаетъ къ обряду знакомыхъ и родню своего племени, которые охотнѣе идутъ на такое приглашеніе потому, что, по обычаю, молодая должна ихъ угощать лучшей кумышкой, какой не бываетъ при другихъ обрядностяхъ. Супруги въ шалашъ идутъ въ лучшей одеждѣ и даже въ такой, которую еще не надѣвали, такъ какъ жертва ими или за нихъ приносится еще въ первый разъ: это, по повѣрью, угодно воображаемому божеству, а чистота, равно и красота одежды и вообще блистательное отправленье обряда хорошо отзовется на будущей семейной жизни супруговъ. У племени Пупъи этотъ обрядъ совершается такимъ образомъ: молодые, пригласивши жреца куа попъ, уводятъ на мѣсто жертвоприношенія, т. е. въ шалашъ куа, посвященный богу Инву (ин—небо, ву—вода, т. е. небесная вода) двухъ телятъ и двухъ утокъ, и просятъ приглашенныхъ гостей заколоть этихъ животныхъ. Приглашенные, исполняя просьбу ихъ, закалываютъ ихъ и приготовивши все нужное, изрѣзавши въ куски животныхъ, варятъ въ котлѣ, начиная съ утки. Во время варки утки приглашенный жрецъ куа-попъ стоитъ въ шапкѣ съ древесной вѣтвью въ рукѣ и между прочимъ говоритъ: остэ куа инэ-вуэ (вмѣсто инвуэ) тань Аннаэдъ (имя молодой) Кузъяськэмъ палъ яськэмъ, вылъ вöсьсэ вöсъ; небытъ пяськытъ медъ луозъ, коштыръ пыльнъ-пiэнъ, пудоэнъ животэнъ юэнъ-нянепъ... (благослови инву куалы! вотъ Анна твоя сочеталась бракомъ—и приноситъ высшее жертвоприношеніе: жила бы она мягко (должно разумѣть богато), кругомъ была бы довольна и дѣтьми, и скотиной, и хлѣбомъ).

Во время такой молитвы молодая угощаетъ жреца кумышкой. По съѣденіи утки варятъ телку, въ третій разъ телку же и, наконецъ, еще утку и каждая изъ этихъ жертвъ сопровождается прошеніемъ жреца дать молодымъ счастіе въ семейной жизни.

Жертвоприношеніе вылъ-вӧсь продолжается въ куалѣ цѣлый день и, по мѣстнымъ вѣрованіямъ, оно лучшее изъ всѣхъ жертвоприношеній и празднествъ, такъ какъ на отправленіе такого обряда молодые супруги не жалѣютъ ни лучшихъ яствъ, ни лучшей кумышки, какъ и русскіе во время свадебнаго пира.

На другой день молодые опять готовятъ угощенье и молодой приглашаетъ въ домъ свой жреца и родственниковъ и опять здѣсь, въ домѣ, совершается подобный же обрядъ и гости угощаются блистательнымъ образомъ.

Молодая считаетъ обязанностью подарить за совершеніе обряда прошенія счастія жрецу нѣсколько аршинъ холста или т. п. Слѣдуетъ замѣтить еще, что первая и послѣдняя жертвы, при которыхъ приносятся утки, носятъ различныя названья: приношеніе первой утки называется *азъ вӧсь* (начальная жертва), а приношеніе послѣдней, т. е. послѣ телокъ, называется *бэръ вӧсь* (послѣдняя жертва).

Различные обряды и обычаи.

Проводы новобранца. «Не желаешь ли, Г. Е., посмотрѣть на проводы новобранца? Скоро, должно быть, уже проводятъ его». Такъ обратился ко мнѣ помощникъ писаря завьяловскаго волостнаго правленья, вечеромъ въ одинъ изъ декабрьскихъ дней 1886 года, когда я зашелъ въ волостное правленье прочесть полученный съ земской почты номеръ губернскихъ вѣдомостей.

Я изъявилъ согласіе идти: во мнѣ возникло желаніе познакомиться съ обычаями этого рода, а чтобы познакомиться, нужно было видѣть самое дѣйствіе лично самому. Когда мы пришли, народу во дворѣ, въ сѣняхъ и въ избѣ было уже множество, такъ что въ избу мы едва пробрались. Спутникъ мой сквозь толпу пробрался къ столу, а я остался у двери на томъ мѣстѣ, которое у русскихъ называется *кутъ* (сидѣть въ кутѣ, значитъ, сидѣть у двери). Слышу, помощникъ писаря говоритъ хозяину:

— Ну, С...., мы пришли къ тебѣ съ учителемъ въ гости; прими насъ. Такое требованье угощенья, признаться, мнѣ сильно не понравилось, и я рѣшилъ лучше просидѣть въ углу, чтобы не быть замѣченнымъ никѣмъ, особенно своимъ спутникомъ; но тутъ

я попалъ, какъ говорится, между двухъ огней: съ одной стороны искалъ меня помощникъ съ хозяиномъ С.... чтобы посадить меня, вѣроятно, къ столу для угощенія кумышкой въ присутствіи собравшагося народа: съ другой—меня ставила въ неловкое положенье молодежь: около меня, у задней стѣны, любезничали парни съ дѣвушками, совершенно не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, а, напротивъ, старались еще прижаться въ уголъ за меня, а одна (женщина ли или дѣвушка — неизвѣстно) выразилась даже не совсѣмъ скромно и, главное, слова ея адресовались въ мою сторону. При этомъ всѣ поступки дѣвушекъ-вотячекъ показались мнѣ сходственными съ поступками и манерами дѣвушекъ Ижевскаго оружейнаго завода, нравственная сторона которыхъ извѣстна была мнѣ ранѣе, и я невольно задалъ себѣ вопросъ: не заводскія ли это дѣвушки? Отвѣтъ на это я далъ себѣ въ послѣдствіи почти положительный: завьяловцы, во время оно, были въ Ижевскомъ заводѣ подъ управленіемъ заводскаго начальства и переняли нѣкоторые обычаи и нравственныя свойства заводскихъ вотяковъ. Да и теперь заводскіе и завьяловскіе вотяки имѣютъ постоянное сношеніе и, сталкиваясь съ ними, заводскими писшаго сословія, вотяки усвоиваютъ ихъ привычки.

Въ избѣ С.... отъ тѣсноты стояла духота страшнѣйшая, такъ что въ короткое время я началъ чувствовать общее изнеможеніе. Говоръ народа, шумъ, восклицанія въ смѣшанномъ съ запахомъ кумышки и табачнымъ дымомъ воздухѣ—слились въ одинъ общій хаотическій хоръ и въ этомъ хорѣ, въ этомъ хаосѣ народнаго собранья нельзя было знать, что именно совершается въ душѣ. Я посмотрѣлъ въ передній уголъ чрезъ массу головъ стоящаго народа. За столомъ сидятъ мущины, вѣроятно родственники новобранца, а рядомъ съ ними самъ новобранецъ уже, какъ говорится, «на второмъ взводѣ». У стола сидятъ и стоятъ женщины и ведутъ какой-то разговоръ. Столъ накрытъ кушаньями, но какими именно—видѣть хорошо мнѣ было нельзя. Новобранецъ ведетъ съ родственниками и сосѣдями послѣднюю бесѣду, прося ихъ жить въ мирѣ и согласіи, женѣ даетъ какія-то наставленія; особенно проситъ семейныхъ не ходить въ раздѣлъ, предупреждая, что отъ раздѣла они могутъ разориться; чтобы, говоритъ, ко времени моего возвращенья вы были еще богаче (С.... слылъ богачемъ): живите мирно.

не ссорьтесь; пишите мнѣ письма чаще обо всемъ; если живете хорошо, я буду радоваться и не будетъ мнѣ скучно, да и служба пройдетъ быстро. Если буду просить денегъ—высылайте по мѣрѣ силъ, не покидайте на чужой сторонѣ, гдѣ не будетъ ни родныхъ, ни знакомыхъ—вся надежда будетъ на васъ.

Много еще говорилъ новобранецъ, но въ общемъ хаотическомъ гулѣ говора я не могъ разслышать. Наконецъ, передъ выходомъ онъ взялъ скрипку и заигралъ на ней, отплясывая «трепака»; затѣмъ, обратившись къ народу, толпящемуся въ избѣ, сказалъ: «дайте мнѣ дорогу!» и народъ мигомъ разступился. Я, не дождавшись выхода новобранца, вслѣдствіе давки и духоты, вышелъ въ сѣни; вслѣдъ за мною же вышелъ и знакомый намъ помощникъ писаря, какъ будто узналъ о моемъ выходѣ по чутью. Въ сѣняхъ были преимущественно дѣвушки и парни, и тутъ помощникъ писаря позволилъ себѣ говорить дѣвушкамъ нескромности, такъ что я вынужденъ былъ опять убраться. Вышедши во дворъ, я сталъ у воротъ, въ ожиданіи новобранца.

Лошади, запряженныя въ сани по парѣ, стояли уже во дворѣ, въ ожиданіи новобранца и его провожатыхъ. Вотъ вышелъ, наконецъ, и самъ новобранецъ *) въ сопровожденіи родныхъ, распѣвая вотскую пѣсню, и за нимъ хлынула волной изъ избы и толпа присутствующихъ обоего пола и обступила сани. Новобранецъ пошелъ съ пѣсней въ послѣдній разъ въ конюшню проститься со скотомъ, но какъ тамъ прощался, осталось для меня неизвѣстнымъ. Когда онъ вернулся изъ конюшни, женщины подошли къ нему съ кумышкой угощать его.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ съ новобранцемъ тронулся, за нимъ оставилъ домъ С... и народъ.

Я пошелъ домой.

Поздравленіе и угощеніе прибывшаго на родину солдата. Въ селѣ Завьяловѣ, противъ моей квартиры, свекровка со снохой ожидали прибытія на родину солдата (свекровь—сына, сноха—мужа). Жена за солдатомъ, котораго ожидали, была русская, но настолько освоилась съ вотякскимъ языкомъ и обычаями, что

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ случалось намъ видѣть, новобранца выводятъ изъ избы задомъ.

если бы она носила вотяскій костюмъ (одѣвалась она по-русски), всякъ бы принялъ ее за вотячку. Ко времени прихода мужа она наварила кумышки и зарыла ее въ бутылкахъ въ землю. И вотъ утромъ, въ одинъ изъ іюльскихъ дней 1887 г., солдатка при нашемъ пробужденіи стучится въ окно.

— Что скажешь, В.? спросила моя жена солдатку, отворивши окно.

— Давай-ка, Н., самоваръ: солдатъ (мужъ ея) пришелъ со службы.

— Когда? сегодня?

— Сейчасъ.

— Развѣ онъ всю ночь шелъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ? онъ ночевалъ въ деревнѣ у сосѣда: пришелъ вчера еще, поздненько вечеромъ.

— Зачѣмъ онъ ночевалъ у сосѣда?

— Сначала, по-вотскому обычаю, заходятъ къ роднѣ или сосѣду, а оттуда идутъ уже домой.

Спрашивать далѣе жена моя не стала, потому что женщина, видимо торопилась, а объ остальномъ я узналъ уже послѣ, и въ результатѣ получилось то, что я здѣсь вкратцѣ описываю. Всякій говоритъ, что прямо домой, по вотскому обычаю, никто не заходитъ.

Когда женщина-солдатка ушла, я сѣлъ къ окну и съ любопытствомъ слѣдилъ за движеніями сосѣдей прибывшаго на родину солдата: всякій (старый и малый обоего пола), не смотря на раннее утро, шелъ къ прибывшему на родину солдату смотрѣть на него, какъ на медвѣдя-плясуна или на какой нибудь феноменъ. Женщины шли съ бутылками, содержавшими въ себѣ, какъ видно, кумышку. Въ числѣ вотяковъ были и русскіе, но они пришли не ради угощенія, а влекло ихъ сюда, вѣроятно, любопытство: они желали знать—какимъ образомъ сосѣди будутъ поздравлять прибывшаго. Я думаю, что изба солдата кишѣла народомъ до самаго полдня: группы народа заходили къ нему безпрерывно, а насладившіеся лицезрѣніемъ выходили.

Наконецъ, около обѣда, солдатъ съ женой и своей родней поѣхалъ кататься по улицамъ села въ телѣгѣ, чтобы возвѣстить односельцевъ о своемъ прибытіи. Заѣзжалъ къ роднѣ, къ знако-

мымъ и сосѣдямъ и, быть можетъ, въ первый разъ еще послѣ семилѣтней службы (на службѣ пробылъ онъ семь лѣтъ) наугостился кумышкой до того, что сидя въ телѣгѣ, покачивался головой на всѣ четыре стороны и клевалъ носомъ.

Это угощеніе солдата называется *сектанъ*.

Кромѣ прибывшихъ на родину солдатъ, у вотяковъ угощаютъ еще гостей сосѣда или родственниковъ, а равно всѣхъ вообще пріѣхавшихъ гостей, какъ родственниковъ, такъ и сосѣдей, если съ ними ведутъ хлѣбосольство, для чего берутъ съ собой бутылку кумышки, которой и поятъ женщины, пришедши съ визитомъ къ родственнику или сосѣду. На угощеніе не требуется кумышки крѣпкой и много, а только была бы оказана или, какъ говорятъ, приложена честь по заведенному обычаю, и этимъ у вотяковъ дорожатъ какъ самымъ сердечнымъ расположеніемъ. Съѣздилъ, напримѣръ, родственникъ или сосѣдъ въ гости дня на два,—по пріѣздѣ его идутъ къ нему угощать его своей кумышкой, какъ говорятъ, *сектаны* (угощать) *макмыръ весь катыны* (опохмѣлить); также, если у родственника или сосѣда гости—идутъ угощать своей кумышкой и ихъ, и не идти значитъ изобидѣть хозяина и гостей. Угощеніе такое отплачивается тутъ же еще втрое лучше. Иногда для угощенія своихъ гостей хозяинъ приглашаетъ родственниковъ и сосѣдей самъ—и отказаться въ такомъ случаѣ, значитъ, дружбу разрозпить. Угощеніе гостей сосѣда называется *куно сектанъ*.

Пукысь куно (сидѣлка-гостья). Самое названіе уже даетъ понятіе о гостьѣ, приглашенной «сидѣть», т. е. прясть. Въ пукысь куно приглашаютъ обыкновенно родственницъ, напримѣръ, зятевья своячепицъ, которымъ минуло отъ роду около 20 лѣтъ; вообще, чтобы она была уже невѣста, имѣла полное приданое изъ бѣлья, особенно было бы достаточное число полотенецъ, чтобы было чѣмъ подарить кого слѣдуетъ, да и приглашающіе должны имѣть состояніе, чтобы въ свою очередь прилично подарить и сидѣлку. Сидѣлку приглашаютъ обыкновенно зимой въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, въ каковые мѣсяцы производится молотьба хлѣба, въ томъ расчетѣ, что сидѣлка-гостья замѣнитъ работника, такъ какъ она, сидѣлка, по заведенному изстари обычаю, должна стряпать и молотить, словомъ, должна дѣлать все то, что дѣлаютъ женщины. Ее ведетъ самъ приглашающій и при этомъ приглашаемая беретъ

съ собой кумышки, солоду для варенія таковой въ гостяхъ; беретъ еще полотенецъ различныхъ сортовъ, рубахъ, портовъ, какъ для приглашающаго, такъ и для жены его и семейныхъ, которыхъ даритъ за приглашеніе. По вечерамъ сидѣлка посѣщаетъ посидѣнки вмѣстѣ съ дѣвушками, которыя считаютъ обязанностію приглашать ее на посидѣнки. Хозяинъ заказываетъ для нея пряснцу. Столяръ украшаетъ пряснцу рѣзьбой, напоминающей китайскій стиль, и покрываетъ ее краской, преимущественно сурикомъ. Иные такими пряснцами запасаются заблаговременно и пригласившій сидѣлку первый самъ вбиваетъ ей въ пряснцу монету—рубль съ лоскуткомъ или безъ таковаго, за что гостья даритъ ей рубаху и порты и угощаетъ кумышкой. Кромѣ хозяина вбиваютъ еще другіе его семейные—мущины, а сосѣди и прочіе, кто узнаетъ о гостьѣ, идутъ къ ней пить кумышку и непремѣнно должны вбить въ пряснцу какую нибудь монету, серебряную или мѣдную. Въ иныхъ мѣстахъ за каждый двугривенный, а иногда и за пятіалтынный пукысь куно даритъ полотенце, но само собою разумѣется, что какого достоинста монета, такого достоинства и полотенце, т. е. если вбитъ, напримѣръ, четвертакъ, полотенце дарится лучше чѣмъ за двугривенный, если же пятіалтынный — полотенце хуже чѣмъ за двугривенный. Большая часть вбиваютъ или дарятъ въ руки сидѣлкѣ мѣдныя монеты отъ 3 до 5 коп.

Погостивши недѣли двѣ, дѣвушка увозится родителями, которые нарочно пріѣзжаютъ за ней съ цѣлью погостить. Денегъ у гостьи-сидѣлки набирается не болѣе 5 рублей, которые и составляютъ ея собственность; у богатыхъ же сумма превышаетъ 5 рублей, такъ какъ къ богачу идутъ охотнѣе чѣмъ къ бѣдному (должно разумѣть подъ бѣднымъ человѣка средняго состоянія, а бѣдные, какъ мы уже замѣтили, не приглашаютъ сидѣлокъ); къ богачу идутъ въ надеждѣ на хорошее угощеніе. Гостей отчасти привлекаетъ и красота сидѣлки, особенно, если она дочь зажиточнаго вотяка.

Хозяинъ, пригласившій ее, на отъѣздѣ даритъ ей шаль, платокъ и проч. Въ пукысь куно дѣвушекъ приглашаютъ еще болѣе для того, чтобы показать себя состоятельнымъ, такъ какъ она, пукысь-куно, требуетъ расхода.

Пуконъ-табанъ (посидѣльческіе лепешки). Это —празднество молодежи передъ началомъ посидѣлокъ. Отправляется оно по окон-

чаніи полевыхъ работъ, осенью, и служитъ какъ бы сигналомъ къ началу посидѣлокъ, такъ какъ таковыя начинаются съ этого праздненства и продолжаются до самого крещенія. Дѣвушки заблаговременно собираютъ на стряпню яицъ, масла и проч. и пріискиваютъ отдѣльную избу у кого-нибудь въ деревнѣ для стряпни и приглашенія гостей. Когда пріискана квартира, назначается день для отправленія праздненства и готовится угощенье. Въ гости приглашаются къ вечеру молодые люди обоего пола, т. е. холостые парни и дѣвушки изъ сосѣдней деревни, преимущественно изъ той, въ которую были приглашены прежде сами приглашающіе. Отправляясь въ гости, парни берутъ съ собой гармонику съ тѣмъ, чтобы въ кругу дѣвушекъ повеселиться въ первый разъ послѣ лѣтней страды. Чрезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ гостей, накрывается столъ кушаньями, настряпанными руками дѣвушекъ, и гостей дѣвушки садятъ за столъ, угощаютъ кумышкой, пивомъ, по обыкновенно молодежь кумышку пьетъ мало, а дѣвушки довольствуются только нѣсколькими каплями; такъ, напримѣръ, если приняла рюмку крайняя, то она, отпивши нѣсколько капель, передаетъ слѣдующей, а та опять—сидящей рядомъ и т. д., такъ что рюмка, побывавши въ рукахъ всѣхъ дѣвушекъ, переходитъ въ руку угощающей еще съ кумышкой: парни же пьютъ рюмки по двѣ. Послѣ ужина время проходитъ въ игрѣ, и въ это время говоръ, смѣхъ, топотъ ногъ, звукъ музыки сливаются въ одинъ гулъ. Бываетъ часто, что парни стрѣляютъ изъ ружей, заряженныхъ однимъ порохомъ и пыжемъ (такіе заряды называютъ холостыми). Послѣ означеннаго праздненства у дѣвушекъ начинаются по вечерамъ посидѣлки (пуконъ), которые отправляются въ баняхъ, кромѣ кануновъ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Бани для посидѣлокъ предпочитаются въ томъ отношеніи, что ихъ не нужно отапливать: онѣ нагрѣваются почти каждый день для парящихся или, если не нагрѣвается одна и та же баня каждый день, изъ массы нѣсколькихъ которая нибудь непремѣнно случится нагрѣтой. Разумѣется, въ жилыхъ избахъ было бы лучше, но для отопленія избъ нужны дрова, да и избу даромъ никто не согласится уступить, а бани устраиваются нѣсколькими семействами или домохозяевами сообща.

Слово пуконъ-табанъ происходитъ вѣроятно отъ того, что на праз-

лменствѣ этомъ дѣвушки угощаютъ гостей и лепешками во всю сковороду (табань). Пуконъ-табань устраиваютъ дѣвушки не безъ цѣли: здѣсь молодежь, сталкиваясь между собою, знакомится съ характерными чертами другъ друга, здѣсь холостые парни присматриваютъ и невѣстъ, а невѣсты жениховъ, получаютъ свѣдѣнія о невѣстахъ и женихахъ.

Встрѣча Его И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича въ с. Завьяловѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1887 года въ селѣ Завьяловѣ Сарапульскаго уѣзда между вотяками распространился слухъ, что въ маѣ или іюнѣ чрезъ это село проѣдетъ «кинязь (князь)» въ ижевскій оружейный заводъ. По поводу такого слуха въ нѣкоторыхъ изъ зажиточныхъ вотяковъ Завьялова возникла мысль о поднесеніи Его Высочеству хлѣба-соли, для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ. Мысль эта не замедлила выразиться на словахъ и вѣсть о такомъ желаніи быстро проникла въ массу вотяковъ, которые одобрили вполнѣ благое намѣреніе. Вслѣдствіе этого, за двѣ недѣли до проѣзда Его Высочества было назначено совѣщаніе, на которое приглашены и русскіе вмѣстѣ съ вотяками. На собраніи были предложены на обсужденіе вопросы: какой именно поднести хлѣбъ-соль, кому поднести? и т. д. Послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія одинъ изъ присутствующихъ высказалъ мнѣніе, что хлѣбъ во всякомъ случаѣ долженъ быть бѣлый. Съ нимъ согласились и нѣкоторые изъ участвующихъ на совѣщаніи.

— «Мы—крестьяне, ѣдимъ черный ржаной хлѣбъ, надо поднести ржаной»,—отвѣчаютъ вотяки.

«Черный поднести неприлично»,—возражаетъ одна сторона

«Бѣлый не идетъ, надо черный: мы—не городскіе, не господа, бѣлый хлѣбъ не ѣдимъ».

— «Вѣдь калачи и булки на базарѣ тоже ѣдите».

— «Мы развѣ калачами и булками только питаемся? Поѣдешь на базаръ, возьмешь калачикъ, другой... поѣшь въ охоту и довольно: къ калачу и булкѣ мы не привыкли. Поѣшь-ка день другой—отобьетъ охоту, прiѣстся, потомъ и въ ротъ не возьмешь; а отъ ржаного хлѣба никогда не отвыкнешь; безъ ржаного хлѣба мы все равно, что конь безъ сѣдла. Отъ ржаного хлѣба у насъ и сила».

— «Теперь это оставимъ, будемъ говорить о блюдѣ и солонкѣ—какія онѣ должны быть»,—кто-то опять возбудилъ вопросъ.

— «Должны быть деревянныя: у насъ, крестьянъ, серебряной и золотой посуды нѣтъ, все—дерево», отвѣчаютъ крестьяне.

— «Ужели не можемъ завести блюдо и солонку для Его Высочества получше, не изъ дерева»?

— «Положимъ, можемъ, да, опять сказать, мы не городскіе, не господа: у насъ вся посуда деревянная. Коли отъ крестьянъ, такъ и было бы похоже на крестьянское, особенно на вотякское: такъ же и хлѣбъ». Водворилось молчаніе.

Сторонники бѣлаго хлѣба не возражали и по всему было видно, что они въ умѣ уже соглашались съ мнѣніемъ вотяковъ и русскихъ и какъ будто говорили себѣ: да, такъ лучше, цѣлесообразнѣе.

— «Ну, какъ рѣшили?»—обратился одинъ изъ стоящихъ, чтобы прервать молчаніе.

— «Хлѣбъ ржаной, а блюдо и солонка—деревянныя», сказали чуть не въ одинъ голосъ мужики.

Между тѣмъ, какъ рѣшался такой вопросъ, въ сторонѣ, отдѣльно отъ сего, рѣшался другой вопросъ: какимъ образомъ украсить блюдо для поднесенія хлѣба-соли? Толковали, толковали и рѣшили: въ блюдо врѣзать серебряныя монеты, какія носятъ вотячки на груди.

Такая мысль одобрена всѣми и на пріобрѣтеніе монетъ положено собрать деньги по подпискѣ.

— «А кто будетъ подносить хлѣбъ-соль?» опять возбудили вопросъ.

— «Долженъ поднести волостной старшина», сказалъ на это мѣстный писарь П. В.

Такое мнѣніе присутствующей тутъ одной русской женщинѣ не понравилось. Дѣло въ томъ, что хлѣбъ-соль поднести ей хотѣлось самой, но всѣ были противъ этого и рѣшено хлѣбъ-соль поручить поднести волостному старшинѣ-вотяку.

Послѣ этихъ рѣшеній о блюдѣ, хлѣбѣ и проч., дальнѣйшее распоряженіе поручено мѣстному волостному правленію.

Время проѣзда Его Высочества приближалось.

Перемѣна лошадей подъ великокняжескимъ экипажемъ назначена у полевыхъ воротъ, на концѣ села, у моста черезъ рѣчку, на площадкѣ. Площадка эта, такъ равно и дорога до полевыхъ воротъ,

мѣстными жителями-вотяками были обставлены молодыми елочками, такъ что дорога и площадь приняли видъ аллеи. Въ срединѣ площадки была раскинута палатка изъ холста и украшена зеленью и цвѣтами. Столбы и колья, на которыхъ утверждена палатка, убрана приличною мебелью, настланы ковры. На полевыхъ воротахъ, увитыхъ тоже зеленью, сдѣлано вензелевое изображеніе съ буквою М. Надъ воротами стали развѣваться три трехцвѣтныхъ флага, на среднемъ изъ коихъ была надпись: «Боже, Царя храни!» Надъ палаткой и по обѣимъ сторонамъ ея то же флаги: на одномъ изображеніе короны въ вѣнкѣ, а на другомъ флагѣ, по правую сторону, вышиты буквы: М. Н. и С. М., а флагъ по лѣвую сторону былъ оставленъ безъ всякой надписи.

Площадка, дорога и улицы до церкви выметены чисто. Съ устройствомъ палатки и поднятіемъ флаговъ село приняло праздничный видъ и готовилось какъ будто къ особенному торжеству. Народъ обоего пола, пришедшій и пріѣхавшій изъ дальнихъ деревень волости, съ ранняго утра до поздняго вечера безпрерывно переходилъ группами изъ села въ конецъ и изъ конца въ село. Всякій спрашивалъ встрѣчнаго и поперечнаго: «скоро ли будетъ Великій Князь?»

Перейдемъ теперь въ толпу инородцевъ-вотяковъ, преимущественно женскаго пола.

— «Когда пріѣдетъ Князь?» спрашивали автора сей статьи вотячки, желавшія сильно посмотрѣть на Его Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича. Свѣдѣнія о немъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣли самыя невѣроятныя, баснословныя: напримѣръ, говорили, что цари совершенно не похожи на обыкновенныхъ смертныхъ, что они ходятъ въ золотѣ, словомъ, по мнѣнію ихъ, цари — необыкновенные люди. Положимъ, такія повѣрья имѣли только особенно невѣжественные, но все же большая часть думала о царяхъ, какъ о необыкновенныхъ людяхъ; вотъ поэтому и спрашивали пишущаго эти строки — скоро ли пріѣдетъ Князь, чтобы посмотрѣть на него и сличить свое представленіе съ дѣйствительностью.

— «Не въ Завьялово онъ пріѣдетъ, а проѣдетъ чрезъ Завьялово: въ Завьяловѣ только перемѣнитъ лошадей!»—отвѣчалъ я.

— «А можно будетъ посмотрѣть на него?»

— «Отчего нельзя?! Идите и смотрите: мѣсто будетъ всѣмъ, — никто гнать не будетъ».

— «Говорятъ, онъ не выйдетъ (изъ кареты), не покажется.

— «Я думаю, что выйдетъ, тѣмъ болѣе, что священникъ будетъ встрѣчать съ крестомъ, а старшина будетъ подносить хлѣбъ-соль. Одѣньтесь понаряднѣе въ свой вотскій костюмъ и онъ, можетъ быть, пожелаетъ посмотрѣть на васъ.

— «Развѣ онъ не видалъ вотячекъ?»

— «Я думаю, что здѣшнихъ не видалъ».

— «А какъ узнаемъ, который главный князь? Съ нимъ, говорятъ, еще будетъ князь и будутъ чиновники».

— «Князь будетъ съ сыномъ: они подойдутъ ко кресту и главному старшина поднесетъ хлѣбъ-соль. Я думаю отца отъ сына легко отличите: отецъ будетъ старше, сынъ—моложе».

— «Я какъ-нибудь-да постараюсь стать ближе, чтобы лучше увидѣть».

— «Я то же... и я... и я».

Наконецъ вотячки спросили еще:

— «Когда пріѣдетъ Князь?»

Я сообщилъ имъ свѣдѣнія, какія имѣлъ о времени проѣзда Его Высочества, и вотячки порѣшили никуда не отлучаться.

Наканунѣ проѣзда (20 числа въ субботу) былъ отправленъ въ ижевскій заводъ посолъ за блюдомъ и солонкой къ мастеру, которому таковые были заказаны. Блюдо и солонка выточены изящно, кажется изъ ильмоваго дерева, какія, вѣроятно, растутъ въ заводскихъ лѣсахъ. Надпись на самомъ блюдѣ золотыми буквами гласила: «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу». На поляхъ блюда врѣзано восемь рублевиковъ екатерининскихъ и николаевскихъ временъ, преимущественно съ просверленными по краямъ дырочками, что доказываетъ, что монеты сняты съ нагрудныхъ украшеній вотячекъ (дзюзъсты), восемь четвертаковъ и еще нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ. Между монетами сдѣлана надпись золотыми литерами: «отъ крестьянъ Завьяловской волости».

Утромъ 21 числа пестрыя, какъ шпалеры, группы народа обоего пола и разнаго возраста, отъ дѣтей до стариковъ, двинулись къ концу села, и къ 7 часамъ густая масса народа покрыла весь

конецъ села и возвышенное мѣсто за дорогой и стала ожидать пріѣзда Его Высочества.

Къ заутрени, противъ обыкновенія, мѣстный священникъ приказалъ благовѣстить въ 4 часа, и, отслуживши таковую, задалъ себѣ вопросъ: благовѣстить ли къ обѣднѣ вскорѣ послѣ окончанія заутрени? Дѣло въ томъ, что Великій Князь долженъ былъ пріѣхать въ село Завьялово ранѣе 9 часовъ, а священнику хотѣлось встрѣтить его въ концѣ села у палатки, а въ случаѣ пріѣзда во время литургіи онъ этого не могъ сдѣлать. Священникъ рѣшилъ служить литургію послѣ проѣзда Великаго Князя. И такъ, службу онъ отложилъ на часъ времени. Между тѣмъ послѣ отхода заутрени прошло уже 3 часа времени, а Его Высочества все нѣтъ. Что дѣлать? Этотъ вопросъ разрѣшилъ пріѣхавшій изъ Гольянъ (пристань пароходства на Камѣ), сказавъ, что пароходъ Его Высочества стоитъ на якорѣ у пристани гольянской, и что скоро ли изволитъ Великій Князь сойти съ парохода — никто не знаетъ. Вслѣдствіе этого священникъ приказалъ сторожу благовѣстить къ обѣднѣ. Служба началась, но по причинѣ ожиданія пріѣзда Его Высочества церковь была пуста. Отошла и обѣдня. Было уже около полудня. Священникъ, отслуживши литургію, пришелъ на мѣсто ожиданья съ св. крестомъ и св водой. Принесли п выше описанное блюдо съ короваемъ ржаного хлѣба и съ солонкой съ солью поставили на столѣ въ палаткѣ и всякъ ожидалъ прибытія Великаго князя.

Во 2 часу пополудни пріѣхалъ, такъ называемый, вѣстовой и велѣлъ приготовить коней и ожидать прибытія Его Высочества. Вѣсть эта быстро разнеслась повсюду и всякъ старался занять мѣсто ближе къ палаткѣ. По распоряженію полиціи, народъ разставленъ такъ, что мущины стояли по одну сторону, женщины — по другую; ближе къ палаткѣ стали вотячки-молодушки и дѣвушки въ своихъ національныхъ костюмахъ. Груди и конусообразные айшоны на головахъ вотячекъ блестѣли серебромъ.

Во 2 часу въ перспективѣ, на возвышеніи во ½ верстѣ отъ палатки, показалась карета Его Высочества, а за ней другая, третья... Въ это время на колокольнѣ раздался трезвонъ. Мужчины обнажили свои головы... Великокняжеская коляска остановилась у палатки и громкое ура огласило воздухъ. Великіе князья Михаилъ

Николаевичъ и, сынъ его, Сергій Михайловичъ вышли изъ кареты и приложились ко кресту, и въ это время священникъ окропилъ ихъ св. водой; затѣмъ были поднесены имъ просфоры. Волостной старшина (изъ вотяковъ) поднесъ Его Высочеству на вышеописанномъ блюдѣ хлѣбъ-соль со словами: «Ваше Императорское Высочество! просимъ принять хлѣбъ-соль» и хлѣбъ-соль была принята. Между тѣмъ, когда запрягали коней, Его Высочество изволилъ разговаривать съ крестьянами о хлѣбахъ на поляхъ, о жизни ихъ... Обративъ вниманіе на вотячекъ, подошелъ къ нимъ и съ любопытствомъ осматривалъ ихъ костюмъ, украшенія и разговаривалъ съ ними. Когда лошади были запряжены, Великіе Князья сѣли въ экипажъ и при новыхъ крикахъ ура! экипажъ тронулся. Сельскія дѣвушки, не наученныя никѣмъ, приготовленные букеты цвѣтовъ бросали, противъ обыкновенія, за коляской Его Высочества. На колокольнѣ раздался трезвонъ, а фотографъ, сопровождавшій Великихъ Князей, сдѣлалъ фотографическій снимокъ съ вотячекъ, о которомъ упомянуто выше.

На другой день (22 іюня), при обратномъ проѣздѣ, сельскія дѣвушки устилали путь Его Высочеству, во время шествія къ кресту, букетами цвѣтовъ.

Въ первый проѣздъ народу было около 1,000 чел., во второй — менѣе. Эти два дня остались памятными для Завьяловскихъ вотяковъ, и въ настоящее время завьяловцы, проходя мимо площадки, гдѣ останавливался Михаилъ Николаевичъ, говорятъ: «здѣсь останавливался Великій князь».

Кöкы шыдъ — обрядъ укладыванья новорожденнаго въ первый разъ въ колыбель, отъ словъ: *кöкы* — колыбель, *шыдъ* — щи, т. е. колыбельные щи. Этотъ обрядъ мы видѣли у племени Пунъи, въ дер. Ляльшурѣ.

— «Айда, Г. Е., смотрѣть на кöкы шыдъ», сказалъ мнѣ однажды, въ третій день великаго поста 1888 года, одинъ ляльшурскій вотячекъ, зашедшій съ цѣлью сообщить о предстоящемъ у нихъ обрядѣ укладыванья новорожденнаго въ колыбель.

— «Хорошо», сказалъ я, «пойдемъ». И съ этими словами надѣлъ шапку и вышелъ изъ избы въ одномъ сюртукѣ, такъ какъ идти было всего нѣсколько саженей: вотякъ этотъ жилъ рядомъ съ земскимъ училищемъ, при которомъ я имѣю квартиру. Меня сопрово-

ждалъ самъ приглашающій, безъ котораго кӧкы шыдъ не могъ быть совершенъ. Обрядъ этотъ, по моему предположенію, не долженъ былъ быть лишеннымъ интереса въ этнографическомъ отношеніи; вотъ поэтому я и пошелъ вмѣстѣ съ самимъ приглашающимъ, чтобы увидѣть обрядъ во всей его полнотѣ отъ начала до конца. И такъ, я зашелъ въ избу и сижу на лавкѣ. У задней стѣны, на лѣвой сторонѣ по входѣ въ избу, стоитъ столъ, накрытый разными ватрушками и т. под. печеньями для угощенія роженицы. Сама роженица сидитъ на кровати у стола, накрытаго кушаньями, и закусываетъ, а рядомъ съ ней—бабушка вотячка. Около нихъ сидятъ еще другія женщины, пришедшія, вѣроятно, «съ пирогами» для угощенія роженицы, и ведутъ съ послѣдней разговоръ. Бабушка, не обращая вниманія на прочихъ, устраиваетъ или, вѣрнѣе, убираетъ походную колыбель для новорожденнаго. Колыбель эта—загнутая съ одного конца полукружіемъ, а съ другаго—двумя прямыми углами продолговатая лубянка. На тупомъ концѣ, гдѣ должна быть головка ребенка, прикрѣплена деревянная дуга, чтобы, надѣвши на колыбель positionокъ или чехолъ мѣшкообразный, образовать надъ колыбелью, когда лежитъ въ ней ребенокъ, сводикъ. Колыбель съ ребенкомъ носится женщиной, какъ ранецъ на спинѣ, на особыхъ сшитыхъ изъ холста лямкахъ, надѣтыхъ на плечи. Такія походныя колыбели весьма удобны, такъ какъ значительно облегчаютъ трудъ ношенія ребенка.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я вошелъ въ избу, одна изъ женщинъ принесла въ чашкѣ кашу съ говядиной и поставила на столъ, у котораго сидятъ женщины, и въ это время пригласившій меня хозяинъ видимо началъ что-то искать на лавкахъ.

— Что ты ищешь, М...? спросилъ я его наконецъ.

— «Ремень»— отвѣтилъ онъ.

— На что его?

— Надо «остэ карыны», кӧкы шыдъ поспѣлъ.

— Развѣ нельзя безъ ремня? спросилъ я его (ремня на немъ не было).

— Какъ можно безъ ремня молиться! сказалъ онъ.

— А зачѣмъ ты шапку не снимаешь?

— Тоже безъ шапки нельзя.

— Снимаешь же вѣдь шапку, когда въ церкви молишься, такъ равно и тогда, когда молишься иконамъ.

— Это—другое дѣло: тутъ крестись, а по вотскому обычаю креста не требуется: стою не предъ иконой.

Надѣвши ремень, онъ подошелъ къ столу, на которомъ стояла чашка съ кашей; женщина подала ему рюмку съ кумышкой и онъ началъ «осторыны», держа рюмку въ правой рукѣ, но не всѣ его слова были слышны для меня, только нѣкоторыя произносились ясно, и я понялъ слѣдующее: вордскэмъ пиналлы сётъ шудъ-буръ... (родившемуся ребенку дай счастье). Между тѣмъ какъ онъ говорилъ свои молитвенныя или просительныя слова, бабушка постлала въ колыбель постельку—положила что-то въ родѣ подушки; между подушкой и стѣнкой колыбели заткнула ножницы, вѣроятно, символизирующія женскій полъ (ребенокъ женскаго пола); затѣмъ, уложивши ребенка, положила въ колыбель три вареныхъ картофелины вмѣсто яицъ и еще по обѣ стороны ребенка, т. е. по бокамъ его, положила по куску жареной гусятины. Наконецъ, три раза взяла безымяннымъ пальцемъ правой руки каши и дала въ ротикъ ребенку. Кромѣ этого, еще исполнялись какіе-то обряды, но видѣть я не могъ, такъ какъ бабушку и роженицу заслонили вошедшіе мужики. Окончивши свою молитву, хозяинъ выпилъ рюмку кумышки и тѣмъ закончилъ весь обрядъ.

Свадебные обряды. Свадебные обряды вотяковъ нами уже описаны въ прежде изданныхъ статьяхъ, но описаны только обряды вотяковъ Сосновскаго края. Въ Завьяловской волости такіе обряды совершаются нѣсколько иначе, а причиной этому—другія племена вотяковъ. Завьяловскіе вотяки обыкновенно женятъ сыновей на возрастѣ 18 л. на 20 лѣтнихъ дѣвушкахъ, но изъ этого нельзя заключать, что такой возрастъ для вступленія въ бракъ обязателенъ по обычаю: вступаютъ въ бракъ и старше этихъ лѣтъ, но главное то, что дѣвушки обыкновенно выходятъ старше жениховъ. Такой обычай существуетъ у нихъ еще со времени язычества и введенъ въ дѣйствіе на такомъ расчетѣ, что если молодушка старше молодого, то, значитъ, надежная хозяйка, во всѣхъ отношеніяхъ развитая и способная къ супружеской жизни. Съ другой стороны—сноха старше сына предпочитается еще потому, что матери, ко времени женитьбы своихъ сыновей, приходятъ почти въ дряхлое

состояніе, почему и оказываются мало способными къ управленію хозяйствомъ и все бремя управленія хозяйствомъ по части женской стряпни падаетъ на сноху. Въ первыя времена просвѣщенія вотяковъ христіанскою вѣрою женили сыновей отъ 8 до 12 лѣт. на 20 лѣтнихъ дѣвушкахъ, что видно и изъ указа Вятской Духовной Консисторіи отъ 22 февраля 1757 года за № 178. Указомъ этимъ воспрещались такіе обычаи въ предотвращеніе кровосмѣшенія свекровъ со своими снохами.

Свадебный обрядъ завьяловскихъ вотяковъ, не включая сюда обряда сватовства, распадается на двѣ части. Первая часть *ярашонъ*, когда невѣста или молодая (назовемъ ее молодой, потому что она до обрядовъ уже бываетъ обвѣнчана) увозится на масляной недѣлѣ въ домъ молодого и послѣ обряда обратно отвозится въ домъ родителей. Въ этой части свадьбы лишеніе дѣвической свободы символизируется надѣваньемъ на нее *пелькышэта* или *чалмы* и *айшона*. Вторая часть—*сюанъ*, когда молодая окончательно увозится къ молодому съ приданымъ и водворяется у него.

Просватанье невѣсты, называемое *туранъ, куранъ*, происходитъ обыкновенно зимой въ мѣсяцахъ: ноябрѣ, декабрѣ и январѣ. Роль свата принимаетъ, по приглашенію, чаще крестный отецъ жениха или, за неимѣніемъ его, родственникъ, или же сосѣдъ. Сватъ чрезъ нѣсколько времени, по заведенному обычаю, вынимаетъ изъ за пазухи табакерку съ порошкомъ табаку и, открывъ ее, предлагаетъ родителямъ невѣсты по старшинству, самой невѣстѣ и прочимъ, давая тѣмъ знать о цѣли своего посѣщенія. Обычай не дозволяетъ отказаться отъ понюшки, что и должны исполнить всѣ, кому было предложено: не принять такое предложеніе, значитъ явно презирать свата; при этомъ соблюдается такая важная въ своемъ родѣ примѣта, что, если невѣста чихнула, значитъ, дѣло должно совершиться, если же нѣтъ, дѣло потухнетъ,—значитъ, не судьба выйдти замужъ за предлагаемаго жениха. Такихъ невѣстъ иные даже не сватаютъ.

Здѣсь мы будетъ говорить о томъ случаѣ, когда невѣста чихнула, когда, слѣдовательно, ее нужно сватать. Сватъ, окончивши обрядъ угощенія табакомъ, приступаетъ къ сватовству, уговаривая родителей выдать дочь за жениха; также и невѣсту иные спрашиваютъ о согласіи, при чемъ сватъ старается расхвалить жениха по всѣхъ от-

ношеніяхъ. Женихъ и невѣста во всякомъ случаѣ должны знать другъ друга или лично, или по слуху, а о согласіи невѣсты спрашиваетъ сестра ея или, за неимѣніемъ ея, братъ, пригласивши ее въ отдѣльную комнату. Если невѣста не согласна, стараются ее уговорить всѣми мѣрами, расхваливаютъ жениха, его родителей и прочихъ семейныхъ; говорятъ, что они живутъ хорошо, состоятельны. Согласіе невѣста выражаетъ словами: мынодъ. вылды (пойду, должно быть) или поручаетъ себя волѣ родителей, ссылается на нихъ, говоря, что они, родители, что хотятъ, пусть то и дѣлаютъ. Получивши согласіе невѣсты, мать ея ставитъ на покрытый чистою скатертью столъ чашку или блюдо съ масломъ, считающимся необходимою принадлежностью стола при такихъ обрядностяхъ. Къ маслу присоединяется и другое кушанье для гостей, какое случится. Сватъ, называемый *тӧрэ*, приглашается въ передній уголъ, а рядомъ съ нимъ садится и товарищъ его. Тӧрэ значитъ собственно передній уголъ, а сидящій въ этомъ почетномъ мѣстѣ называется тӧрэ потому, что онъ сидитъ въ переднемъ углу, какъ главный гость. Во время угощенія тӧрэ кладетъ на масло денегъ, коп. съ 20, которыя и беретъ мать невѣсты и ставитъ на эти деньги въ церкви свѣчу. Когда сватъ съ товарищемъ наугостятся, т. е. напьются кумышки и наѣдятся кушаньевъ, то выходятъ изъ за стола и чрезъ нѣсколько времени начинается сговоръ о калымѣ за невѣсту и приданомъ съ невѣсты: отецъ въ то же время обѣщаетъ что нибудь изъ скота. Тѣмъ сватовство и оканчивается.

На масляной недѣлѣ назначается *ярашонъ*. Къ этому обряду особыхъ приготовленій нѣтъ, такъ какъ ярашонъ еще не имѣетъ значенія свадьбы, а только какъ бы перваго свиданія съ женихомъ или, вѣрнѣе, ярашонъ значитъ визитъ молодой молодому, которые считаются еще не сочетавшимися бракомъ, а женихомъ и невѣстой.

Вѣнчанье происходитъ до ярашона или послѣ таковаго, смотря потому, достигъ ли женихъ совершеннолѣтія, требуемаго закономъ на вступленіе въ бракъ по обряду православной церкви. Вѣнчаніе въ отношеніи брака не имѣетъ никакого значенія, а считается оно необходимымъ только для соблюденія формы.

За недѣлю до ярашона, т. е. передъ масляницей, отецъ жениха, взявши на подарки платки, отправляется къ будущему свату

и условливается съ нимъ о времени совершенія ярашона и, сидя за столомъ, даритъ платки матери невѣсты и всѣмъ вообще изъ женскаго пола. Подарки принимаютъ на правый рукавъ и не берутъ въ голыя руки, такъ равно и сватъ даритъ не изъ голыхъ рукъ, а съ рукава. Наугостившись, сватъ уѣзжаетъ домой.

— «Когда обѣщался пріѣхать?» —спрашиваетъ жена отца молодого.

«Во вторникъ», —отвѣчаетъ онъ: по обыкновенію. на ярашонъ пріѣзжаютъ въ среду.

Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ идутъ приготовленія.

Въ среду на масляной недѣлѣ невѣсту провожаютъ къ жениху на ярашонъ мущины-*ярашыси* съ колокольцами. Невѣста или молодая, въѣхавши во дворъ свекра, изъ саней бросаетъ подушку и, вылѣзши, стаетъ на подушку, чтобы житье на новомъ мѣстѣ было мягко, и затѣмъ идетъ съ закрытымъ лицомъ въ избу, а подушку ея подбираетъ кучеръ. Въ избѣ она садится на лавку въ женской половинѣ комнаты. т. е. въ кухнѣ. гдѣ находится печь. Ее тамъ угощаютъ женщины стряпней. особо отъ мущинъ, и ведутъ съ ней разговоры, но лицо ея въ это время бываетъ завѣшано. Вслѣдъ за ней отецъ ея, взявши съ собой около 15 ярашысей-мущинъ, отправляется къ свату на ярашонъ. Выѣхавши за ворота своей ограды, одинъ изъ ярашысей обводитъ кругомъ поѣзда топоромъ черту по солнцу, а на лѣвую сторону къ заплотамъ бросаетъ кусокъ хлѣба умершимъ. чтобы они не сдѣлали чего вреднаго для нихъ. а равно и для будущей четы. Такіе куски бросаютъ и на пути у каждыхъ полевыхъ воротъ со словами: остэ кулэмъесь! Энъ черто. мыжтэ (благословите, умершіе! не нашлите на насъ болѣзни...) Подъѣхавши къ воротамъ свата, отецъ молодаго ожидаетъ встрѣчи и сватъ выходитъ къ нему съ масломъ и отворяетъ ворота. приглашая въ избу. Между тѣмъ молодая устраивается гдѣ-нибудь въ отдѣльной избѣ. Такъ какъ къ пріѣзду гостей приглашается же тӧрэ крестный отецъ молодого, то онъ уже сидитъ за столомъ въ переднемъ углу. Вошедшихъ гостей чрезъ нѣсколько времени садятъ за столъ, свата рядомъ съ тӧрэ, а къ нимъ и прочихъ ярашысей. Передъ гостями—разныя яства, въ томъ числѣ и масло. какъ необходимая принадлежность обѣдовъ. Гостей угощаютъ кумышкой и пивомъ, ведутъ разговоры о разныхъ пред-

метахъ, касающихся житейскаго быта, и чрезъ нѣсколько времени тӧрэ выходитъ изъ за стола, ставитъ на средину избы свѣтецъ съ сальной свѣчей и зажигаетъ послѣднюю; затѣмъ, помолившись иконамъ, начинаетъ голосить свадебную пѣсню и это называется *гуръ сӧтэ*, т. е. онъ даетъ примѣръ, чтобы ярашьси вышли и слѣдовали его примѣру—пѣли, ходя вокругъ свѣтца по-солнцу, а тӧрэ, показавши примѣръ, опять садится на свое мѣсто. Яраšьси поютъ пѣсни, расхаживая вокругъ свѣта; ихъ угощаютъ кумышкой, каковой бываетъ наварено къ этому времени довольно. Когда яраšьси запоютъ круговую пѣсню, братъ невѣсты, пріѣхавшій на ярашонъ, ищетъ свою сестру въ ея убѣжищѣ. Когда найдетъ ее, она, увидя брата, зальется слезами и послѣ этого идетъ въ избу и помогаетъ стряпать. Яраšьси отправляются кататься на лошади молодого; заѣзжаютъ въ деревнѣ къ знакомымъ жениха и сосѣдямъ, поютъ пѣсни; ихъ угощаютъ кумышкой, пивомъ. Накатавшись, послѣ трапезы, отправляются во свояси обратно съ молодой.

Заключительный обрядъ совершается въ Петровки и называется *сюанъ*, для чего отецъ жениха приглашаетъ на свадьбу человѣкъ 10 изъ родни, въ томъ числѣ и тысяцкаго *быдзьымъ кудо*—крестнаго отца съ женой. Запрягши лошадей съ колокольцами, тысяцкій и поѣзжане, помолившись иконамъ, выходятъ изъ избы и садятся въ сани и, выѣхавши за ворота, обводятъ вокругъ поѣзда топоромъ черту по солнцу, чтобы никакая нечистая сила, колдуны и умершіе не прикасались къ нимъ, а выѣхавши за ворота, бросаютъ даръ умершимъ старикамъ кусокъ хлѣба со словами: «остэ, кулэмъ есъ! Энъ чертэ, энъ мыжтэ». Затѣмъ поѣздъ отправляется. Такіе куски съ означенными словами бросаютъ у каждыхъ полевыхъ воротъ. Молодой остается дома.

Подъѣхавши къ воротамъ молодой, никто изъ телѣги не выходитъ отворять ворота, а выходятъ встрѣтить свадьбу съ масломъ отецъ молодой и его жена. Сватья въ лицѣ тысяцкаго обращаются къ отцу молодой:

— Хорошо ли ждали?

— Ждали долго. Пожалуйте, милые гости! говоритъ отецъ молодой.

Сватъ, т. е. отецъ молодой, стелетъ предъ крыльцомъ одѣяло или войлокъ, на который и встаютъ гости; пробуютъ по-немногу

масла и заходятъ къ куалу, а изъ куалы идутъ уже въ избу. При входѣ въ куалу и избу всякій касается правой рукой косяковъ дверей. Тѣмъ временамъ молодая устраивается гдѣ-нибудь въ амбарѣ, а тӧрэ, крестный отецъ молодой, уже сидитъ за столомъ въ переднемъ углу. Женщины накрываютъ столъ стряпней и садятъ тысяцкаго съ поѣзжанами. Когда гости сидятъ за столомъ, свекровь молодой и прочіе женщины угощаютъ ихъ кумышкой. Въ концѣ обѣда тӧрэ выходитъ изъ за стола и ставитъ на средину избы свѣтецъ съ зажженой сальной свѣчей и начинаетъ распѣвать свадебную пѣсню, расхаживая вокругъ свѣтца по солнцу, и это говорятъ, какъ мы выше уже говорили, «гуръ сетэ», т. е. тӧрэ даетъ примѣръ пѣть пѣсню, а предъ этимъ, т. е. отданіемъ примѣра, тӧрэ три раза дѣлаетъ иконамъ по поясному поклону. Когда примѣръ данъ, свадьба выходитъ изъ за стола и начинаетъ пѣть, расхаживая вокругъ свѣтца по солнцу. Невѣста въ это время выходитъ изъ своего убѣжища и, повидимому, не обращаетъ вниманія на свадьбу, такъ какъ она со свадьбой не ведетъ разговора и ни съ кѣмъ не здоровается. Попѣвши довольно времени, идутъ, по приглашенію, въ гости къ сосѣдямъ и родственникамъ и къ тѣмъ, которые уже бывали въ домѣ или въ роднѣ молодыхъ на свадьбѣ... Молодая, пока свадьба не отправилась, спитъ въ домѣ молодого съ дѣвушками.

Переночевавши двѣ ночи, подъ вечеръ, свадьба собирается ѣхать во-свояси. Когда кони запряжены, молодая ходитъ въ амбары, конюшни, клѣти и куалу и прощается съ строеніемъ и животными со слезами на глазахъ: при ней въ это время обыкновенно находятся подружки ея, а нерѣдко и женщины, которыя тоже плачутъ —изъ чувства ли сожалѣнія или для примѣра, если такъ можно выразиться, неизвѣстно; затѣмъ она прячется въ клѣти же, но не какъ при игрѣ въ спрятки, а ради примѣра, требуемаго обычаемъ. Ее ищутъ дѣвушки, пріѣхавшія на свадьбу со стороны молодого, чтобы увести ее въ избу и нашедши въ клѣти, утѣшаютъ, ее плачущую, говоря, что тамъ, у молодого, житье ей будетъ хорошее: живутъ богато, мирно. Наряжаютъ ее въ брачную одежду, обуваютъ въ башмаки и ведутъ въ избу; дѣвушки и парни укладываютъ въ телѣги приданое ея. Поѣзжанамъ дѣвушки нашиваютъ къ картузамъ лоскутки ситца, какъ и у русскихъ ленты

на грудь. Когда невѣста или молодая будетъ наряжена и уведена въ избу, ее сажаютъ на лавку рядомъ съ женой *быдзъымъ кудо* и она считается въ родительскомъ домѣ уже гостьей, поэтому и угощаютъ ее въ числѣ прочихъ какъ гостью; въ это время родители, братья и сестры ея выражаютъ чувство сожалѣнія плачемъ; такъ равно при видѣ плачущихъ проливаютъ слезы и подружки ея и женщины, особенно если молодая слыла за скромную, обходительную. Что же касается молодой или невѣсты, то она прощается съ родителями и семейными какъ при гробѣ съ дорогимъ существомъ и этимъ вызываетъ слезы и въ прочихъ присутствующихъ. Вышедши изъ дома, молодая садится въ телѣгу рядомъ съ женой быдзьымъ кудо. Родители, провожая ее, утѣшаютъ, говоря, что будутъ къ ней ѣздить въ гости часто. Вокругъ поѣзда обводится черта топоромъ или ножемъ по солнцу, какъ у русскихъ, а выѣхавши за ворота, одинъ изъ передовыхъ бросаетъ въ лѣвую сторону кусокъ хлѣба со словами: остэ, кулэмъэмъ! Энъ чертэ, энъ мыжтэ. Между тѣмъ ко встрѣчѣ свадьбы въ домѣ молодаго идутъ приготовленія.

Обряды эти описаны нами со словъ, слѣдовательно, мы не могли передать ихъ до мельчайшихъ подробностей и, можетъ быть, гдѣ есть и невѣрности, но онѣ, по нашему мнѣнію, маловажны. Встрѣчу свадьбы я имѣлъ случай видѣть и самъ и передаю объ этомъ какъ очевидецъ.

30-го 1887 года, на другой день Петрова дня, заходятъ ко мнѣ нѣсколько вотскихъ мальчиковъ, обучающихся въ мѣстной земской школѣ, и приглашаютъ меня смотрѣть на «встрѣчу свадьбы». Мальчики пришли пригласить меня потому, что ранѣе я выражалъ имъ желаніе посмотрѣть на свадьбу завьяловскихъ вотяковъ, что, по словамъ самихъ ихъ, у нихъ совершалось нѣсколько иначе, чѣмъ у другихъ, а причина этому, говорятъ, отдаленность мѣстности отъ прочихъ и отчасти воршудныя племена.

Я накинулъ на себя пальто, надѣлъ фуражку и вышелъ; пришелъ ко встрѣчѣ свадьбы въ то время, когда свадьба въѣхала уже во дворъ. Людей обоего пола собралось смотрѣть на свадьбу уже довольно, въ томъ числѣ были лица и изъ семействъ мѣстнаго сельскаго духовенства.

Не знаю какъ происходила встрѣча свадьбы, такъ какъ я ее

уже не засталъ. Но вотъ свадьба, по приглашенію ли или по обычаю, подошла къ куалѣ. Свекровь молодой или мать молодого постлала у дверей куалы войлокъ и возлѣ войлока поставила столъ, вынесенный изъ куалы; постлала на столъ чистую скатерть, потомъ принесла изъ куалы и поставила на столъ деревянное блюдо со скоромнымъ масломъ, чашку съ кашей и маленькую деревянную чашечку съ кумышкой; принесла еще цѣльный каравай хлѣба, помазанный, кажется, масломъ. Приготовивши все это, она приказала старшему сыну-хозяину, замѣняющему отца (отецъ умеръ), подойдти къ столу. Сынъ подошелъ къ столу, видимо, стѣсняясь присутствующихъ тутъ зрителей-русскихъ.

— «Айда, читай, что стыдишься русскихъ?! надо дѣлать такъ, какъ велитъ законъ (обычай вотскій); насъ вѣдь тоже руссаки не стѣсняются. Если будутъ смѣяться—смѣйся: не видалъ ихъ! Мы надъ обычаями ихъ не смѣемся».

Ободренный этимъ сынъ-хозяинъ, принявши роль отца, подошелъ къ столу и обернулся лицомъ къ востоку. Мать отдала ему чашку съ кашей. Онъ, взявши чашку, началъ говорить что-то (вѣроятно просительныя молитвы, въ которыхъ просилъ ниспослать благословеніе на молодую). Чрезъ нѣсколько времени она съ матерью съѣли по одной ложкѣ каши и чашку поставили на столъ. Затѣмъ хозяинъ взялъ чашечку съ кумышкой и сталъ опять говорить молитвенныя слова. Окончивши молитву, чашку поставилъ на столъ; потомъ взялъ масла и тоже говорилъ что-то и по окончаніи рѣчи отпилъ кумышки и отошелъ. Послѣ него приступила къ исполненію того же обряда мать его, причемъ одну ложку каши хлебнетъ сама, другую подастъ женѣ быдзьымъ кудо, которая, отвѣдавши каши, отдаетъ ее для этого же и молодой. То же дѣлается и съ кумышкой и масломъ. Послѣ свахи (жены быдзьымъ кудо) и молодой старуха пригласила и прочихъ поѣзжанъ попробовать каши, кумышки и масла. Окончивши этотъ обрядъ, старуха увела всю свадьбу въ куалу, причемъ при входѣ въ куалу каждый опирался правой рукой о косякъ дверей. Но что дѣлалось въ куалѣ—осталось для меня неизвѣстнымъ, такъ какъ войдти въ куалу я не осмѣлился; но нѣкоторыя женщины, стоявшія у двери куалы, видѣли кое-что и передавали мнѣ. По разсказамъ ихъ, свадьба, вошедши въ куалу, съ пѣсней обошла по солнцу во-

кругъ огнища, т. е. разведеннаго среди куалы костра въ родѣ горна. Чрезъ нѣсколько времени свадьба вышла изъ куалы и вошла въ избу, опираясь правой рукой о верхній косякъ дверей, предварительно перекрестивши его сложенными, какъ во время молитвы, пальцами. Столъ и войлокъ, находящіеся предъ дверью куалы, убраны. Зашедши въ избу, молодая садится въ той части комнаты, гдѣ обыкновенно находится женскій полъ, т. е. у печи и тамъ ее угощаютъ.

Вечеромъ дѣвушки ведутъ молодую въ клѣть, гдѣ у устроенной постели ее ожидаетъ уже молодой. Въ клѣть молодая идетъ уже съ открытымъ лицомъ. Дѣвушки, уведши ее, оставляютъ, говоря: спите, благословясь.

Ныль сётонъ али *ныль куранъ*—просватанье невѣсты. Обычай этотъ видѣли мы у племени Пунъи въ деревнѣ Ляльшурѣ въ январѣ мѣсяцѣ 1888 г. и передаемъ о немъ во всей его полнотѣ, какъ мы видѣли его. Здѣсь мы не будемъ касаться ни уговоровъ о калымѣ, ни угощенія табакомъ, такъ какъ все это происходило еще до прихода насъ.

Сватъ, отецъ жениха, сидитъ за столомъ въ переднемъ углу, какъ почетный гость, а рядомъ съ нимъ его старшій сынъ, пріѣхавшій въ помощники отцу въ роли свата. На столѣ предъ ними разныя яства, въ томъ числѣ и скоромное масло въ чашкѣ. Отецъ и мать невѣсты, какъ видно, уже согласились выдать свою дочь, такъ какъ невѣста, сидя въ отдѣльной комнаткѣ, плакала. Старшій сынъ свата вручилъ приглашенному отъ себя ходатаю изъ той же деревни, изъ которой была невѣста, кошелекъ съ деньгами и этотъ началъ раздавать серебряныя монеты всѣмъ членамъ семьи, но сначала подарилъ съ лоскуткомъ ситцу матери невѣсты кредитный билетъ въ 1 руб. Принявши этотъ подарокъ, мать невѣсты, изъ чувства жалости къ дочери, начала утирать концомъ платка слезы. Послѣ этого товарищъ свата началъ раздавать серебряныя монеты въ 20 коп. всѣмъ вообще семейнымъ, даже подарилъ грудному ребенку, но подарилъ ли отцу невѣсты—осталость неизвѣстнымъ. Когда мать невѣсты и всѣ семейные получили по серебряной монетѣ, тотъ же товарищъ свата надѣлилъ каждаго пришедшаго копѣйкой, а мнѣ, пишущему эти строки, подарилъ 3 коп. Затѣмъ онъ же принесъ съ квартиры четверть ведра

водки, купленной сватомъ и началъ угощать всѣхъ, начиная съ отца и матери невѣсты. Хозяинъ, отецъ невѣсты, взявши въ руку рюмку, спросилъ жену: «ну что? выпьемъ что ли, жена?—«Выпей, буди ужь», отвѣтила она, утирая слезы. Хозяинъ съ женой выпили и затѣмъ съ рюмкой водки подошелъ къ матери невѣсты свекоръ и спросилъ: «выпить ли, сноха?»—«Выпей, буди ужь» опять отвѣтила она. Такъ обращались къ ней почти всѣ, пришедшіе за угощеніемъ односеленцы. Никто, повидимому, не осмѣливался безъ разрѣшенія матери невѣсты выпить рюмку водки, даже самъ мужъ ея, глава семьи. Выпивая водку, всякъ выражалъ обѣимъ сторонамъ свои благожеланія счастія, мира. Когда выпили по рюмкѣ и по другой, товарищъ свата отдалъ сестрѣ невѣсты и младшей снохѣ по семигривенному съ просьбой сходить за водой для варки гуся, которымъ слѣдуетъ угостить свата при заключительномъ обрядѣ просватанья. Просватанье длилось почти до утра, такъ какъ заключительный обрядъ «ядснія гуся» продолжался нѣсколько часовъ, и во все это время сватъ сидѣлъ за столомъ, разговаривая съ будущимъ сватомъ и съ прочими. Когда сварился гусь, искрошили его и принесли въ чашкѣ на столъ, причемъ, кромѣ гуся, были и другія яства, въ томъ числѣ и рыбный пирогъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ былъ принесенъ на столъ гусь, невѣста съ матерью подошли къ столу; мать держала четвертную бутыль съ кумышкой, а невѣста—рюмку. Мать налила въ рюмку кумышки и невѣста поднесла ее отцу и этотъ, взявши рюмку въ руки, началъ говорить: остэ, Инмарэ Кылдысинэ! нылылы піэлы Инмаръ медъ сётозъ шудъ буръ, кузэнызъ палэнызъ тудо бурю мэдъ улозъ, мэдъ луозъ пыло-піо, кузь аръ лыдо (благослови, Инмаръ Кылдысинъ! пусть моимъ дѣтямъ Господь дастъ счастье, пусть будутъ у нея дѣти, а сама пусть будетъ долголѣтная). Затѣмъ, обратившись въ дочери, говоритъ: «я, тыръ винаэнъ остэ карисько, тазьыжкъ улэмэдъ мэдъ луозъ тыръ, дзечъ, кузэныдъ палэныдъ урчэ мэдъ улоды (ну, съ полной рюмкой прошу благословенія, пусть такъ же въ полномъ достаткѣ живите съ мужемъ дружно, мирно). По прочтеніи этихъ молитвъ и произнесеніи словъ дочери отецъ выпилъ рюмку и утеръ слезу, вызванную вѣроятно слезами дочери. Потомъ невѣста поднесла будущему свекру и онъ, подаривши невѣстѣ серебряный рубль съ

рукава, выпилъ рюмку. Невѣста за подарокъ поклонилась въ ноги и подарила что-то (кажется платокъ или ситецъ) будущему свекру, затѣмъ рюмка была поднесена сыну свата и онъ тоже подарилъ серебряную монету, и за это невѣста поклонилась ему въ ноги и подарила что-то перевязанное холщевой тесьмой. Четвертая рюмка была поднесена товарищу свата, но онъ ничего не подарилъ и невѣста ему не поклонилась. Пятую рюмку поднесла мнѣ, сидящему у стола, и я подарилъ невѣстѣ полученные три копѣйки, но и мнѣ невѣста не поклонилась. Послѣ угощенія насъ получили таковое прочіе зрители въ избѣ. Во все время сидѣнія за столомъ сватовей предъ нами стояли рюмки съ кумышкой; если таковыя выпивались, кто-нибудь изъ женщинъ опять наливалъ и такимъ образомъ рюмка порожняя не оставалась. Такъ прошло времени нѣсколько часовъ. За столомъ ни о калымѣ, ни о приданомъ не было никакой рѣчи, вѣроятно объ этихъ предметахъ они говорили ранѣе. Но вотъ въ концѣ ужина сватъ вынулъ изъ бумажника пачку кредитныхъ билетовъ, а на верхъ положилъ золотой полуимперіалъ и пачку эту съ золотымъ положилъ предъ отцемъ невѣсты, говоря: «ну, больше положить у насъ состоянья нѣтъ». Я думалъ, что отецъ невѣсты возьметъ всѣ выложенныя деньги, но, вопреки ожиданію, онъ взялъ только трехрублевый билетъ, а остальные возвратилъ свату обратно. Еще просидѣли съ четверть часа и вышли. Тѣмъ, кажется, сватовство или просватанье невѣсты и окончилось. Въ избѣ въ это время народу было множество, въ томъ числѣ и дѣти обоего пола, которые пришли въ качествѣ зрителей. Я подъ обаяніемъ окружающаго незамѣтно для себя провелъ время за полночь и началъ чувствовать въ себѣ слабость вслѣдствіе позыва ко сну, почему и долженъ былъ отправиться во-свояси.

Черезъ нѣсколько времени, примѣрно черезъ недѣлю послѣ просватанья невѣсты, отецъ невѣсты приглашаетъ свата съ женой и прочими семейными въ гости, и сватъ, во исполненіе обычая, пріѣзжаетъ обыкновенно въ субботу въ разсчетѣ, что въ воскресенье онъ не отвлечетъ своего свата отъ работы; при этомъ беретъ съ собой для угощенія будущей снохи гуся; беретъ еще нѣсколько серебряныхъ монетъ, чыртывесь (шейное ожерелье изъ бусъ) и вообще весь нарядъ для будущей снохи отъ сорочки до

нали, если есть средства исполнить обрядъ блистательно. Такъ какъ сватъ пріѣзжаетъ въ гости вечеромъ, то ночью никакой обрядъ не совершается, а время проходитъ въ разговорахъ, въ распиваніи кумышки, чая и ядѣніи приготовленныхъ кушаньевъ. Утромъ свата приглашаютъ деревенскіе въ гости распивать кумышку и ѣсть приготовленныя кушанья. Сватъ считаетъ непремѣнною обязанностію положить въ концѣ обѣда на край блюда какую-нибудь мѣдную монету, часто въ 3 и 5 коп. Походивши въ сосѣдяхъ до вечера, онъ идетъ уже къ свату для исполненія предъ отъѣздомъ обряда *Пылъ сюдонъ*. Для этого поручаетъ привезеннаго гуся сватьѣ съ просьбой сварить его и сватья, во исполненіе просьбы свата, варитъ гуся и готовитъ другія яства; тѣмъ временемъ въ домъ собираются гости, болѣе въ качествѣ зрителей, такъ какъ большая часть ихъ довольствуются только угощеніемъ кумышкой. Поздно вечеромъ, когда гусь и прочія яства будутъ готовы, свата и пріѣхавшихъ съ нимъ сажаютъ за столъ. Сватья поручаетъ матери невѣсты привезенный нарядъ: рубаху, сукманъ, фартукъ, шаль, лапти и проч., словомъ, повторяемъ, весь нарядъ для невѣсты и проситъ передать невѣстѣ. Въ блюдо съ искрошеннымъ мясомъ гуся сватъ кладетъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и мать невѣсты, взявши нарядъ, блюдо съ мясомъ гуся и серебряными монетами да еще, кромѣ того, бутылку съ кумышкой, идетъ въ отдѣльную избу, гдѣ сидитъ съ подружками невѣста, въ ожиданіи наряда. Она надѣваетъ на себя принесенный нарядъ, садится за столъ съ подружками; мать отдаетъ ей кусокъ гусинаго мяса, и она, отщипнувши отъ куска частичку, передаетъ кусокъ и прочимъ подружкамъ, а равно и находящимся тутъ родственникамъ; затѣмъ мать вручаетъ невѣстѣ бутылку съ кумышкой и деньги. Одну монету, напримѣръ, пятіалтынный невѣста даритъ своей любимой подругѣ, которая наряжала ее. Послѣ этого невѣста выходитъ изъ за стола и въ сопровожденіи своихъ подругъ идетъ съ бутылкой въ другую избу; становится къ столу и подноситъ первую рюмку отцу, другую—будущему свекру, затѣмъ свекрови и т. д. Каждый, начиная со свекра, даритъ ей, положивши на правый рукавъ, серебряную монету, и за это она кланяется каждому подарившему въ ноги. Послѣ этого угощаетъ и прочихъ гостей, находящихся въ избѣ. Въ угощеніи и въ раз-

говорахъ время проходитъ до полуночи и затѣмъ гости уѣзжаютъ. Тѣмъ и оканчивается нылъ сюдонъ.

Замѣчательно, что во всѣхъ обрядностяхъ вотяковъ видную роль играютъ деньги, особенно серебряныя монеты, даже и въ такъ называемомъ *Сялтымъ*, который мы видѣли у племени же Пуньи. Не лишнимъ считаемъ кое-что сообщить объ немъ. Сялтымъ распадается на двѣ части: первая часть называется собственно *сялтыманъ*—вымогательство отъ кума-воспріемника или отъ кумы-воспріемницы кумышки подъ страхомъ купанья или погруженья въ прорубь на рѣкѣ; затѣмъ вторая часть—*сялтымъ*, когда воспріемникъ, бывшій на шортъ миськонѣ у кумы, угощаетъ гостей кумышкой, выставленной ему кумой.

Извѣстно, что шортъ миськонъ (мытіе пряжи) у вотяковъ составляетъ главный бабій праздникъ, когда бабы готовятъ различное угощенье для мыльщиковъ пряжи. На этотъ праздникъ въ качествѣ мыльщика приглашается и кумъ-воспріемникъ или его жена. На рѣчкѣ у проруби, гдѣ моютъ пряжу, куму или кумѣ угрожаютъ погруженьемъ въ воду, чтобы этимъ путемъ получить обѣщаніе выставить четверть ведра или менѣе кумышки. Если обѣщаніе будетъ дано, освобождаютъ отъ погруженія, а если нѣтъ—купаютъ, т. е. погружаютъ ноги въ воду (сялтыманъ), но обыкновенно это имѣетъ только значеніе шутки, поэтому и самый актъ купанья сопровождается дружнымъ смѣхомъ и хохотомъ. Есть, конечно, и такіе, что никакія угрозы и никакія купанья (т. е. погруженья ногъ въ воду) не могутъ поколебать ихъ и они остаются твердыми, чтобы не показать себя трусами, и вымогающіе должны отступиться, оставшись побѣжденными, а побѣдитель посмѣивается надъ ними, говоря: что-де взяли? отступились же, несолоно хлѣбавши. Но какъ бы то ни было, а кумышка выставляется кумой воспріемника вечеромъ на сялтымѣ. Вотъ въ чемъ заключается сялтымъ: кумъ съ прочими гостями садится къ краю стола на лавку и ему кума вручаетъ четвертную бутыль съ кумышкой, поставивъ ее предъ ними на столъ, а рядомъ съ бутылью рюмку съ кумышкой. Кромѣ этого кума кладетъ предъ кумомъ платокъ цѣнностью около 25 коп. и проситъ принять этотъ подарокъ и угощать кумышкой, какъ своей, кого хочетъ, но обыкновенно, по обычаю, должно первую рюмку выпить самому, вторую—

подать хозяину-куму, третью—хозяйкѣ-кумѣ, затѣмъ, если есть еще другой кумъ—ему и т. д. по старшинству, установленному обычаемъ. Каждый выпившій рюмку отъ гостя-кума, даже хозяинъ, дастъ ему монету, часто серебряную, каковыя потомъ гость передастъ своей кумѣ, а выпивши отъ кумы рюмку, даритъ ей монету. Угостивши такимъ образомъ близь стоящихъ, гость-воспріемникъ вручаетъ бутылку обратно кумѣ-хозяйкѣ. Затѣмъ въ числѣ прочихъ, сидящихъ за столомъ, ѣстъ, что ему желательно; на столѣ въ это время разставлены блюда, тарелки съ жаркимъ, съ пирогами и проч.: есть такъ называемыя «постряпушки» и изъ бѣлой муки (крупчатки). Женщины во время ужина гостей поютъ пѣсни.

Повѣрья и легенды.

Вуко—мельница. Мельницу сначала выдумалъ Ву-Муртъ, но она у него не дѣйствовала. Ву-Муртъ обратился къ Богу и онъ положилъ на валъ, поддерживающій водяное колесо, крестъ и мельница пошла въ дѣйствіе. Ву-Муртъ спросилъ Бога: «что я буду ѣсть?» Богъ отвѣтилъ: «если какой помольщикъ будетъ утаивать вѣсъ жита, привезеннаго для размола, то утаенная мука будетъ твоя». Такъ дѣлается и теперь. Кто утаиваетъ отъ мельника вѣсъ жита, т. е. сказываетъ меньше того количества, какое на самомъ дѣлѣ есть, то утаенная часть поступаетъ Ву-Мурту. А утаиваютъ помольщики для того, чтобы недоплатить за размолъ. (Василій Григорьевъ).

Музъемь ошъ—быкъ въ землѣ. Въ землѣ ходитъ огромный быкъ, такъ что иногда земля колеблется. Если этотъ быкъ увидитъ солнечный свѣтъ—непремѣнно околѣетъ, потому что одинъ видъ солнца убиваетъ его, какъ убиваетъ или уничтожаетъ свѣтъ тьму. Находимыя въ землѣ кости допотопныхъ животныхъ выдаются за кости вышеозначеннаго животнаго. Лѣтомъ 1887 года одинъ крестьянинъ въ Завьяловской волости нашелъ въ берегѣ рѣки рогъ допотопнаго животнаго вѣсомъ, какъ говорятъ, пуда въ три и рогъ этотъ вотяками и русскими выдается за рогъ земного быка. «Увидѣлъ, высунувши голову изъ берега, солнце и издохъ»—говорятъ вотяки и русскіе.

Инъ-мушъ —небесныя пчелы. Есть пчелы на землѣ, есть въ землѣ, есть и на небѣ. Небесныя пчелы играютъ послѣ выхода роевъ обыкновенныхъ пчелъ. Тогда онѣ спускаются къ землѣ близко и шумятъ надъ головой подобно тому, какъ шумитъ отъ вѣтра лѣсъ. Сила Инъ-мупа очень велика, именно въ три копны т. е. масса пчелъ составляетъ три копны величиной.

Князь пчелъ. У пчелъ есть князекъ, величиной въ полтора вершка. Въ завѣдываніи его находится несмѣтное число роевъ. Если летитъ этотъ князекъ, за нимъ слѣдуютъ пчелы тучей, такъ что они заслоняютъ собой и солнечные лучи. Кто поймаетъ этого князька, въ завѣдываніи его будетъ несмѣтное число роевъ, но поймать этого князька едва ли кто можетъ, потому что поймавшаго пчелы въ ясный день задушатъ. Повѣрье такого рода мы слышали и отъ русскихъ.

Горы и *долы*. У вѣтра съ дождемъ не стало миру и они разсорились. Тогда начали они другъ предъ другомъ выказывать свою силу, свою мочь, чтобы одному другаго побѣдить. Дождь льетъ какъ изъ ведра и говоритъ: «я изрою всю землю и нигдѣ ровного мѣста не оставлю», а вѣтеръ дуетъ, несется какъ ураганъ съ воемъ и кричитъ: «я соберу землю въ груду». Вѣтеръ вѣетъ, собирая землю въ груду, дождь льетъ и водой прорываетъ—изрываваетъ собранную вѣтромъ землю и отъ этого образуются овраги и долы. «Вотъ отъ этого и произошли горы и низменности», говорятъ вотяки.

У русскихъ о горахъ существуетъ такое повѣрье. Когда Господь составилъ землю, злые духи сказали Ему: «мы не будемъ тебѣ помогать, подчиняться»; а начальникъ ихъ укралъ у Господа клочекъ земли и положилъ за щеку. За щекой его земля начала быстро рости и отъ этого ротъ его начало разворачивать. Онъ сталъ ходить вездѣ и разбрасывать землю, украденную у Господа. Гдѣ бросилъ земли много, образовались большія горы, гдѣ мало—образовались холмы. «Отъ этого образовались горы и холмы». говорятъ русскіе. (Тих. Фрол.).

О низменностяхъ и буеракахъ у русскихъ существуетъ еще такое повѣрье: «когда произошла на небѣ война, Архангелъ толкалъ діавола; діаволъ низринулся на землю и тамъ опять его начали толкать, чтобы провалился онъ сквозь землю. Падая на землю

и кувыркаясь отъ толчковъ Архангела, діаволъ изрылъ землю рогами и отъ этого образовались рвы и низменности» (Ник. Тепьс.).

Церковь. Ву-Мурты сватали у попа дочь, которая была сказочной красоты и сильно понравилась имъ. Попъ не соглашался выдать дочь за Ву-Мурта, а Ву-Мурты какъ мухи льнутъ къ попу. Наконецъ у попа лопнуло терпѣніе и говоритъ онъ: «постройте мнѣ каменную церковь въ одну ночь до утренняго петлоглашенія и я выдамъ дочь»; попъ былъ твердо убѣжденъ, что церкви Ву-Муртамъ въ такое короткое время не сласть. Ву-Мурты согласились и принялись за дѣло. Кто носитъ глину, кто песокъ, кто дѣлаетъ кирпичи; иной обжигаетъ, а иной уже кладетъ,—кипитъ работа какъ у муравьевъ въ муравейникѣ. Надѣлали кирпичей, обожгли и приступили къ кладкѣ церкви. Попъ смотритъ изъ окна и не вѣритъ глазамъ. Вотъ ужъ немного остается работы. Принесъ попъ пѣтуха и щекотитъ его, чтобы онъ запѣлъ, но сколько ни щекотилъ—пѣтухъ до времени не запѣлъ. Склали Ву-Мурты церковь, только не водрузили на ней креста. Пошли Ву-Мурты къ попу требовать выдачи дочери и запѣлъ пѣтухъ.

— «Ну, церковь склали, присватывай дочь».—говорятъ попу Ву-Мурты.

— «Церковь не готова»,—возражаетъ попъ.

— «Почему?»

— «Потому что на ней нѣтъ креста, а безъ креста церковь—не церковь».

— «Креста мы не могли найдти»,—говорятъ Ву-Мурты.

— «Если не нашли, значитъ и церковь не готова, слѣдовательно я воленъ не выдать за вашего жениха дочь».

Ву-Мурты ничего не могли сдѣлать и ушли.

Церковь эта, говорятъ, въ Москвѣ (Елизаръ Евсѣевъ).

Мизгирь и *вѣтеръ* (ченари и тӧлъ). Чтобы мизгирь не заслонялъ паутиной лучей солнца и тѣмъ не лишалъ свѣта, Богъ далъ вѣтеръ, чтобы онъ разметалъ паутину, но вѣтеръ подчинился Нюлэсмурту и сталъ сильно дуть, и отъ этого лѣса начали валиться. Богъ заключилъ Нюлэсмурта за рѣшетку, оковалъ его цѣпями и Нюлэсмуртъ дуетъ теперь только сквозь рѣшетку, которая, когда ходитъ Нюлэсмуртъ, всегда передъ нимъ. Если бы

была дана Нюлэсмурту полная воля, нельзя было бы жить на землѣ. У вѣтра, говорятъ вотяки, есть руки и ноги.

Повѣрье у русскихъ, между прочимъ, о вѣтрѣ и смерти говоритъ такъ:

Сидятъ вѣтеръ и смерть и толкуютъ между собой:

— «Если бы Богъ, отпустилъ меня», говоритъ вѣтеръ, «я раздулъ бы всѣ горы».

«Если бы мнѣ дана была воля»,—говоритъ въ свою очередь смерть,—«такъ я косила бы людей какъ траву».

Биться объ закладъ (ӧчешыны) не слѣдуетъ: потеряешь свою голову. На такомъ повѣрьи основаны разсказы, но мы приведемъ для примѣра одинъ короткій, безсодержательный. Бились, говорятъ, два человѣка: одинъ говоритъ: «я буду ночевать на кладбищѣ», другой—«въ амбаръ-житницѣ (иные говорятъ въ заброшенной нежилой избѣ)». Кто ночевалъ на кладбищѣ, остался живъ и пошелъ въ амбаръ къ товарищу. Дошелъ до амбара и кричитъ: «айда!» при этомъ называетъ его по имени. Товарищъ его не отвѣчаетъ: вмѣсто него изъ клѣти отвѣчаютъ шайтаны: «погоди, еще внутренности изъ него (товарища) не вытасканы». Ясно стало ночевавшему на кладбищѣ, что товарищъ его погибъ: его анатомируютъ бѣсы, живущіе въ нежилой избѣ.

Родимое пятно (мень). Безъ родимого пятна не родится никакой человѣкъ. Кто своего родимаго пятна не видитъ—долговѣченъ и счастливъ.

Хиромантія. Если на обратной сторонѣ ладони вены приняли подобіе лошадинаго копыта—человѣкъ счастливъ на коней: если же онѣ приняли подобіе коровьихъ ногъ—будетъ счастливъ на коровъ, т. е. будутъ у него вестись коровы. У кого на ладони линіи идутъ на безымянный палецъ, также если линіи пересѣкаютъ другъ друга—человѣкъ счастливъ. Перепутанныя на завязи (на обратной сторонѣ ладони) вены означаютъ долговѣчность. Ямки на шеѣ подъ затылкомъ характеризуютъ обманщика, лукаваго. У кого тѣло мохнато—счастливъ.

Ящерица (кензяли). Если увидишь весной первую ящерицу—убей и бери: это—амулетъ.

Летучая мышь (уткычъ). Высуши и положи это животное на ворота—племя хорошихъ коней не будетъ переводиться.

Свѣча на люстрѣ въ церкви. Нѣсколько разъ случалось намъ видѣть по воскресеньямъ на церковной люстрѣ свѣчи, которыя обыкновенно зажигаются только въ особые торжественные праздники; по воскресеньямъ же во время службы зажигалась только одна свѣчка. На это мы, конечно, не обращали вниманія, но вотъ однажды одинъ вотячекъ проситъ церковнаго сторожа поставить въ люстру свѣчу, но почему именно въ люстру, а не предъ иконой, онъ, конечно, не говоритъ сторожу, а я спросить его считалъ дѣломъ неприличнымъ.

— «Зачѣмъ онъ ставитъ свѣчу на люстрѣ?»—обратился я къ сторожу изъ пустого любопытства.

— «У него, должно быть, потерялись деньги или что другое и онъ предаетъ вора суду Божію»,—сказалъ на это сторожъ-вотякъ.

— «Развѣ это угодно Богу?»

— «Если поставить —угодно; проси у Бога и услышитъ онъ. Кто укралъ, того Богъ жестоко накажетъ».

Пылъ дышетонъ турынъ. Корень этой травы, по повѣрью вотяковъ, имѣетъ силу привораживать. Трава, говорятъ, вышиной около 2 четв.; цвѣты на ней синіе, растетъ на горахъ; корень ея бѣлый на подобіе двухъ нагихъ мужчины и женщины.

Кöчёнъ турынъ—переселительная трава. Если съѣстъ эту траву конь, то онъ будетъ бѣжать по одному направленію до тѣхъ поръ, пока не испражнится двадцать разъ. Говорятъ, что отъ этой травы рѣдкій конь остается живъ, если съѣстъ ее.

Воровать беременной женщинѣ не слѣдуетъ: что она украдетъ, то изобразится на лицѣ или на тѣлѣ ребенка. Одна женщина говорила намъ, что она однажды, не желая идти въ амбаръ за мукой, украла у постоялки, во время своей беременности, горсть муки и ребенокъ у ней родился весь въ мукѣ.

Затмѣніе солнца. На солнце нападаетъ Убиръ и отъ этого заслоняются лучи; Убиръ хочетъ съѣсть солнце, но солнце не поддается. По поводу полнаго затмѣнія солнца 6 августа 1887 года нѣкоторые вотяки толковали, что куда-нибудь ѣздилъ Государь и поэтому закатывалось солнце.

Затмѣніе луны. На луну нападаетъ Убиръ, чтобы пожрать ее, но она все-таки не поддается или Богъ не даетъ.

Восходъ солнца. Когда солнце восходитъ, издаетъ трескъ—тэчыръ на подобіе того, какъ загораются въ печи пихтовые дрова. Трескъ этотъ утромъ слышитъ сильный, ретивый конь.

Сьöсь (хищникъ, напримѣръ, волкъ). Когда звѣрь голоденъ, поднимаетъ рыло къ небу и воетъ, прося у Бога пищи. Въ это время Богъ назначаетъ ему въ пищу кого-нибудь изъ животныхъ, *кылдытэ*—предопредѣляетъ. Если во время воя въ пасть звѣря попадетъ шерстинка овечки, съѣстъ овечку, если коровы—корову и т. д., если же попадетъ волосокъ человѣка, съѣстъ и человѣка. Вообще, говорятъ вотяки, безъ воли Божіей никто не погибнетъ (Инмаръ калдытытэкъ удъ быръ).

Лягушка (тэкчась, эбекъ). Поймай и брось это животное въ топящуюся печь и три дня не заходи въ избу. Послѣ этого въ избѣ не будетъ клоповъ.

Желтая бабочка (чужъ бубыли). Если увидишь весной въ первый разъ это насѣкомое, поймай его, высуши и обрати въ порошокъ. Это будетъ лекарство отъ болѣзни желтухи. Эту же бабочку иные кормятъ въ порошкѣ кобылицѣ, чтобы она принесла жеребчика-иноходца.

Зоръ посъкы (птичка изъ породы ласточекъ, но хвостъ не какъ у обыкновенной ласточки). Эту птичку иные ищутъ нарочно, чтобы скормить ее въ порошкѣ кобылицѣ, которая, говорятъ, отъ такого порошка родитъ сильнаго жеребчика.

Центръ земного шара. По повѣрью вотяковъ, въ центрѣ земли есть такіе же люди, какъ и мы, но они ростомъ гораздо ниже насъ, какъ дѣти. Въ землѣ есть и пѣтухи — *кылчинъ атасъ.* Когда запоетъ кылчинъ атасъ, тогда запоютъ и наши пѣтухи. Есть даже, говорятъ, люди и выше насъ, т. е. надъ нами; они великаны противъ насъ.

Колдунъ (вегинъ муртъ, еретникъ). Искусный колдунъ легко оборачивается въ свою тѣнь, а образъ его ничто иное какъ тѣнь колдуна. Поэтому, если будешь бить колдуна, не причинишь ему вреда, а будешь бить его тѣнь—колдуна легко убьешь. Такъ какъ колдуны, по повѣрью, въ ночь на великій четвертокъ выслушиваютъ слова людей подъ окнами, то чтобы колдунъ былъ глухъ, слѣдуетъ только пошевелить сковороду.

Сорока (кочо). Если сорока сядетъ къ окну и будетъ стреко-

тать не весело, это—колдунъ; если же стрекочетъ весело, это—дѣйствительная сорока, предвѣщающая прибытіе гостей.

Саженцы (сады, посаженные человѣкомъ). Кто посадитъ деревья и они будутъ толщиной съ шею посадившаго, посадившій ихъ умретъ. Иные такое повѣрье относятъ только къ осинѣ да березѣ.

Кукушка (кикы). Гдѣ кукуетъ кукушка, въ той сторонѣ больше будетъ роевъ пчелъ.

Первый человѣкъ. Это было на востокѣ. Богъ начерталъ на красной глинѣ изображеніе человѣка. Спаситель въ это изображенье брызнулъ свою кровь; Духъ святый дунулъ на него и изображенье сдѣлалось человѣкомъ; человѣкъ дышалъ, но еще не вставалъ. Богъ ушелъ отъ человѣка, приставивши къ нему собаку, чтобы она стерегла его отъ діавола, а должно замѣтить, что въ это время у собаки еще не было шерсти. Когда собака стерегла человѣка, приходитъ туда діаволъ и говоритъ собакѣ: пусти меня къ человѣку, я посмотрю на него, но собака не пускаетъ. Діаволъ зналъ, что собакѣ холодно безъ шерсти, зналъ также, что собаку не хитро обмануть. И говоритъ онъ собакѣ: «пусти меня къ человѣку, за это я дамъ тебѣ на тѣло теплую шерсть; вѣдь ты зябнешь же безъ шерсти». Собака согласилась на это и пустила діавола къ человѣку, получивши на тѣло теплую шерсть. Воспользовавшись случаемъ, діаволъ подошелъ къ человѣку и наплевалъ на него такъ гадко, что совсѣмъ его обезобразилъ и вдобавокъ его истыкалъ еще. Приходитъ Господь и, видя на человѣкѣ харчки и ранки, говоритъ діаволу: «что ты сдѣлалъ?» Діаволъ отвѣчаетъ: «а вотъ что это значитъ: истыканныя мѣста войдутъ въ человѣка и будутъ служить зародышами различныхъ болѣзней, которыя потомъ будутъ выходить въ наружу. Иныя болѣзни человѣкъ будетъ изрыгать въ видѣ харчковъ. Если человѣкъ не будетъ хворать, Тебя забудетъ, а если будетъ хворать—будетъ обращаться къ Тебѣ». Такъ и вошли слюна и раны въ человѣка. Вотъ отъ этого и появились слюна и болѣзни (Тимоѳ. Григор.).

Легенда эта хотя и услышана отъ неграмотнаго вотяка, но должно полагать, что она взята отъ русскихъ, такъ какъ неграмотные вотяки представленіе о св. Духѣ и Спасителѣ имѣютъ неясное.

Другая легенда о первомъ человѣкѣ говоритъ: Богъ сотворилъ человѣка и приставилъ къ нему сторожемъ собаку. У собаки шерсти не было и она, дрожа всѣмъ тѣломъ, стала выть, поднявши рыло къ небу, чтобы Богъ далъ ей шерсть. Собака не могла терпѣть и убѣжала: а діаволъ, пришедши къ человѣку, наплевалъ на него.

Подобная же легенда существуетъ и у русскихъ, но у нихъ разсказывается иначе, именно: «когда караулила человѣка собака», говорятъ они, «діаволъ пришелъ къ ней и говоритъ: зачѣмъ ты караулишь человѣка? только зябнешь изъ за него: иди, куда хочешь, —я буду вмѣсто тебя стеречь». Собака ушла и діаволъ наплевалъ и нахаркалъ на человѣка..

Третья легенда о первомъ человѣкѣ услышана нами отъ вотяка, Осипа Эмельянова, поч. Шляпина. Она слѣдующаго содержанія:

Господь слѣпилъ изъ красной глины изображеніе человѣка. Когда изображеніе (статуя) получилось, Господь дунулъ въ уста и человѣкъ сталъ дышать и чрезъ нѣсколько времени заговорилъ и пошелъ на ногахъ. Человѣкъ вышелъ красивый. И говоритъ Господь ему: «когда ты выростешь и размножишься—пойдешь въ землю же, т. е. въ ту матерію, изъ какой ты составленъ. Тебѣ я укажу мѣсто на такой-то горѣ; тамъ тебя дѣти твои похоронятъ». Но прежде смерти ты состаришься: состарится и потомство твое».

Подобныя легенды существуютъ и у Черемисъ. Г. Бехтеревъ въ своей статьѣ «Вотяки», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1880 г., сообщаетъ такія сказанія:

Когда Юмо творилъ землю, то велѣлъ Керемету, плававшему по безграничнымъ водамъ въ видѣ селезня, достать со дна морскаго земли. Кереметъ, дѣйствительно, спустился на дно и досталъ земли. но отдалъ Юмѣ не всю землю. а часть оставилъ во рту. Когда Юмо на поданную землю дунулъ и велѣлъ покрыть ею воды (первоначально все было покрыто водой) и Кереметъ также выбросилъ свою землю изо рта. Гдѣ бросилъ землю Юмо, тамъ получились равнины, прекрасныя пастбища и лѣса, а гдѣ плюнулъ Кереметъ, тамъ получились горы и голыя скалы. Въ другой разъ. когда Юмо творилъ шукчіевъ изъ камня, ударяя по немъ тяжелымъ молотомъ, причемъ отлетавшія искры превращались въ шукчіевъ, Кереметъ, во время сна Юмо, захотѣлъ сдѣлать то же; но,

вмѣсто шукчіевъ, искры отъ ударовъ молота Керемета превращались въ злыхъ духовъ. При сотвореніи Юмою человѣка, Кереметъ снова вмѣшался. По словамъ южныхъ черемисъ (Казанской и Вятской губ.), говоритъ авторъ, когда Юмо сотворилъ тѣло перваго человѣка и отошелъ въ другое мѣсто для сотворенія души, оставивъ при тѣлѣ чернаго пса, какъ хранителя, Кереметъ не замедлилъ воспользоваться отсутствіемъ Юмы и для того, чтобы склонить на свою сторону пса, охраняющаго человѣческое тѣло, произвелъ такой холодъ, что песъ едва не замерзъ; и когда Кереметъ снабдилъ пса густою шерстью, то послѣдній, въ благодарность къ Керемету, допустилъ его къ тѣлу. Тогда Кереметъ плюнулъ на тѣло человѣка, чѣмъ и положивъ въ немъ грѣховное начало.

Въ разсказѣ г. В. Губаревичъ-Радобыльской, помѣщенной въ журналѣ «Юная Россія», (№№ 13—14, 1885 г.) говорится, что Богъ истинный—Инмаръ, по сказаніямъ вотяковъ, сотворилъ міръ. Онъ сдѣлалъ человѣка изъ красной глины и устроилъ для него садъ, насажденный самимъ Создателемъ фруктовыми деревьями. Для жизни перваго человѣка было все устроено, такъ что ему не надо было ни работать, ни заботиться ни о чемъ. Послѣ человѣка Инмаръ сотворилъ звѣрей и повелѣлъ имъ слушаться человѣка или урома, а послѣднему повелѣлъ слушаться его. Когда человѣкъ скучалъ, Инмаръ чрезъ Керемета научилъ его дѣлать кумышку, чтобы этимъ напиткомъ разгонять скуку. Не помогла и кумышка: человѣкъ все скучалъ. Человѣкъ сталъ просить жену—и Инмаръ сотворилъ ему ее. Сотворивши человѣку жену, Инмаръ пошелъ было изъ рая, да вдругъ увидѣлъ чашку. Посмотрѣлъ онъ въ нее и видитъ тамъ кумышку, смѣшанную со смертью, а это сдѣлалъ (съ кумышкой смѣшавъ смерть) Кереметъ. Видя это, Инмаръ запретилъ человѣку пить кумышку. Но Кереметъ сталъ человѣка вводить въ грѣхъ, соблазнять на худыя дѣла. Онъ сдѣлалъ жену человѣка любопытною, слѣдствіемъ чего, какъ увидимъ ниже, было то, что человѣкъ выпилъ кумышки со смертью. Жена человѣка, открывъ изъ любопытства чашку съ кумышкой, захотѣла выпить этотъ напитокъ и, выпивши полчашки, половину оставила мужу, который тоже выпилъ остальную кумышку. Такъ и согрѣшили они и сдѣлались смертными. И выгналъ ихъ Инмаръ изъ рая.

Такое же сказаніе сообщаетъ въ своей статьѣ «Вотяки» и

Бехтеревъ; и тотъ и другой авторъ Инмара и Керемета считаютъ равносильными, состоящими въ братскомъ родствѣ.

Мы не знаемъ на сколько вѣрно существованіе такихъ сказаній у Казанскихъ и прочихъ вотяковъ, но вотяки описываемой нами мѣстности далеки отъ такого вѣрованія: Инмаромъ они называютъ Вседержителя, творца вселенной, Кереметъ же, по понятіямъ ихъ, собственно духъ зла, насылающій болѣзни. Если, дѣйствительно, такія сказанія вышеупомянутыхъ авторовъ не принадлежатъ къ числу произведеній фантазіи, то, несомнѣнно, свѣдѣнія эти записаны авторами отъ черемисъ или, быть можетъ, услышаны отъ вотяковъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ черемисами. По поводу статьи Бехтерева мы нѣсколько разъ спрашивали вотяковъ и въ результатѣ получилось то, что Инмаръ—Господь, а Кереметъ—злой духъ. «Какъ можно это говорить?! Инмаръ—Богъ, Кереметъ—діаволъ» говорятъ вотяки. Вообще въ статьѣ Бехтерева, не говоря уже о статьяхъ другихъ авторовъ, которыя привелось намъ читать, не всѣ свѣдѣнія можно отнести къ цѣлому вотякскому племени.

Жена перваго человѣка. Прекрасна была природа, сотворенная Богомъ, прекрасенъ былъ лицомъ и станомъ и первый человѣкъ, сотворенный имъ изъ красной глины; но человѣкъ этотъ, не найдя между сотворенными животными подобнаго себѣ товарища, съ кѣмъ бы можно было вести бесѣду, скучалъ. Богъ сжалился надъ нимъ и сотворилъ ему товарища, подобнаго же ему, но женскаго пола. Вотъ какъ это совершилось: когда человѣкъ погрузился въ крѣпкій сонъ, Богъ вынулъ изъ праваго бока (иные говорятъ—изъ лѣваго) ребро (по сказу нѣкоторыхъ, три ребра) и положилъ это ребро со спящимъ человѣкомъ рядомъ. Богъ дунулъ на это ребро и изъ него образовался человѣкъ другаго пола, но красивѣе мущины и бѣлѣе, потому что ребро было бѣлое. Когда человѣкъ проснулся, увидѣлъ возлѣ себя товарища и говоритъ: жена! (Тимоѳ. Григорьевъ и Семенъ Козьминъ).

Ной. Люди сильно согрѣшили предъ Богомъ и Богъ осудилъ ихъ на истребленіе потопомъ. Когда покрылась водою земля и чрезъ нѣсколько времени дождь остановился, Ной послалъ ворона искать землю на югъ, но воронъ, вопреки повелѣнію Ноя, улетѣлъ на западъ и не вернулся. Затѣмъ Ной послалъ голубя на востокъ и онъ, голубь, полетавши тамъ, принесъ землю. Ной за это полю-

билъ голубя, а ворона сталъ ненавидѣть. Голубю за послушанье далъ мѣсто около строеній и опредѣлилъ ему питаться зернами хлѣбныхъ растеній, а ворону далъ мѣсто вдали отъ строеній, сказавъ ему: иди ты, питайся мертвыми тѣлами. Поэтому и живутъ голуби около домовъ, а вороны—вдали отъ строеній и даже не смѣютъ садиться на строенія.

Въ прежде изданной нашей книгѣ «Вотяки Сосновскаго края» мы помѣстили, между прочимъ, повѣрье о собакѣ и кошкѣ, по которому у собаки шерсть нечиста, а у кошки языкъ нечистъ *). Изъ первой легенды о первомъ человѣкѣ мы уже знаемъ, почему вотяки шерсть собаки считаютъ нечистой. Теперь остается сказать о языкѣ кошки—почему его вотяки считаютъ нечистымъ. Это узнаемъ изъ нижеслѣдующей легенды, которую хотя мы и слышали отъ русскихъ, но, вѣроятно, эта легенда существуетъ и у вотяковъ и можно полагать, что она усвоена русскими отъ вотяковъ или, наоборотъ, о языкѣ кошки повѣрье вотяками заимствовано отъ русскихъ. Когда Ной, говорятъ русскіе (Петръ Ивановъ Бочкаревъ с. Юльскаго), построилъ корабль и вошелъ въ него со своимъ семействомъ и животными, пошелъ сильный дождь и рѣки вышли изъ береговъ. Ной зоветъ въ корабль свою жену, но она почему-то все медлитъ, между тѣмъ вода быстро прибываетъ. Наконецъ Ной вышелъ изъ терпѣнья и съ гнѣвомъ сказалъ женѣ: иди скорѣе, проклятая! Тогда вошла жена его, но съ ней вошелъ невидимо и діаволъ-проклятый, такъ какъ Ной звалъ проклятаго. Долы наполнились водой, горы покрываются, ковчегъ плаваетъ, всѣ животныя гибнутъ. Діаволъ въ ковчегѣ сталъ думать думу большую—какъ бы погубить Ноя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ и выдумалъ слѣдующее: надо, говоритъ онъ себѣ, войдти въ мышь и прогрызть на днѣ дыру, чтобы попала въ ковчегъ вода. Подумавши такъ, онъ вошелъ въ мышь. Мышь эта нашла уголокъ и грызетъ незамѣтно ни для кого полъ. Въ это время левъ выфыркнулъ изъ ноздри кошку и это новое животное, котораго еще не было въ ковчегѣ, съѣло мышь. Такимъ образомъ и

*) См. Записки И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XIV, вып. 2. «Вотяки Сосновскаго края» 1886 г., стр. 14.

появилась кошка. Теперь понятно, почему вотяки языкъ кошки считаютъ нечистой.

Легенда о Спаситель. Во время оно, говорятъ вотяки, былъ на землѣ человѣкъ святой. Онъ ходилъ вездѣ, уча людей новой вѣрѣ, творилъ чудеса: глухимъ давалъ слухъ, слѣпымъ глаза (зрѣніе), хромымъ ноги и проч. Его возненавидѣли и пригвоздили (не говорятъ къ чему) руки и ноги; хотѣли вдобавокъ вбить гвоздь еще въ сердце, но въ это время на грудь Его сѣла пчела и враги, увидѣвши, что на груди Его есть уже гвоздь (пчела казалась шляпкой гвоздя), не вколотили его (Тимоѳ. Григор.).

Въ легендѣ русскихъ о Спасителѣ, между прочимъ, говорится, что когда жиды хотѣли вбить гвоздь въ сердце Спасителя, на грудь Его сѣла муха и они, принявши это за шляпку, не вколотили гвоздя.

О пчелѣ вотяки говорятъ, что убить ее великій грѣхъ, такъ какъ ее далъ Духъ-Святъ; она, говорятъ, трудится и для Бога, и для людей цѣлое лѣто. О ней сложилась у нихъ еще такая легенда: когда Кылдысинъ ходилъ по землѣ и спрашивалъ животныхъ о жизни ихъ и о пользѣ, какую они приносятъ для Бога и для людей, между прочимъ, увидѣлъ и пчелу и попросилъ у ней меду. Пчела съ радостью угостила Кылдысина медомъ и онъ, Кылдысинъ, сказалъ ей: «пусть у тебя все будетъ такъ; ты приносишь большую пользу и Богу, и людямъ». Встрѣтилъ еще шершня (шекычъ), осу (дуринчи) и шмеля (майсы), у которыхъ тоже былъ медъ, какъ и у пчелы. Кылдысинъ спросилъ у шершня и осы: «есть ли у нихъ медъ?» Они сказали, что у нихъ нѣтъ ничего. Кылдысинъ отвѣтилъ имъ: «пускай у васъ и не будетъ меду никогда. Кто увидитъ васъ—все будетъ норовить убить, чтобы вы не ужалили какъ змѣи». Встрѣтилъ еще шмеля, у котораго тоже было меду много, но шмель, по скупости, далъ только немного, сказавъ, что у него медъ лишь для себя. Кылдысинъ сказалъ: «пускай будетъ у тебя только для себя. Если человѣкъ найдетъ твое гнѣздо съ нѣсколькими каплями меду, медъ съѣстъ и гнѣздо броситъ; найдетъ твое гнѣздо ворона и съѣстъ его съ самимъ тобой». Такъ дѣлается и теперь: пчелу люди любятъ, хранятъ ее зимой въ теплыхъ чуркахъ, а шершней и осъ, увидѣвши, убиваютъ, чтобы они не ужалили; если же найдутъ гнѣздо шме-

лей, медъ съѣдятъ и бросятъ гнѣздо. Увидитъ гнѣздо ворона и съѣстъ его съ летающими около гнѣзда шмелями.

Происхожденіе медвѣдя и нѣкоторыхъ миѳическихъ существъ. У одного старика было четыре сына, любимые, работящіе. Въ одно время Богъ послалъ Ангела спросить у стариковъ, сколько у нихъ сыновей? Всѣ сказали правду, только одинъ старикъ, имѣвшій четырехъ сыновей, сказалъ, что онъ не имѣетъ ихъ; а въ это время одинъ сынъ былъ на вышкѣ (подволокѣ), другой—въ лѣсу, третій—на рѣкѣ, а четвертый былъ въ подпольѣ. Когда, на вопросъ Ангела, онъ отозвался неимѣніемъ сыновей, Ангелъ сказалъ ему: «пусть у тебя и не будетъ ихъ, а сколько было, они не будутъ людьми. И стало такъ: который ушелъ на рѣку—сдѣлался *лягушкой*, который въ лѣсъ—обратился въ *медвѣдя*, а которые были на вышкѣ и въ подпольѣ—сдѣлались *Бустурганами* (Тимоѳ. Григор.). Нѣкоторые говорятъ, что старикъ самъ велѣлъ спрятаться дѣтямъ отъ Ангела.

О лягушкѣ повѣрье русскихъ говоритъ совершенно иначе: одна беременная женщина прокляла находящагося въ своей утробѣ младенца и родила лягушку (Иванъ Чермянинъ).

Другое повѣрье вотяковъ о происхожденіи миѳическихъ существъ говоритъ такъ: Богъ бросилъ вещества, изъ которыхъ сотворенъ человѣкъ, въ воздухъ и они разсѣялись повсюду. Вещества, которыя упали въ воду, сдѣлались *ву-муртами*, которыя упали въ лѣсъ—*нюлэсмуртами* и *медвѣдями*. Слѣдовательно, заключаютъ вотяки, ву-мурты (водяные), нюлэсмурты (лѣшіе) и медвѣди сотворены изъ той же матеріи, изъ которой сотворенъ и человѣкъ. (Семен. Козьм.).

Ву-Муртъ, говорятъ, прежде съ человѣкомъ жилъ дружно и работалъ съ нимъ вмѣстѣ, не ссорился, но когда человѣкъ обманулъ Ву-Мурта, тогда и дружба у нихъ стала врозь. Вотъ какъ это случилось: однажды человѣкъ съ Ву-Муртомъ согласились сѣять вмѣстѣ рожь; посѣяли и рожь уродилась отличная. Ву-Муртъ спрашиваетъ человѣка: «ну, какъ мы будемъ дѣлить этотъ хлѣбъ?» Человѣкъ говоритъ: «ты возьми нижнія части, а я возьму верхнія».—«Ладно», говоритъ Ву-Муртъ, «пусть будетъ такъ». Такъ и сдѣлали: мужикъ взялъ верхнія части (колосья), а Ву-Муртъ нижнія (солому). Измолотилъ человѣкъ колосья и хлѣ-

бомъ наполнилъ цѣлый сусѣкъ. Ву-Муртъ молотилъ-молотилъ—ничего не получилъ. «Обманулъ ты меня плутъ!» говоритъ Ву-Муртъ, почесывая затылокъ, и добавляетъ: «теперь меня не обманешь».

Въ другой разъ согласились они рѣпу сѣять. Посѣяли рѣпу и рѣпа уродилась хорошая. Ву-Муртъ говоритъ человѣку: «ты бери теперь корешки, а я возьму вершки».

— «Ладно, пусть будетъ по твоему», говоритъ человѣкъ. Такъ и сдѣлали,—человѣкъ взялъ корешки (самую рѣпу) и наполнилъ ими цѣлую яму: Ву-Муртъ взялъ вершки (лычъ, листья) и наполнилъ ими свою яму. Вершки у Ву-Мурта сдѣлались навозомъ, а человѣкъ и пироги печетъ, и паренки паритъ, и печенки ѣстъ. Ву-Муртъ сильно разозлился на человѣка, да дѣлать нечего: самъ согласился, слово—законъ. И начали они съ той поры все ссориться. Надоѣлъ человѣку Ву-Муртъ и онъ проклялъ его, говоря: «пусть съ этой поры я увижу тебя только передъ несчастьемъ». Такъ и стало: Ву-Мурта человѣкъ видитъ только предъ несчастьемъ.

Лягушечья кость. Между повѣрьями инородцевъ не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣрье о лягушечьей кости, которая служитъ любовнымъ талисманомъ для привораживанья невѣстъ. Желающій имѣть такой талисманъ долженъ весной найдти пару совокупившихся лягушекъ и запереть ихъ въ дырявую колодку, чтобы онѣ не могли выскочить. Колодку съ лягушками надо положить на муравейникъ и бѣжать, не оглядываясь назадъ, чтобы не видать никакихъ привидѣній и не слыхать крика лягушекъ. Говоримъ «крика», потому что лягушки, по повѣрью, вслѣдствіе боли отъ кусанья муравьями, вскрикиваютъ подобно человѣку. Если бѣгущій услышитъ этотъ крикъ, оглохнетъ. Такъ чрезъ недѣлю останется только одна косточка, которая и должна служить любовнымъ талисманомъ. За косточкой этой слѣдуетъ идти чрезъ недѣлю въ тотъ самый день, въ который положена колодка на муравейникъ.

Какъ дѣйствовать косточкой, повѣрье умалчиваетъ.

Цвѣтокъ папоротника (кикы пьыло). Папоротникъ расцвѣтаетъ въ ночь на Ивановъ день (купанча уй—ночь купальницы травы). Чтобы достать цвѣтокъ этой травы, надо идти въ самое глухое мѣсто, до котораго не доходилъ бы звукъ пѣнія пѣтуховъ и лай собакъ. Пришедши на мѣсто, гдѣ растетъ трава папорот-

никъ, нужно обвести вокругъ себя черту ножемъ и постлать подъ папоротникъ чистую салфетку или скатерть и затѣмъ самому лечь лицомъ къ небу. Передъ полуночью къ чертѣ будутъ подходить шайтаны (бѣсы, черти) и будутъ угрожать смертью, чтобы заставить тебя выйдти изъ черты, но ты не долженъ не только издавать какой-нибудь звукъ, но и шевелиться, а только смотрѣть въ небо и считать звѣзды. Въ самую полночь папоротникъ расцвѣтетъ и на скатерть упадетъ цвѣтокъ. Тутъ лежащій будетъ испытывать неслыханныя страшныя видѣнья и голоса, но нечистую силу до человѣка не допуститъ черта. Когда придетъ минута пѣнія пѣтуховъ, видѣнія исчезнутъ, голоса умолкнутъ и цвѣтокъ папоротника добыть. Этому цвѣтку приписываютъ волшебныя свойства, такъ равно и ту силу, что имѣющій цвѣтокъ будетъ невидимъ.

Подобное же повѣрье существуетъ и у русскихъ.

Кость-невидимка. Чтобы достать эту кость, нужно найдти черную кошку, на которой не было бы ни одного бѣлаго или сѣраго волоса. Съ этой кошкой надо идти въ полночь на Ивановъ день въ баню и варить ее тамъ въ чугункѣ или горшкѣ до тѣхъ поръ, пока не отдѣлится отъ мяса каждая косточка, но надо успѣть сварить до пѣнія пѣтуховъ; когда мясо отдѣлится отъ косточекъ, поставить передъ собою зеркало (сипучконъ) и, смотря въ него, перебирать въ зубахъ отдѣльно каждую косточку. Если косточку будетъ видно въ зеркалѣ, а также если будетъ отражаться въ немъ и лицо твое, косточку слѣдуетъ бросить, затѣмъ взять другую косточку въ зубы и смотрѣть въ зеркало. Такъ надо перебрать въ зубахъ всѣ косточки до тѣхъ поръ, пока въ числѣ костей не окажется *кость-невидимка*: а ее узнаешь потому, что взявши въ зубы, не будетъ видно въ зеркалѣ ни твоего лица, ни самой косточки. Эта кость и есть невидимка.

Въ русской дер. М..., какъ намъ сообщали, въ ночь на Крещенье, два мужика, движимые духомъ суевѣрья, варили въ банѣ кошку въ надеждѣ получить кость-невидимку. Односельцы, пронюхавши это, подвергнули ихъ, въ видѣ кары за проступокъ, водочному штрафу въ размѣрѣ одного ведра.

Папа Римскій. По повѣрью вотяковъ, Папа Римскій—существо сказачное: съ рожденіемъ луны онъ молодъ какъ юноша, а съ ущербомъ—сѣдъ какъ лунь. Повѣрье такое существуетъ вездѣ

и у русскихъ, и различіе между повѣрьями вотяковъ и русскихъ заключается только въ томъ, что вотяки Папу называютъ «Папаримской», т. е. слова Папа и Римскій сливаютъ въ одно.

Несомнѣнно, что такое повѣрье усвоено вотяками отъ русскихъ.

Пѣсни.

Зыбынэ! зыбынэ!
Чорыгъ чипэтъ луодъ-угъ.
Мардзяпэ! мардзяпэ!
Чорыгъ мызь луодъ-угъ
Э кикіэ! кикіэ!
Чорыгъ мöjыгъ луодъ-угъ.
Дзюзъетэ! дзюзъетэ!
Чорыгъ сьöмъ луодъ-угъ.

Зыбынъ—верхняя одежда со сборками, а мардзянъ—ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней краснаго цвѣта (должно разумѣть рубинъ). Мардзянъ въ древнія времена пріобрѣтали вотяки, говорятъ, дорого, на вѣсъ чистаго серебра и золота: такъ напримѣръ, на 1 фунтъ мардзяну давали 1 фунтъ серебра или золота. Ожерелье изъ мардзяна въ древнія времена носили вотячки на груди.

Пѣсенка эта древняя; она сложилась еще во времена, когда финскія племена—Чудь—стояли на нѣкоторой ступени культурнаго развитія. Съ пѣсней этой связанъ вотскій романъ, который говоритъ, что одна дѣвушка—красавица влюбилась въ красавца, сына богача, который чрезъ нѣсколько времени покинулъ ее. Покинутая, чтобы избавиться позора (она была беременна), рѣшилась броситься въ рѣку и передъ кончиной, сидя на берегу рѣки, пѣла такую пѣсню. Въ переводѣ на русскій языкъ складывается такая пѣсенка:

Зыбынъ мой, зыбынъ!
Ты плетнемъ рыбачьимъ будешь.
Мардзянъ мой, мардзянъ!
Ты будешь рыбьей икрой.
О, ручки мои, ручки!
Вы будете кольями плетня.

Дзюзъетъ мой дзюзъетъ (нагрудное украшенье
из серебряныхъ монетъ)!
Ты рыбьей чешуей будешь.

Въ этой пѣсенкѣ выражается невыразимая тоска и отчаяніе. Дѣвушка говоритъ, что, если она утопится, зыбынъ ея будетъ какъ бы плетнемъ рыбачьимъ, какіе устраиваются рыбаками для своихъ рыболовныхъ снастей—мордъ; мардзянъ ея будетъ рыбьей икрой, ручки будутъ служить кольшками плетня, а дзюзъетъ—рыбьей чешуей. Нынѣ ожерелья изъ мардзяна (драгоцѣнныхъ камней) у вотячекъ нигдѣ не встрѣчаются. Употребленіе драгоцѣнныхъ камней, повторяемъ, относится къ древнѣйшимъ временамъ, когда вотяки (Водь и отсюда испорченное слово Вотъ), какъ и другія финскія племена, до переселенія ихъ вслѣдствіе стѣсненія другими племенами, стояли на значительной степени культурнаго развитія. Затѣмъ, когда, послѣ безуспѣшной борьбы, поселились въ дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, они совершенно одичали.

Водь (или вотяки) вышли изъ приалтайской мѣстности, причемъ одна часть направилась къ нынѣшнимъ Петербургской и Новгородской губерніямъ, гдѣ и теперь осталась часть ея въ Ямбургскомъ уѣздѣ (Вотская Пятина); другая же часть Води, выселившись гораздо позднѣе первой, дошла до Прикаспійской степи и здѣсь поселилась преимущественно при рѣкѣ Кушѣ, откуда она уже позднѣе должна была переселиться сѣвернѣе—въ предѣлы нынѣшней Казанской и Вятской губерній, гдѣ и жили они безъ всякаго стремленія къ образованности до времени просвѣщенія христіанскою вѣрою *). Съ этого времени въ жизни ихъ начинается другой періодъ и можно полагать, что они, подъ вліяніемъ русскихъ, въ недалекомъ будущемъ выродятся всѣ, какъ выродились Весь, Меря, Мурома.

Сами вотяки, какъ извѣстно, называютъ себя Удъ-Мортъ (вмѣсто Удъ-Муртъ). Слово Удъ обозначаетъ мѣстности, гдѣ жили

*) По свѣдѣніямъ Бехтерева, остающихся въ язычествѣ вотяковъ къ 1880 г. было 7072, живущихъ въ Малмыжскомъ, Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, и 3224—въ Казанскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ. Всѣхъ вотяковъ-язычниковъ онъ считалъ въ Европейской Россіи не менѣе 10 тысячъ.

вотяки, такъ напримѣръ, мѣстности: Верхнеудинскъ, Нижнеудинскъ, Новоудинскъ, Устьудинское селеніе Балаганскаго уѣзда, рѣка Уда, впадающая въ Селенгу *). Селеніе Уди есть и въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, гдѣ въ настоящее время живутъ вотяки.

* *
*

Косяко, косяко коркаэ,
Азвэсь выжо коркаэ.
Сьӧдо, сьӧдо пилемъёсъ...
Васьки, Васьки Камъ-кузя.
Тулысъ лыктэмъ туріосъ,
Сизьылъ кошкэмъ дзязегъёсъ,
Ой, ой, ой, экэосъ,
Кӧчэ чебэръ апӑосъ!

(Леонидъ Вохминъ).

По-русски.

Съ окнами, съ окнами домочекъ мой,
Съ серебряной лѣстницей, новенькій мой.
Черные, черные облака....
Спускался, спускался по Камушкѣ я.
Весной прилетѣвшіе (мы)—журавли,
Улетѣвшіе осенью гуси—(мы).
Ой, ой, ой, рябятушки,
Какъ красивы сестрицы!

Несомнѣнно, что эта пѣсня—историческая, но слова въ ней сохранились не всѣ. Здѣсь воспѣвается, какъ вотяки спускались по Камѣ изъ Сибирской страны; они сравниваютъ себя съ прилетающими весной журавлями и улетающими (изъ Сибири) дикими гусями.

---

*) См. «Вѣст. Европы» 1880 г., кн. 8.

* * *

Юмшаны потъи-но, аслымъ дусымъ ӧй шедьты;
Дзегудъ-вылэ пыри-но, тӧдьы кечезъ ӧй адзьы;
Нюлэскы мынъи-но, кӧсъ кызъёсты ӧй шедьты;
Базарэ мынъи-но, лэчытъ тъиръ ӧй шедьты;
Лавкаэ пыри-но, французъ кышетъ угъ сёто,
Яламъ чужъ дуро кышетсэсъ сёто;
Кабакэ пыри-но, гордъ виназэсъ ӧзъ сётэ,
Яламъ простой виназэсъ сёто.

(*Степанъ Николаевъ*).

По-русски.

Ушелъ во пирушку, себѣ любезной не нашелъ;
Вышелъ на озимь—не увидѣлъ бѣлаго зайца;
Въ лѣсочекъ пріѣхалъ—сухой ёлки нѣтъ;
На рынкѣ остраго топора не нашелъ;
Въ магазинъ зашелъ—французскаго платка не даютъ,
Даютъ все платочки съ желтой каймой;
Зашелъ въ кабачекъ—не даютъ краснаго вина,
Все простую водку даютъ.

* * *

Лумпу сикынъ гондыръ вань,
Пужымъ јылынъ пужей вань.
Ачимъ пичи тамаша.
Егоръ пимо піэ вань.

(*Андрей Козьминъ*).

По-русски.

Въ ольховникѣ есть медвѣдь,
На сосенкѣ есть олень.
Самъ я бѣдный маленькій,
У меня есть сынъ Егоръ.

Эта пѣсенка поется отцомъ во время покачиванья сынка на ступнѣ правой ноги. Иногда поютъ ее и въ обществѣ, но не какъ пѣсню, а какъ скоморошные вирши.

* * *

Ошъ-кузя васькэ тӧдьы шукыэдъ,
Берегысь тызъ берегазъ шуккиськыса;
Ошъ-кузя васькэ тӧдьы дзязегедъ....
Отынъ вань чеберъ бигеръ пи.
Монэ сокэ басьтысалъ....
Монъ соэ чупай-по басьтъизъ

(*Андрей Козьминъ*).

По отзывамъ вотяковъ, этой пѣсенкой дразнятъ холостые парни дѣвушекъ. Въ переводѣ на русскій языкъ получаются такіе вирши:

По Оши (?) бѣлая пѣна плыветъ,
Ударяясь въ крутые берега;
По Оши плыветъ бѣленькій гусь....
Тамъ есть татарчонокъ красавецъ.
Ахъ, если взялъ бы меня онъ!
Я поцѣловала его и взялъ онъ.

Здѣсь помѣщаемъ мы еще четыре пѣсенки, которыхъ перевести на русскій языкъ не могли.

1.

Кикыэдъ силёзъ пужымъ јылазъ,
Очыэдъ васькозъ кузь арама кузядъ.
Шайрысь лыктэмъ валъ,
Пи вордыны шунска;
Кыкъ пи вордэмъ валъ,
Тылы бурдъ јылэ вуттэмъ валъ
Оло кытысь ма шорысь
Дукъя дучесъ вуизъ-но басьтъизъ соосты,
Басьтъизъ-но лобдзьыса кошкизъ...
Огзэ одъигъ пи-вылэ кыли лэся.

(*Алексѣй Васильевъ*).

2.

Пину сурдэсъ поттъимы
Пину югытъя;

Кызьпу сурдэсъ потъпмы
Кызьпу югытъя;
Выжвылтъи поттъимъ,
Выжъ куарая;
Нюрэ вуимъ—чипчирганъ
Чипчимы.

(*Семенъ Афонасьевъ*).

3.

Улынъ кай-вылынъ
Палтріотъ паръялозъ;
Со палтуръё паръялозъ
Со палтуръёсты кузъяны
Ми медъ быгатомъ.
Милямъ экемы
Тужъ возьма инъп
Милесьтымъ тыло вуэммэсъ.
Кызьыкэ гуртамы вуимы-по
Милямъ гуртъёсмы
Сьӧдъ пилемъёсъ кадь
Кичкалтъ изъ лэся.

(*Семенъ Аванасьевъ*).

4.

Квазіэ квазіэ
Чилектозъ гудыртозъ;
Лызъ пурысь улошоэ
Гырдалтозъ, гырдалтозъ...
Быштырзэ шурэсъ
Вырдзьытозъ, вырдзьытозъ
Тӧрээзъ пырозъ—
Тӧрээ тымозъ;
Выль салдатъ пырозъ—
Гуразьзэ тымозъ;
Вужъ салдатъ пырозъ
Улочазэ тырмытозъ,

Ӧсторэз тымозъ;
Колодникъ пырозъ—
Закодзэ тырмытозъ;
Казакъ пырозъ—
Карказьзэ тырмытозъ;
Ямщикъ пырозъ—
Дворзэ тырмытозъ—
Учкысь калыръ пырозъ—
Ульчазэ тырмытозъ;
Сюрэсъ—вылъ калыкъ пырозъ—
Бусызэ тырмытозъ.

(Михьй Поликарповъ).

Въ пѣсенькахъ этихъ и сами инородцы не могли перевести слѣдующія слова: сплёзъ, очыэдъ, арама. шайрысь, палтріотъ, парьялозъ, палтурьё, пнуресъ, тымозъ. Слова эти, вѣроятно, остатки древняго вотякскаго языка, вышедшія изъ употребленія. Вслѣдствіе этого и пѣсенки нами не переведены на русскій языкъ.

Байки.

Шырэ! шырэ!
Тонъ-а батыръ?
— Монъ-ке батыръ луысалъ,
Кочышлэнъ синмазъ учкысалъ.
— Кочышэ! кочыше!
Тонъ-а батыръ?
— Монъ-ке батыръ луысалъ,
Пуныдэнъ синмазъ учкысалъ.
— Пуныэ! пуныэ!
Тонъ-а батыръ?
— Монъ-ке батыръ луысалъ,
Кіондэнъ синмазъ учкысалъ.

По-русски:

Мышка! мышка!
Ты ли богатырь?

— Если-бъ я была богатырь,
Кошкѣ въ глаза бы смотрѣла.
— Кошечка! кошечка!
Ты ли богатырь?
— Если-бъ я была богатырь,
Собакѣ въ глаза бы смотрѣла.
— Собачка! собачка!
Ты ли богатырь?
— Если-бъ я была богатырь,
Волку въ глаза бы смотрѣла.

(Иван. Макар. Стрѣлк.).

Вулэнъ мылкыдъ чаркъ-вылынъ,
Чарклэнъ мылкыдъ кӧ-вылынъ;
Кӧ-лэнъ мылкыдъ пызь-вылынъ,
Пызьлэнъ мылкыдъ мешокъ-вылынъ;
Мешоклэнъ мылкыдъ валъ-вылынъ,
Валлэнъ мылкыдъ сюрэсь-вылынъ;
Сюрэслэнъ мылкыдъ луо-вылынъ,
Луолэнъ мылкыдъ тӧлъ-вылынъ;
Тӧлълэнъ мылкыдъ Камъ-вылынъ,
Камълэнъ мылкыдъ ныль-вылынъ;
Нылэнъ мылкыдъ пи-вылынъ,
Пилэнъ мылкыдъ ныль-вылынъ.

По-русски:

Желаніе воды на колесѣ (мельничномъ),
Желаніе колеса на жерновѣ;
Желаніе жернова на мукѣ,
Желаніе муки на мѣшкѣ;
Желаніе мѣшка на конѣ,
Желаніе коня на дорогѣ;
Желаніе дороги на пескѣ,
Желаніе песка на вѣтрѣ;
Желаніе вѣтра на Камѣ (рѣкѣ),
Желаніе Камы на дѣвушкѣ;
Желаніе дѣвушки на парнѣ,
Желаніе парня на дѣвушкѣ.

Байка эта не въ полномъ составѣ была уже помѣщена въ Запискахъ И. Р. Г. О. по отд. эти., т. XIV, вып. 2. Вотяки Сосновскаго края. 1886 г., на стр. 177.

Загадки.

1) Рубитъ, рубитъ—щепокъ нѣтъ.
2) Сани идутъ, рогожа лежитъ.
3) Выше дороги, ниже лѣсу.
4) Въ круглое озеро падаетъ кровавый дождь.
5) На елкѣ черная головешка.
6) Чего въ уголъ не поставишь стоймя?
7) Ѣстъ чернымъ, исп......ся бѣлымъ.
8) По синему полю разбросаны серебрушки (монеты).
9) Двѣ ласки играютъ чрезъ кокору, а другъ друга не видятъ.
10) Корова въ хлѣвѣ, хвостъ на хлѣвѣ.
11) По жердочкѣ красный пѣтухъ ползетъ.
12) Въ темной конурѣ сѣти вяжутъ.
13) На крышѣ избы полъ-коровая бѣлаго хлѣба.
14) Горбатая старуха все поле обходитъ.
15) Возлѣ лѣсу катается бѣлый клубокъ.
16) Полная печь перепечей, а въ срединѣ коровай.
17) Медвѣдь съ волкомъ смотрятъ другъ на друга.
18) Идетъ человѣкъ, предъ собой гонитъ 10 утятъ.
19) Вокругъ избы волосяныя бревна.
20) Одно помело мететъ въ 2-хъ печахъ.
21) На крышѣ желтый цыпленокъ.
22) На вершинѣ елки звонятъ колокольчики.
23) Въ печи пляшетъ медвѣдь.
24) Возлѣ колоды чашка творогу.
25) Лѣтомъ въ шубѣ, а зимой нагой.
26) Черное яичко съ бѣлымъ пивомъ.
27) Выросло въ лѣсу, унесли домой; онъ плачетъ, а люди скачутъ.
28) Такъ (показывая ладонь съ пальцами) нѣтъ, а этакъ (показывая обратную сторону) есть.
29) Въ полѣ шапка безъ швовъ.

30) Въ лѣсу лежитъ черный баранъ.
31) По рогожѣ ѣздятъ, по санямъ нѣтъ.
32) Среди поля лукошко безъ тѣни.
33) Что растетъ безъ кореньевъ?
34) Съ голову великъ, съ перо тяжелъ.
35) Двѣ сестрицы съ однимъ сердцемъ.
36) Кругъ городу заяцъ облегъ.
37) Черный котикъ п.... хочетъ.
38) Въ брюхѣ баня, въ носу рѣшето, одна рука и та на спинѣ.
39) Что за избу не забросишь?
40) Блюдо стеклянно, края деревянны.
41) Два брата родные однимъ поясомъ опоясаны.
42) Между горъ бѣжитъ конь сивожелѣзый.
43) Безъ рукъ, безъ ногъ; на брюхѣ ползетъ.
44) Гдѣ вода стоитъ столбомъ — не проливается?
45) Дворъ дыроватъ, а выйдти не велятъ.
46) Безъ рукъ, безъ ногъ, а ходитъ.
47) Шелковый клубокъ—семь дыръ вокругъ.
48) Бѣлая скатерть одѣла весь свѣтъ.
49) Зимою безъ снѣгу, лѣтомъ со снѣгомъ.
50) Чего въ избѣ не видно?
51) На вышкѣ ледяное корыто.
52) По крышѣ избы катается лыжа.
53) Съ избы спускается, на избу взбирается медвѣдь.
54) Въ подполье брошена медвѣжья ляжка.
55) Кожу бросили, мясо съѣли.
56) Среди поля серебряныя зерна.
57) Среди двора лукошко безъ тѣни.
58) Черезъ годъ царь голову брѣетъ.

Загадки, оканчивающіяся въ вопросахъ и отвѣтахъ риѳмами. Въ переводѣ на русскій языкъ онѣ теряютъ риѳмы.

1) Инвылысенъ музъемысенъ.
2) Пыдъ-вылысенъ итымысенъ.
3) Пыдъ-вылысенъ итымысенъ.
4) Лобасенъ пыдвылысенъ.

5) Обиньысенъ пыдъ-вылысенъ.
6) Обиньысенъ пыдъ-вылысенъ.
7) Инвылысенъ гидысенъ.
8) Гидысенъ коркасенъ.

Отгадки.

1) Пѣтухъ клюетъ кормъ.
2) Вода подо льдомъ и ледъ на водѣ.
3) Трава.
4) Въ круглую шайку (лоханку) съ водой падаютъ уголья отъ горящей въ свѣтцѣ лучины.
5) Воронъ.
6) Веревку.
7) Мелетъ жерновъ муку.
8) Звѣзды въ синемъ небѣ.
9) Глаза.
10) Печь въ избѣ, труба на крышѣ.
11) Огонь на лучинѣ.
12) Пчелы лепятъ въ ульѣ соты.
13) Луна въ половинномъ видѣ.
14) Серпъ, которымъ жнутъ хлѣбъ.
15) Заяцъ валяется осенью.
16) Звѣзды и полная луна.
17) Печь и окно.
18) Пальцы на ногахъ.
19) Мохъ между бревнами.
20) Корова языкомъ лижетъ въ ноздряхъ.
21) Солнце.
22) Кричатъ птички-клесты.
23) Мететъ помело.
24) Заяцъ, спящій осенью когда еще нѣтъ снѣгу; а онъ уже бѣлъ.
25) Лиственное дерево.
26) Деревянный боченокъ или горшокъ съ молокомъ.
27) Балалайка, подъ которую пляшутъ.
28) Ногти на пальцахъ.

29) Снѣгъ на пнѣ.
30) Колода гнилая.
31) По льду ѣздятъ.
32) Яма у межеваго столба.
33) Камень.
34) Надутый пузырь.
35) Ножницы.
36) Мука вокругъ жернова.
37) Заряженное ружье.
38) Чайникъ.
39) Перо.
40) Зеркало.
41) Связанныя колья въ пряслахъ (изгородяхъ).
42) Ручей.
43) Лодка плыветъ.
44) Въ стаканѣ.
45) Рыболовныя снасти—сѣти и морды.
46) Монета, вообще деньги.
47) Голова съ 2 глазами, 2 ушами, 2 ноздрями и 1 ртомъ.
48) Снѣгъ.
49) Погребъ.
50) Тепло.
51) Луна. Вотскія корыта, въ которыхъ толкутъ бѣлье, имѣютъ очертаніе луны.
52) Расчесываетъ волосы на головѣ гребень.
53) Дымъ, который, вышедши изъ трубы, вѣтромъ стелется по крышѣ книзу и опять поднимается кверху.
54) Помело.
55) Кору дерева бросили, а дерево сожгли.
56) Росинки на листочкахъ.
57) Рѣдечная яма, которая у вотяковъ находится во дворѣ.
58) Черезъ годъ косятъ съ луговъ.

Отгадка загадокъ на вотскомъ языкѣ:

1) Кизиліэнъ пизиліэнъ.
2) Пеледэнъ пелесэнъ.
3) Иштыренъ пишырэнъ.
4) Лобась кутэнъ пуллонъ кутэнъ.

5) Кутэсенъ кутэнъ.
6) Пеледэнъ пелэсэнъ.
7) Толызенъ толэсэнъ.
8) Ошэнъ ошонэнъ.

По-русски

Загадки:

1) Съ небеснымъ и землымъ (одно слово по созвучію).
2) Съ тѣмъ, что на ногахъ и на гумнѣ.
3) Тоже съ тѣмъ, что на ногахъ и на гумнѣ.
4) Съ летающимъ и съ тѣмъ, что на ногахъ.
5) Съ тѣмъ, что въ овинѣ и на ногахъ.
6) Тоже съ тѣмъ, что въ овинѣ и на ногахъ.
7) Съ небеснымъ и находящимся въ конюшнѣ.
8) Съ находящимся въ конюшнѣ и въ избѣ.

Отгадки:

1) Звѣзда съ дождевымъ червемъ.
2) Овинный сарай съ петлями вотскаго лаптя.
3) Онучи съ токомъ на гумнѣ.
4) Муха съ лаптемъ.
5) Молотило (цѣпъ) съ лаптемъ.
6) Какъ и въ № 2: овинный сарай съ петлями вотскаго лаптя.
7) Луна съ конемъ-лоньшакомъ (годовалымъ, не ѣзжалымъ).
8) Бывъ съ вѣшалкой въ избѣ. Для развѣшиванья одежды вотяки въ избѣ, у стѣнъ, устраиваютъ вѣшалки изъ жердей.

Дѣтскія игры.

Воры. Игра эта, въ которой за воровство подвергаются наказанію, исполняется дѣтьми—мальчиками. Играющіе раздѣляются на двѣ части; одна половина принимаетъ роль воровъ, другая —хозяевъ. Тѣ, кто играетъ роль разбойниковъ, отходятъ куда нибудь въ сторону, что бы ихъ вовсе не было видно. По уходѣ воровъ, хозяева складываютъ

въ груду щепки и говорятъ, что это—деньги ихъ. Затѣмъ они отходятъ въ сторону не очень далеко отъ своихъ *денегъ* и ложатся спать. Воры, видя что хозяева уснули, идутъ къ деньгамъ, озираясь и выслушивая звуки—не ходятъ ли хозяева, которые могутъ ихъ изловить. Когда они убѣдятся вполнѣ, что хозяева спятъ, съ торопливостью и съ большою ловкостью, свойственной ворамъ, берутъ всѣ щепки, кто во что какъ можетъ, и съ ними бѣгутъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда воровъ уже и слѣдъ простылъ, хозяева просыпаются и одинъ изъ нихъ идетъ къ деньгамъ, посмотрѣть—всѣ ли онѣ тутъ на мѣстѣ. Когда, подошедши близко, увидитъ, что деньги украдены, поднимаетъ тревогу и, какъ по одному мановенію, всѣ бросаются преслѣдовать воровъ, кто какъ можетъ. Кого найдутъ, тѣ показываютъ видъ будто сопротивляются имъ, стараются защищаться всѣми мѣрами, доказываютъ свою невиновность, но однако ихъ не слушаютъ и арестуютъ. Такъ находятъ, по одному или по двое, всѣхъ воровъ. Поймавши ихъ, требуютъ сознанія и возвращенія денегъ. Кто сознается, кто нѣтъ, но оправданій несознающихся не принимаютъ. Затѣмъ назначается надъ ними судъ и расправа: кого стегаютъ, кого бьютъ и т. д. Этимъ игра и оканчивается. Въ игрѣ этой замѣтны виды былого самосуда вотяковъ надъ злодѣями. И нынѣ еще, по слухамъ, отъявленныхъ воровъ наказываютъ своимъ судомъ, безъ вѣдома властей.

Чизъ. Дѣти, собравшись, мечутъ между собой жребій (пусъ чöлтонъ), что производится слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ группы беретъ въ правую руку палку длиною съ 1 арш. и держитъ ее за нижній конецъ вертикально, взявши въ кулакъ, а если толста палка, то чтобы не выпала она изъ руки, сначала поддерживаетъ лѣвой рукой и за верхній конецъ. Когда одинъ взялъ палку въ руку, другой, желающій играть, беретъ палку въ руку такимъ же образомъ, какъ держитъ ее первый; за этимъ сверху беретъ слѣдующій и т. д. Такимъ образомъ кулаки поднимаются выше и выше. Кому пришлось взять палку за верхній конецъ, тому и начинать игру. Быть можетъ, вверху останется еще пустой конецъ и тогда конецъ покрывается по очереди нижними кулаками.

Начинающій игру беретъ такъ называемый *чизъ*—деревянный, вершка въ два, брусокъ, имѣющій съ двухъ противополож-

ныхъ боковъ нѣкоторое сходство съ очертаніемъ параллелограма (косого четыреугольника). Одинъ конецъ бруска заостренъ снизу, а другой—сверху. Если ударить лежащій брусокъ палкой по заостренному снизу концу, брусокъ переметнется и, кружась въ воздухѣ, отлетитъ въ сторону. Берутъ еще веслообразную лопатку, *пальча*, длиною въ 1 арш. Приготовивши эти двѣ вещи, начинающій чертитъ на землѣ кругъ или четыреугольникъ, въ поперечникѣ около 2 арш. и въ средину этого круга или четыреугольника кладетъ приготовленный брусокъ, чизъ. Затѣмъ заключается между играющими предварительное условіе: сколько разъ лопаткой бить по бруску; но обыкновенно бьютъ только разъ десять. Играющій ударяетъ бокомъ лопатки по носку брусика и брусокъ, переметнувшись, летитъ въ сторону. За брускомъ долженъ бѣгать второй по жребію, т. е. тотъ, чей кулакъ пришелся подъ кулакомъ перваго. Такихъ въ подобной игрѣ русскіе называютъ водильщиками, отъ слова *водить*, такъ какъ они, говорятъ, водятъ брусокъ. Какъ только брусокъ отлетѣлъ, водильщикъ бѣжитъ за нимъ и, взявши, бросаетъ его оттуда, куда упалъ, въ черту, стараясь такъ, чтобы брусокъ былъ непремѣнно въ чертѣ; бьющій же этого не желаетъ, боясь, чтобы дѣло его не пошло изъ за этого къ проигрышу. Для этого бьющій старается всемѣрно обмануть водильщика, чтобы онъ не попалъ въ средину черты. Онъ показываетъ лопаткой въ боковыя стороны, говоря, что черта «тутъ», но, естественно, водильщикъ ему не вѣритъ, а замѣтивши разъ черту, хотя и стоитъ далеко отъ нея, бросаетъ туда, въ черту. Если брусокъ попалъ въ средину, бить ему, водильщику, а игра товарища его клонится уже къ проигрышу, такъ какъ онъ не ударилъ по бруску 10 разъ. Если же не угадалъ водильщикъ въ средину черты, опять бить старому. И бьетъ онъ до тѣхъ поръ, пока не броситъ его товарищъ въ черту. Десять ударовъ сряду означаетъ выигрышъ, если же это число не исполнилось и брусокъ брошенъ въ черту—значитъ проигрышъ, и бить начинаетъ тотъ, кто былъ водильщикомъ, т. е. бросалъ въ черту брусокъ, а въ водильщики назначается слѣдующій по жребію. При этомъ каждый ведетъ счетъ ударамъ бьющаго. Когда число ударовъ по условію у всѣхъ будетъ полное, а одинъ останется—тотъ считается проигравшимъ. Такъ какъ въ одинъ пріемъ опредѣленное число

ударовъ выполнить нельзя, то пріемы между играющими повторяются; слѣдовательно, если, послѣ повторенія пріемовъ, одинъ не выполнитъ опредѣленнаго числа ударовъ, то онъ уже не имѣетъ права повторять свои пріемы и долженъ понести такое наказаніе: кто выполнилъ это число ударовъ прежде всѣхъ, встаетъ у черты, держа лопатку въ правой рукѣ, а брусокъ, чизъ—въ лѣвой. Проигравшій отходитъ въ сторону, разсчитывая въ умѣ, на какое разстояніе выигравшій отшибетъ брусокъ. Когда проигравшій будетъ дожидаться, выигравшій бросаетъ лѣвой рукой брусокъ кверху, но не выше себя, и брусокъ, при паденіи, отшибается лопаткой въ сторону проигравшаго. Проигравшій скачетъ на одной ногѣ къ бруску, куда упалъ онъ, чтобы успѣть взять его прежде выигравшаго, а сей послѣдній, какъ только отшибъ брусокъ, бѣжитъ за нимъ, чтобы успѣть взять прежде проигравшаго, скачущаго на одной ногѣ. Если скачущій успѣлъ взять прежде отбившаго, то освобождается отъ своего наказанія и игра начинается снова. Если же не успѣлъ взять, опять выигравшій отшибаетъ, а проигравшій скачетъ къ бруску на одной ногѣ. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока проигравшій не успѣетъ взять брусокъ прежде выигравшаго. Обыкновенно освободиться отъ наказанія не скоро удается, такъ какъ въ быстротѣ между бѣгомъ и скаканьемъ на одной ногѣ большая разница.

Квакотыртіэнъ (вокругъ куалы). Играющіе (дѣвушки и мальчики), собравшись въ одну группу, становятся предъ дверью шалаша (куалы), въ разстояніи не болѣе сажени отъ лавки, устроенной вдоль стѣны шалаша, гдѣ находится дверь. По желанію, изъ группы выдѣляются двое и бѣгутъ за шалашъ: одинъ въ правую сторону, другой въ лѣвую, на встрѣчу другъ другу: а должно замѣтить, что шалашъ долженъ стоять отдѣльно отъ прочихъ строеній, чтобы можно было бѣгать вокругъ шалаша. Когда бѣгущіе на встрѣчу другъ другу встрѣтятся, они возвращаются обратно бѣгомъ, чтобы поймать кого нибудь изъ стоящихъ въ группѣ, а эти, увидѣвши возвращающихся, чтобы не быть пойманными, вскакиваютъ на лавку, которая служитъ крылечкомъ куалы. Если возвратившіеся не поймали, опять слѣдуетъ бѣжать за куалу и возвратиться обратно имъ, чтобы поймать кого. Кто поймалъ изъ группы одного, становится въ группѣ, а пойманный замѣняетъ его мѣсто. Быть можетъ оба пой-

маютъ по человѣку и тогда мѣсто ихъ замѣняютъ двое пойманныхъ, а сами присоединяются къ группѣ. Правило игры требуетъ, чтобы никто изъ группы не вскакивалъ на крылечко куалы прежде, чѣмъ возвращающіеся не добѣгутъ до угловъ куалы.

Альча —дульча. Одинъ изъ играющихъ, по описанному въ игрѣ *чизъ* жребію, садится на лавку: кладетъ руки на колѣна и спину подставляетъ играющимъ товарищамъ. Играющіе кладутъ свои правыя руки на спину его, покрывая ее ладонями. Затѣмъ одинъ изъ играющихъ тычетъ слегка по рукамъ своихъ товарищей и при этомъ говоритъ: а̀льча, ду̀льча, ли, го̀ло. ві̀па, го̀сти, лѐмле, дуръ; что значатъ такія слова, мы объяснить не беремся, такъ какъ въ нашемъ словарѣ вотякскаго языка ихъ нѣтъ, кромѣ слова дуръ, означающаго край. На чьей рукѣ пришлось слово дуръ, между пальцами той руки тычетъ слегка пальцемъ, спрашивая подставившаго спину: чья рука? Если отгадаетъ, подставить спину надо тому, на чьей рукѣ пришлось слово дуръ; если же нѣтъ, спину слѣдуетъ подставить старому.

Курикети поттэменъ. Прежде всего мечутъ жребій, кому начать игру. Для игры требуется какое нибудь зданіе во дворѣ, напримѣръ, шалашъ, чтобы желобъ поддерживали крюки и самое зданіе стояло бы совершенно отдѣльно отъ прочихъ зданій, а это требуется для того, чтобы можно было бѣгать играющимъ вокругъ зданія свободно. Кому досталось по жребію первенство, беретъ скатанный изъ коровьей шерсти мячъ и бросаетъ ею до трехъ разъ въ пустое пространство между крюкомъ и крышей зданія, чтобы перебросить мячъ черезъ крюкъ. Если мячъ до трехъ разъ не попалъ въ пустое пространство и не переброшенъ, бросать его въ слѣдующій разъ слѣдующему по жребію. Если же переброшенъ— бросавшій ловко хватаетъ мячъ и старается запятнать кого нибудь изъ убѣгающихъ вокругъ строенія, которые, увидѣвши, что мячъ переброшенъ, бросаются въ бѣгство, чтобы не быть запятнанными: а, по правилу игры, запятнать можно только бѣгущихъ сзади, а встрѣчныхъ нельзя. Если убѣжавшіе вокругъ зданія поспѣли на свое мѣсто подъ крюкъ, тогда ихъ уже нельзя запятнать и игру начинаетъ слѣдующій по жребію; а если кого успѣлъ держащій мячъ запятнать, игру начать опять ему. Такъ одинъ продолжаетъ игру до тѣхъ поръ, пока не промахнется на условленномъ счетѣ.

Кичапкеменъ. Одинъ по желанію подставляетъ ладонь, протянутой къ играющимъ товарищамъ, правой руки. Къ нему подходятъ товарищи его и, хлопая по ладони ладонью же своей руки, говорятъ: кукэ кучо валэнъ пумиськидъ, сокышэкъ медамъ шедьты (пока съ пѣганымъ конемъ не встрѣтишься, до тѣхъ поръ меня не поймать), затѣмъ отходятъ въ сторону. Когда хлопнулъ послѣдній и, сказавши вышеприведенныя слова, отбѣжалъ, тогда подставившій ладонь своей руки гонится за кѣмъ желаетъ, чтобы поймать его; кого онъ поймаетъ, тотъ опять долженъ поймать другаго, а этотъ обязанъ поймать слѣдующаго и т. д. Такъ должны быть пойманы всѣ, кромѣ одного, подставившаго для хлопанья ладонь. Послѣ этого начинается опять хлопанье по ладони, для чего, по желанію, подставляетъ ладонь своей руки кто нибудь изъ группы играющихъ.

Куременъ. Играютъ и дѣти, и взрослые—парни и дѣвушки. Двое по собственному желанію отходятъ въ сторону. отдѣлившись отъ группы играющихъ товарищей и принимаютъ на себя роль просителей, которыми обыкновенно бываютъ парни. Просители эти, отошедши въ сторону, примѣрно около 5 саженей, отъ группы играющихъ, бросаютъ на мѣстѣ, гдѣ они стали, какую нибудь щепку, означающую станцію ихъ. Затѣмъ эти двое отходятъ отъ станціи въ сторону группы своихъ играющихъ товарищей и *просятъ* кого нибудь изъ нихъ къ себѣ, причемъ называютъ по имени (напримѣръ. говорятъ, просимъ Ивана или Марью). Кого просятъ, тотъ долженъ бѣжать на станцію ихъ, стараясь не быть пойманнымъ. Если же въ промежуткѣ между играющими не поймали приглашеннаго, то онъ, побывавши на станціи, возвращается свободно обратно къ своей группѣ, а тѣ двое опять приглашаютъ другого. Если же поймали на пути до станціи, напримѣръ, дѣвушку, говорятъ: нянь öзъ кисьма; шедизъ нянь пыжысь (тѣсто въ квашнѣ не перекисло; нашлась печь хлѣбъ стряпка); если же поймаютъ парня, говорятъ: «гырысь шедизъ (пахарь нашелся)». Пойманные уже присоединяются къ нимъ, двоимъ. Затѣмъ всѣ они просятъ изъ группы другихъ и ловятъ ихъ уже всѣ, сколько ихъ есть на станціи. Такъ они должны переловить всѣхъ кромѣ двухъ, которые должны остаться тамъ и образовать такую же станцію и приглашать изъ группы людей, чтобы ловить ихъ. Такъ станція пере-

ходитъ съ одного конца на другой во все время игры, т. е. играющіе мѣняются ролями.

Бордъ-бордтіэнъ *). Подъ этимъ названіемъ должно разумѣть игру въ мячъ, состоящую изъ различныхъ пріемовъ, называемыхъ тоже различными именами. Самая игра исполняется у стѣны, поэтому и называются *бордъ-бордтіэнъ* (у стѣны). При игрѣ употребляется мячъ, скатанный изъ коровьей шерсти, а если есть гдѣ резиновый, то и такой. Резиновый мячъ предпочитается шерстяному потому, что онъ лучше можетъ отскакивать, что и требуется при этой игрѣ. Всѣхъ пріемовъ иные насчитываютъ до 15, но намъ привелось видѣть только 13, и каждый такой пріемъ повторяется играющимъ до трехъ разъ. До начала игры играющіе заключаютъ между собой условіе касательно могущихъ произойдти уроновъ (уськытонъ) до окончанія всѣхъ пріемовъ, т. е. какъ поступать въ такомъ случаѣ, когда продѣлавшій, можетъ быть, болѣе половины пріемовъ, при исполненіи слѣдующаго пріема *уронитъ* мячъ на землю? Условіе между играющими заключается урона на два, послѣ чего играющій, если уронитъ мячъ, долженъ считаться проигравшимъ и, говорятъ, что у него *шудонэзъ кисьмазъ* (у него пріемы прокисли, а, по выраженію русскихъ, пріемы сгорѣли). Послѣ каждаго урона, до условленнаго числа разъ, пріемы начинаются снова, а продѣланные уроны въ счетъ не принимаются. Игра начинается или по жребію, или по желанію, чаще же по желанію, такъ какъ первенство въ этой игрѣ не имѣетъ особеннаго значенія. *Первый* пріемъ называется *кабемэнъ*, а у русскихъ *первуши*.

Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну аршина на 2 выше себя и ловитъ мячъ при паденіи на лету обѣими руками, причемъ направленіе мяча образуетъ какъ бы острый уголъ градусовъ въ 20, вершина котораго обращена къ стѣнѣ наклонно; но не каждый разъ направленіе мяча образуетъ острый уголъ между прямой и нѣсколько кривой линіей, часто верхняя линія образуетъ дугу. Это зависитъ отчасти отъ умѣнья и силы удара.

Второй пріемъ черезъ голову, *гачоло* (черезъ голову). Играющій встаетъ затылкомъ къ стѣнѣ и, откинувши къ стѣнѣ голову, смотритъ кверху; потомъ бросаетъ мячъ въ стѣну выше головы и ло-

---

*) Русскіе называютъ эту игру выходами.

вить его при паденіи обѣими руками. Направленіе мяча образуетъ собой черту, подобную нѣсколько откидной пружинкѣ ружья или козырьку отъ фуражки.

Одыгъ кіэнъ бордъ-бордтыіэнъ или, по выраженію русскихъ, въ стѣну одной рукой. Мячъ бросается какъ и при первушахъ кабемэнъ, но съ тѣмъ различіемъ, что дѣйствуетъ въ этомъ пріемѣ только одна рука.

Колеса. Мячъ бросается въ стѣну. Отскочивъ отъ стѣны кверху, онъ описываетъ дугообразную линію и вся черта направленія мяча нѣсколько подобна очертанію овала. При паденіи мячъ ловится двумя руками, но въ стѣну ударяется такъ, чтобы мячъ описалъ хоть половину окружности или колеса.

Бордъбордти чапкеменъ (пришлепыши о стѣну). Бросаютъ мячъ въ стѣну и при паденіи его пришлепываютъ ладонью правой руки къ стѣнѣ такъ, чтобы мячъ отскочилъ: какъ отскочитъ, опять пришлепываютъ его до трехъ разъ, а четвертый разъ ловятъ его руками.

Ки котыртыіэнъ (черезъ руку). Лѣвой рукой опираются о стѣну, а правой бросаютъ мячъ снизу кверху такъ, чтобы мячъ, описавши около руки дугу, стремился упасть на правую ногу играющаго, и тогда мячъ на лету схватывается правой рукой. Это повторяется до трехъ разъ.

Подъкотыртыіэнъ (черезъ ногу). Пріемъ такой же какъ и черезъ руку, но мячъ схватывается обѣими руками.

Кипыдэсъ-вылтіэнъ, кимычъ-вылтіэнъ (перевертыши). Берутъ мячъ въ правую руку и, протянувши таковую, бросаютъ мячъ на 2 четверти кверху и при паденіи его отшибаютъ спинкою кисти опять кверху, а при второмъ паденіи отшибаютъ ладонью, при третьемъ—спинкой ладони и потомъ схватываютъ обѣими руками.

Уськытса кутэмэнъ (хамы). Взявши мячъ въ правую руку, роняютъ его и, не давая упасть, схватываютъ на-лету. Такъ повторяютъ до трехъ разъ.

Музъемъ-вылэ палгытэменъ (землянки). Съ особенною силою бросаютъ мячъ въ землю, чтобы онъ отскочилъ кверху; когда онъ отскочитъ, тогда, не давая ему упасть, ловятъ обѣими руками. Это повторяется до трехъ разъ.

Кузьподводэнъ (клюки, по выраженію русскихъ). Мячъ бро-

саютъ въ стѣну такъ, чтобы онъ, ударившись о стѣну, отскочилъ на 2 четверти и выше, потомъ, ударившись о полъ, тоже отскочилъ и въ это время его ловятъ двумя руками.

Вакчи подводэнъ (пришлепыши о землю). Взявши въ правую руку мячъ, наклоняются къ землѣ и бросаютъ мячъ въ землю; затѣмъ, когда мячъ отскочитъ отъ земли, ударяютъ ладонью правой руки опять и онъ, ударившись о землю, отскакиваетъ и послѣ трехъ ударовъ или, какъ говорятъ русскіе, пришлепышей, ловятъ мячъ на-лету обѣими руками.

Котыртэменъ (у русскихъ быки). Бросаютъ мячъ на полъ наклонно отъ себя въ землю, около 2 аршинъ отъ стѣны, съ такой силой, чтобы мячъ, ударившись о землю, отскочилъ и ударился о стѣну, и, ударившись, описавъ полукружіе, устремился внизъ; тогда его ловятъ обѣими рукави на лету. Это повторяется до трехъ разъ.

Исполнившіе всѣ эти пріемы безъ уроновъ считаются *выигравшими*, а неисполнившіе *проигравшими*. Послѣдніе за свое неумѣнье должны понести такое наказаніе: даютъ имъ въ правыя руки по мячику и они, ставши къ стѣнѣ, у которой исполнялись пріемы, лѣвой рукой берутъ себя за правое ухо, а правую руку съ мячемъ засовываютъ, сколько могутъ, за лѣвую руку, которою взялись за правое ухо.

Взявши такимъ образомъ мячъ, бросаютъ его въ сторону, стараясь отбросить какъ можно дальше. Гдѣ упадетъ мячъ, на то мѣсто становится выигравшій съ мячемъ, а проигравшій подставляетъ ему спину, въ которую и *жучитъ* (мѣстное выраженіе русскихъ, а у вотяковъ *гырэ*) выигравшій до тѣхъ поръ, пока не промахнется, т. е. не запятнаетъ мячемъ спину проигравшаго, но обыкновенно, болѣе десяти разъ это не удается, такъ какъ проигравшій, по правиламъ игры, не обязанъ стоять на одномъ мѣстѣ подобно статуѣ, а, чтобы ускользнуть изъ подъ удара, перескакиваетъ то въ ту, то въ другую сторону.

Игра эта въ употребленіи между дѣтьми отъ 10 до 15 лѣтъ.

Обманы и шутки.

Кіэ изъ тыременъ. Для исполненія этого фокуса требуются двое: фокусникъ и его помощникъ. Фокусникъ приглашаетъ играющихъ

садиться рядомъ на лавку и говоритъ: «вотъ я уйду отсюда за двери или стану въ уголъ задомъ къ вамъ, а товарищъ мой кому-нибудь изъ сидящихъ положитъ въ руку камешекъ. Я вернусь сюда въ эту же минуту: посмотрю на сидящихъ и узнаю въ чьей именно рукѣ камешекъ». Сказавши это, онъ вручаетъ своему товарищу камешекъ и отходитъ въ сторону, чтобы не смотрѣть на сидящихъ. Иногда фокусникъ выходитъ и за двери, но въ такомъ случаѣ фокусъ считается трудно исполнимымъ, такъ какъ условные тоны голоса своего помощника изъ за двери не совсѣмъ легко отличить. Когда отойдетъ фокусникъ, помощникъ его, начиная съ одного конца, дѣлаетъ видъ, будто кладетъ въ руки каждаго изъ сидящихъ камешекъ и при этомъ произноситъ имена сидящихъ, напримѣръ: Иванъ-лы, Марья-лы, Степанъ-лы..., т. е. Ивану, Марьѣ, Степану..., а въ чью руку положилъ камешекъ, имя произноситъ, по прежде-сдѣланному уговору, особеннымъ тономъ, но этого никто изъ сидящихъ и зрителей не замѣчаетъ. Фокусникъ по этому тону уже долженъ знать въ чьей рукѣ камешекъ и, вернувшись, смотритъ въ глаза сидящихъ. Остановившись на томъ, въ чьей рукѣ камешекъ, онъ говоритъ: «давай камешекъ!» Иногда, по уговору, помощникъ фокусника считаетъ сидящихъ съ конца, говоря: одинъ, два, три и т. д. до послѣдняго, а кладя камешекъ въ руку слѣдующаго по порядку, или произноситъ число особеннымъ тономъ, или при этомъ издаетъ какой-нибудь звукъ. Дѣлается и такъ: помощникъ, обходя сидящихъ и кладя которому нибудь изъ нихъ камешекъ, не произноситъ ни имени, ни какихъ звуковъ. Вернувшись, фокусникъ здоровается со всѣми сидящими за руку, а когда дойдетъ до того, въ чьей рукѣ камешекъ, помощникъ его или высморкается, или плюнетъ, или же издастъ какой-нибудь звукъ, и по этому фокусникъ знаетъ въ чьей рукѣ камешекъ. Чтобы сидящія и зрители не открыли обмана, фокусы исполняются различными способами, по уговору фокусника съ помощникомъ. Еще лучше, если у фокусника будутъ два-три помощника, такъ какъ отъ исполненія одной и той же роли нѣсколько разъ однимъ въ одномъ фокусѣ обманъ легко можетъ обнаружиться.

Джӧкъ-пыртъи коньдонъ потшэмень. Для исполненія фокуса фокусникъ долженъ прежде всего имѣть платокъ, въ которомъ зашита монета. Онъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ: «давайте

мнѣ монету, и я, завернувши ее въ платокъ, положу на столъ. Когда ударю по платку съ монетой три раза, монета проскочитъ сквозь столъ». Но величина монеты должна соотвѣтствовать величинѣ монеты зашитой въ платокъ, такъ какъ нѣкоторые изъ зрителей предъявляютъ желаніе пощупать предварительно въ платкѣ, та ли именно завернута монета. Чтобы не было подозрѣнія, фокусникъ сначала платкомъ потряхиваетъ въ воздухѣ; потомъ взявши монету, на глазахъ зрителей дѣлаетъ видъ будто завертываетъ ее въ платокъ, между тѣмъ монета находится въ лѣвой рукѣ его, чего не должны замѣтить зрители. Завернувши монету, даетъ онъ кому-нибудь изъ зрителей пощупать платокъ, чтобы удостовѣриться тутъ ли монета? Когда зритель скажетъ, что монета въ платкѣ, платокъ кладетъ на столъ, а лѣвую руку, въ которой находится незамѣтно для зрителей монета, подставляетъ подъ столъ. Затѣмъ. чтобы придать фокусу магическое значеніе, фокусникъ, дунувши на платокъ съ монетой три раза, ударяетъ по монетѣ кулакомъ и, взявши платокъ, потряхиваетъ его надъ столомъ. и въ это время вынимаетъ изъ подъ стола руку, держа на ладони монету и говоритъ: «вотъ вамъ монета, которая проскочила сквозь столъ».

Имѣя платокъ съ зашитой въ немъ монетой, фокуснику съ помощью особаго товарища можно воспроизводить различныя дѣйствія, именно: передавши незамѣтно для всѣхъ монету своему товарищу, фокусникъ можетъ говорить: монета улетитъ туда-то (напримѣръ, въ печурку), или что монета въ карманѣ того-то. Это легко сдѣлать съ помощью товарища, который можетъ монету незамѣтно ни для кого положить въ печурку, спустить въ карманъ кого-нибудь и т. д. Блестящее исполненіе фокуса зависитъ, конечно, отъ умѣнья. Кто упражнялся часто въ фокусахъ, тотъ знаетъ и пріемы, чтобы отвлечь вниманіе зрителей, безъ чего обманъ будетъ легко открытъ.

Парсни бызъылытонъ (бѣганье поросятъ) Это—не фокусъ, а шутка для возбужденія въ зрителяхъ хохота. Одинъ изъ желающихъ пошутить надъ кѣмъ-нибудь принимаетъ роль фокусника и говоритъ, что онъ можетъ вызвать поросятъ, которые будутъ бѣгать по полу; при этомъ приглашаетъ кого-нибудь желающаго въ помощники или товарищи, увѣряя, что этихъ животныхъ онъ можетъ вызвать только съ помощью товарища, который долженъ испол-

нить его требованія. Если кто выразитъ желаніе взять на себя роль товарища фокусника, этотъ проситъ его выйдти за двери, предупреждая, что онъ долженъ оставаться за дверями до тѣхъ поръ, пока не позоветъ его фокусникъ. Когда товарищъ его выйдетъ за двери, фокусникъ беретъ двѣ черныхъ мерлушчатыхъ шапки, Одну шапку оставляетъ себѣ, а другую, испачкавши въ трубѣ сажей, кладетъ куда-нибудь къ дверямъ или на столъ, и затѣмъ зоветъ товарища. Вышедшій товарищъ, не видя бѣгающихъ поросятъ, спрашиваетъ: «ну, гдѣ поросята?» «Погоди, сейчасъ забѣгаютъ», говоритъ фокусникъ; «только дѣлай то, что я буду дѣлать,—во всемъ подражай мнѣ; возьми скорѣе шапку (указываетъ на испачканную шапку) и дѣлай то, что я дѣлаю». Сказавши это, фокусникъ надѣваетъ свою шапку на свои два кулака и со словомъ «разъ!» закрываетъ лицо; товарищъ дѣлаетъ тоже. Фокусникъ ударяетъ затѣмъ въ правый високъ со словомъ «два!», а оттуда переходитъ на лѣвый високъ, говоря: «три!» Товарищъ во всемъ подражаетъ ему. Между тѣмъ зрители и самъ фокусникъ, смотря на лицо товарища фокусника, разражаются хохотомъ, но причина этого хохота для товарища фокусника остается до времени еще неизвѣстной, такъ какъ ему ея никто не объясняетъ. Дѣло въ томъ, что товарищъ фокусника *самъ, своими руками обмаралъ себѣ лицо* сажей. Само собою разумѣется, что такія шутки при тѣхъ же зрителяхъ не повторяются, такъ какъ желающихъ въ помощники фокуснику изъ нихъ уже не найдется.

Саэсъ вандонъ (отрѣзыванье рукава платья). Одинъ изъ желающихъ пошутить надъ кѣмъ-нибудь объявляетъ себя фокусникомъ; говоритъ, что онъ отрѣжетъ рукавъ платья, который, по магическому дѣйствію его, въ ту-жъ минуту сростется. Кто желаетъ отдать свой рукавъ, вынимаетъ изъ него руку и выходитъ за дверь; рукавъ же остается внутри комнаты прижатымъ въ дверь. Тогда фокусникъ беретъ ковшъ воды и наливаетъ въ рукавъ. Затѣмъ отпирается дверь и поднимается рукавъ; вылившейся изъ рукава водой обливается весь бокъ находящагося за дверью и это вызываетъ общій хохотъ.

Разсказы.

Кулэмъ Убиръ. Возвращался домой со службы солдатъ. Пришедши въ одно село поздно вечеромъ, онъ постучался кое-гдѣ, но его никто ночевать не пустилъ и онъ принужденъ былъ переночевать у церковной ограды, гдѣ были могилы; а это было лѣтомъ.

Лежитъ солдатъ у церковной ограды, подложивши подъ голову свой ранецъ, но сонъ ему не идетъ и на умъ. Такъ пролежалъ онъ до полуночи. Вдругъ, въ самую полночь, въ церковной оградѣ представилось ему такое привидѣніе: вылѣзаетъ изъ могилы въ бѣломъ саванѣ мертвецъ; снимаетъ съ себя саванъ, постилаетъ его на могилу и улетаетъ, подобно птицѣ. Какъ только мертвецъ улетѣлъ, солдатъ пробрался чрезъ рѣшетку за ограду, взялъ саванъ и вернулся съ нимъ на свое мѣсто: а онъ слыхалъ, что мертвецъ за ограду не можетъ перейдти обратно. Спустился онъ на свою могилу, но безъ савана не можетъ залѣзть въ свою могилу. Смотритъ туда, сюда—нѣтъ савана. Скрежещетъ зубами, но виновника не находитъ. Увидѣлъ наконецъ за оградой солдата: подошелъ къ нему и говоритъ:

— «Зачѣмъ взялъ мой саванъ? Отдай скорѣе, не то я съѣмъ тебя».

— «Врешь, не съѣшь,—говоритъ солдатъ и продолжаетъ:—скажи: кто ты, куда леталъ и что дѣлалъ? Скажешь—отдамъ, не скажешь—простись съ саваномъ».

— «Я—Убиръ,—говоритъ онъ.—былъ на свадьбѣ въ такой-то деревнѣ (назвалъ деревню)».

Самъ онъ страшнѣе всякаго звѣря: глаза какъ раскаленныя уголья, зубы длинны какъ коточики.

— «Что ты дѣлалъ на свадьбѣ?»—опять спрашиваетъ солдатъ.

— «Тамъ у меня родня; у нихъ женили сына. Они не поминаютъ меня и я рѣшился имъ отмстить».

— «Какъ же ты отмстилъ имъ?»

— «Вынулъ изъ молодого и молодой кровь».

— «Что же имъ будетъ теперь?»

— «Они умрутъ и пойдутъ туда же, гдѣ живу я».

— «Куда ты положилъ вынутую кровь?»

«Кровь молодушки положилъ на косякъ двери, а кровь молодого засунулъ за матицу, что подъ потолкомъ».

— «Непремѣнно они должны умереть?»—опять спрашиваетъ солдатъ.

— «Да, умрутъ скоро»,—отвѣчаетъ Убиръ.

— «Возврати имъ жизнь, безъ этого нѣтъ и савана»,—говоритъ солдатъ.

«Я не могу уже сдѣлать этого: мнѣ пришло время вернуться въ свое жилище. Отдай саванъ».

— «Нѣтъ, не отдамъ,—говоритъ солдатъ.—Скажи, по крайней мѣрѣ, кто можетъ ихъ вылечить. Если оживутъ, я велю поминать тебя».

— «Если молодой и молодушка съѣдятъ свою запекшуюся кровь—оживутъ».

Этого только и надо было солдату. Бросилъ онъ саванъ за ограду Убиру и этотъ, надѣвши его на себя, вошелъ въ могилу.

Переночевалъ солдатъ у церковной ограды и пошелъ въ деревню, гдѣ былъ въ прошлую ночь Кулэмъ Убиръ.

— «У кого здѣсь свадьба?»—спрашиваетъ онъ деревенскихъ. И ему указываютъ на домъ, въ которомъ сыграли свадьбу, и, между прочимъ, предупреждаютъ, что молодые вдругъ ночью захворали и теперь лежатъ при смерти и, такимъ образомъ, радость смѣнило горе.

Солдатъ зашелъ въ избу и разсказалъ тамъ о видѣніи. Всѣ начали искать кровь молодыхъ и нашли тамъ, куда положилъ Кулэмъ Убиръ. Надъ дверями нашли въ бѣлой холщевой тряпкѣ свѣжую кровь молодушки, а за матицей—кровь молодого, тоже въ бѣлой тряпкѣ. Солдатъ велѣлъ скормить молодымъ каждому свою кровь, обѣщая имъ выздоровленіе. Скормили каждому свою кровь и они почувствовали облегченіе, а черезъ нѣсколько часовъ и совсѣмъ выздоровѣли (Григорій Степановъ).

Воршуды. Это было давнымъ давно, еще въ началѣ просвѣщенія вотяковъ христіанскою вѣрою. Одинъ вотякъ, принявшій христіанскую вѣру, не сталъ исполнять никакіе старые обычаи. Жрецы нѣсколько разъ предупреждали его, угрожая, что за несоблюденіе старыхъ отцовскихъ обычаевъ онъ будетъ жестоко наказанъ; совѣтовали ему, по крайней мѣрѣ, забыть обычаи не-

вдругъ. Однако онъ рѣшился совсѣмъ бросить старую вѣру, какъ изношенный лапоть. «Не хочу», говоритъ, «старой вѣры: не видалъ ее!» Такъ и сдѣлалъ; совсѣмъ бросилъ старую вѣру, но куалу не разрушилъ. Вскорѣ послѣ этого его стали мучить воршуды. Они преслѣдовали его по ночамъ; когда онъ ложился спать—тяжелый камень давилъ ему грудь, когда шелъ спать въ клѣть—воршуды выходили изъ куалы и шли къ нему: когда же возвращался обратно въ избу, они исчезали подобно туману. Такъ онъ мучился нѣсколько времени. Наконецъ вышелъ изъ терпѣнья и рѣшился разстрѣлять воршудовъ. Въ слѣдующую же ночь онъ зарядилъ ружье и легъ среди ограды, недалеко отъ куалы, направивши дуло ружья къ куалѣ. Вдругъ около полуночи выходитъ изъ куалы и идутъ къ нему три воршуда въ бѣлыхъ одеждахъ: одинъ—юноша безъ бороды, другой тоже—молодой, но уже съ бородой, третій—женщина. «Я выстрѣлилъ, говоритъ, и привидѣніе исчезло». Съ этого времени воршуды дѣйствительно не стали къ нему являться и переселились въ другую куалу, но за дерзость напустили на вотяка такую лютую боль (четырмонъ), что онъ и жизни сталъ не радъ: всего его скорчило. «Вижу я, говоритъ, однажды во снѣ, будто кто-то говоритъ мнѣ: «если ты бросилъ старую вѣру—шалашъ истреби совсѣмъ: ходи въ церковь въ день по три раза, ставь свѣчи и будешь новый человѣкъ». Онъ такъ и сдѣлалъ, шалашъ (куалу) продалъ, сталъ ходить въ церковь, ставить свѣчи и съ этимъ здоровье ему возвратилось (Андрей Козьминъ, с. Завьялова).

Урокъ у колдуна. Захотѣлось мужику научиться колдовству, чтобы кто его изобидитъ—испортить. Вотъ приходитъ онъ къ колдуну и говоритъ:

— «Научи меня колдовству; я угощу тебя чѣмъ могу».

— «Ладно,—говоритъ колдунъ,—учись».

Колдунъ приказалъ истопить баню, чтобы идти туда давать уроки ученику. Истопили баню и, когда закрыли ее, колдунъ зоветъ своего ученика въ баню. Зашли они въ баню и чрезъ нѣсколько минутъ, когда колдунъ произнесъ тайныя нашептыванья и заклинанья, въ банѣ явились всякія гадины: змѣи, ящерицы, жабы, лягушки и проч.

— «Съѣшь этихъ гадинъ и научишься колдовству», говоритъ колдунъ.

Ученикъ его испугался и убѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ не сталъ и думать объ этой наукѣ (Алексѣй Васильевъ).

Подобный же этому разсказъ помѣщенъ нами въ книгѣ «Вотяки Сосновскаго края» (Записки И. Р. Г. О. по отд. этн., т. XIV, вып. 2, стр. 92).

Бета и Хамитъ. Родился Бета въ Завьяловѣ и сталъ молодецъ молодцомъ; дѣвки его любятъ, старики хвалятъ, словомъ, Бетѣ жизнь—блаженство. Взяли его въ солдаты и повѣсилъ онъ головушку: на службѣ въ тѣ времена житье было плохое, хуже каторги. Не радъ сталъ Бета житью и рѣшилъ бѣжать. Сбѣжалъ онъ со службы и набралъ себѣ вольницу изъ разныхъ бродягъ и праздношатающихся и сталъ съ ними разбойничать, переходя съ мѣста на мѣсто съ волчьимъ паспортомъ *). Такъ жилъ Бета до тридцатилѣтняго возраста. Услыхалъ онъ, что вотяковъ начали крестить и что и преступникъ, принявшій св. Крещеніе, будетъ прощенъ: такова де послѣдовала милость царская. Надоѣла такая жизнь Бетѣ и пожелалъ онъ креститься, а крестить уже начали и въ Казани. Отправился онъ въ Казань и объявилъ себя полковнику дезертиромъ изъ вотскаго племени, еще не крещеннымъ, и при этомъ присовокупилъ, что онъ желаетъ принять христіанскую вѣру. Полковникъ объявилъ ему прощеніе и окрестили его въ рѣкѣ Казанкѣ, при чемъ воспріемникомъ былъ самъ полковникъ. При крещеніи онъ нареченъ Борисомъ. Крестившись. Бета вернулся въ свою родину въ Завьяловскую сторону и объявилъ о своемъ крещеніи принявшимъ христіанскую вѣру, которую начали принимать уже и единоплеменники его. Вотяки не повѣрили ему и послали его обратно въ Казань. Изъ Казани онъ вернулся, но отсюда опять его прогнали. Такъ ѣздилъ онъ въ Казань девять разъ и не радъ сталъ житью: вотяки все его считаютъ бѣглымъ и боятся его. Борисъ наконецъ выправилъ бумагу, свидѣтельствующую о своемъ крещеніи и пріѣхалъ къ вотякамъ. Тогда только и повѣрили ему вотяки. Однако Борисъ рѣшилъ отмстить своимъ единоплемен-

*) Имѣть волчій паспортъ, какъ говорятъ простолюдины, значитъ быть бѣглымъ.

никамъ за то, что они не вѣрили ему и прогоняли отъ себя. Встрѣтился онъ случайно съ разбойникомъ Хамитомъ, по вѣрѣ язычникомъ, съ которымъ знакомъ былъ прежде по ремеслу, и сказалъ ему, что въ Завьяловской сторонѣ дѣвушки красивы, что вотяки богаты, а Хамитъ былъ охотникъ до женскаго пола. Онъ обладалъ знаніемъ колдовства, такъ что ему, заговорившемуся, не вредила никакая стрѣла; ружей же у вотяковъ въ тѣ времена еще не было. Прибылъ Хамитъ въ Завьяловскую сторону съ сестрой, которая служила ему только тѣмъ, что искала въ головѣ и этимъ усыпляла его. Прибывши, Хамитъ началъ вольничать какъ ему было угодно, предавался неимовѣрному сладострастію и грабилъ людей. Если присмотритъ какую нибудь красавицу-дѣвушку или женщину, уведетъ къ себѣ и, опозоривши, отпуститъ. Жители стали не рады своему житью, но избавиться отъ него не могли. Вотъ стали они уговаривать его сестру перерѣзать злодѣю горло во время исканья въ головѣ его паразитовъ. Сестра долго не соглашалась на это и, наконецъ, когда обѣщали ей хорошаго жениха, дала слово исполнить просьбу жителей.

— Ладно, сказала она, надо же когда нибудь съ нимъ разстаться.

Хамитъ, какъ колдунъ, узналъ намѣреніе своей сестры и говоритъ ей:

— «Сестра, ты меня хочешь зарѣзать?»

— «Что ты, братъ, развѣ можно роднаго брата зарѣзать!»

— «Нѣтъ, зарѣжешь, я знаю.»

Однако Хамитъ довѣрилъ ей искать въ головѣ и началъ засыпать. Когда Хамитъ началъ засыпать, сестра перерѣзала ему горло какъ барану. Такъ и кончился Хамитъ.

«И по дѣломъ ему! Такъ и надо; собакѣ—собачья смерть», сказали вотяки.

Въ гостяхъ у покойницы. У одного вотяка была свояченица необыкновенной красоты, уже невѣста. Вдругъ случился съ ней припадокъ и она умерла. Случилось вотяку лѣтомъ искать въ полѣ коней и проходить мимо кладбища, гдѣ похоронена его свояченица-красавица. Идетъ онъ мимо кладбища и вдругъ видитъ свою умершую свояченицу стоящей на своей могилѣ

— «Кого ищешь зятюшко?» спрашиваетъ дѣвица-покойница. Уди-

вился зять появленію своей свояченицы, но въ разговоръ съ ней о томъ, какимъ образомъ очутилась она на бѣломъ свѣтѣ, не вошелъ, да и смѣлости не хватило.

— «Лошадку ищу, свояченица! не видала ли ее?»—отвѣчаетъ зять.

Но слова его свояченица почему-то пропустила мимо ушей, а только велѣла ему зажмурить глаза. Онъ закрылъ глаза и въ минуту, какъ только свояченица велѣла открыть ихъ, очутился онъ въ четырехугольной избѣ (вѣроятно въ могилѣ мертвой).

— «Скоро придетъ сюда свадьба, тебя запру подъ залавокъ», говоритъ свояченица.

Она надѣла на него рубашку и заперла подъ залавокъ, который служитъ у вотяковъ въ зимнее время курятникомъ.

Вдругъ слышитъ зять, что къ свояченицѣ зашла свадьба, распѣвая свадебныя пѣсни. Полюбопытствовалъ зять узнать, какая свадьба пришла къ свояченицѣ. Нашелъ онъ круглое отверстіе и высматриваетъ изъ подъ залавка. Глазамъ его представилась такая картина: вошла свадьба съ пѣснями и принесла одно коромысло (два ведра) свѣжей крови. Невѣста обмакнула въ кровь безъимянный палецъ и свадьба вышла обратно; вышла и невѣста. Тогда выпустила свояченица изъ подъ залавка зятя и говоритъ ему: «ты, зятюшко, чрезъ два дня умрешь и будетъ тебя встрѣчать свадьба какъ невѣсту». Сказавши это, она велѣла ему закрыть глаза. Закрылъ онъ глаза и очутился на бѣломъ свѣтѣ, т. е. тамъ, гдѣ былъ сначала (у кладбища). Пришелъ домой и видитъ своихъ семьяпъ обѣдающими за столомъ. Онъ разговариваетъ съ ними... сѣлъ за столъ обѣдать, но никто его не видитъ. Семейные смотрятъ туда, сюда, но не видятъ его. Всякій пересталъ и ѣсть.

— «Что за чудо! отчего я сталъ невидимъ?» говоритъ себѣ мужикъ и выходитъ въ сѣни снять съ себя рубашку подаренную мертвой свояченицей, думая, что вѣроятно-де не видятъ его отъ этой рубахи. Снявши рубашку, вошелъ въ избу и тогда у семейныхъ открылись глаза.

— «Гдѣ ты находился такъ долго? мы уже потеряли тебя», говорятъ семейные.

— «Искалъ я лошадь, да не нашелъ», говоритъ онъ. И началъ онъ разсказывать семейнымъ о свиданіи съ мертвой свояченицей

и при этомъ присовокупилъ, что свояченица подарила ему рубашку. Семейные не повѣрили ему и онъ надѣлъ на себя рубашку; въ этой рубашкѣ опять не стало его видно. Онъ сталъ разговаривать съ женой. Опять снялъ рубашку и сталъ видимъ. Черезъ два дня онъ умеръ, приказавши положить рубашку съ нимъ. И похоронили его семейные въ подаренной свояченицей рубашкѣ на кладбищѣ, недалеко отъ могилы свояченицы (Алексан. Андреева).

Подобный же этому разсказъ слышали мы отъ Василья Григорьева и записываемъ его со словъ разсказщика.

Дѣвушка съ парнемъ держали пари (ӧчешпльямъ). Если дѣвушка парня узнаетъ—подаритъ парню рубашку, а если узнаетъ парень—подаритъ дѣвушкѣ лапти. Узналъ парень и, слѣдовательно, долженъ былъ получить отъ дѣвушки рубаху, но дѣвушка, не исполнивши обѣщанья, умерла скоропостижно. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти дѣвушки парень увидѣлъ ее, умершую, въ полѣ, и она обращается къ нему со слѣдующими словами:

— «Опозналъ ли», говоритъ, «меня»?

— «Нѣтъ, не опозналъ» отвѣчаетъ парень.

— «Мы съ тобой держали пари. Я не подарила тебѣ рубаху и умерла. Безъ исполненія обѣщанія мнѣ житье не хорошо въ нашихъ людяхъ» говоритъ дѣвушка.

— «А, теперь узналъ», говоритъ парень.

— «Иди за мной, я тебѣ подарю обѣщанную рубашку».

— «Айда, пойдемъ».

Пошли они и пришли на кладбище, гдѣ похоронена дѣвушка. Она привела его къ своей могилѣ; тамъ, въ могилу ея, идетъ не большая нора. Залѣзли они въ эту нору и очутились въ комнаткѣ дѣвицы. Дѣвица заперла его въ ящикообразный ларъ (пыкысо-дзюсъ) и говоритъ ему: «лежи здѣсь смирно, не говори: сейчасъ у меня будетъ свадьба».

Какъ только дѣвушка успѣла запереть парня, вошли въ избу люди съ пѣснями и внесли въ комнату гробъ. Обошли нѣсколько разъ вокругъ гроба со свадебными пѣснями и подняли изъ гроба здороваго, краснваго человѣка.

— «Отчего у тебя въ комнатѣ инымъ духомъ пахнетъ?» спрашиваетъ свадьба дѣвицу. Они опущали, вѣроятно, запахъ живого человѣка.

— «Нѣтъ, ничѣмъ не пахнетъ», говоритъ дѣвушка.

Парень все это слышалъ и видѣлъ чрезъ небольшое отверстіе. Когда свадьба ушла, дѣвица велѣла парню вылѣзти изъ подъ нара.

— «Я ушелъ бы ужъ домой», говоритъ парень.

— «Погоди, я сама тебя провожу; сначала надѣну еще на тебя рубаху».

Дѣвица выпроводила его и онъ пришелъ домой. Дома разговариваетъ съ семейными, но его никто не видитъ; оглядываются кругомъ—нѣтъ никого.

— «Кто это говоритъ»? спрашиваютъ семейные другъ друга.

Парень вышелъ въ сѣни и снялъ съ себя рубаху.

— «Чего, чего не увидишь! гдѣ я не былъ», говоритъ семейнымъ онъ. Тутъ разсказалъ онъ подробно о свиданіи съ мертвой и о рубахѣ, подаренной ей, и, чтобы доказать семейнымъ чудесное свойство рубахи, онъ опять надѣлъ ее на себя. Въ рубахѣ онъ сдѣлался невидимъ.

— «Теперь мнѣ можно воровать: въ рубахѣ меня никто не увидитъ», говоритъ мужичекъ.

И, надѣвши на себя рубаху, пошелъ онъ въ городъ. Тамъ нашелъ себѣ квартиру и сталъ таскать у купцовъ товаръ. Таскалъ, таскалъ — наполнилъ товаромъ всю комнату, а денегъ и не перечесть. Раззорилъ почти всѣхъ купцовъ.

Теперь захотѣлось ему идти воровать безъ рубахи. «Найдутъ, не найдутъ, все равно для меня: я теперь богатъ»—говоритъ онъ. Зашелъ въ магазинъ и тамъ поймали его. Арестовали и засадили въ тюрьму, какъ вора. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ и горюетъ, а квартиру его запечатали.

Однажды онъ говоритъ начальникамъ:

— «Я ничего не жалѣю, только жалко мнѣ рубахи, которая находится у меня на квартирѣ. Выдайте мнѣ ее».

Выдали ему рубаху и онъ надѣлъ ее на себя въ сѣняхъ тюрьмы. Опять онъ сталъ невидимъ и свободно вышелъ изъ тюрьмы и сказалъ тюремщикамъ у дверей тюрьмы:

— «Чѣмъ меня запирать въ тюрьму, лучше запирайте тысячу чертей».

— «Кто это говоритъ»? спрашиваютъ другъ друга тюремщики, слыша голосъ мужика—невидимки, но самого не видя. Ушелъ онъ

воровать въ другой городъ, а квартиру съ воровскимъ имѣніемъ оставилъ на произволъ судьбы. Да нечего было и заботиться о квартирѣ: она опустѣла вся, такъ какъ признанный товаръ развезенъ купцами, у которыхъ онъ укралъ его.

Снялъ съ себя невидимку—рубашку и идетъ къ мясникамъ.

— «Пудами продаете ли говядину»? спрашиваетъ онъ.

— «Нѣтъ, пудами не продаемъ: продаемъ только стягами», говорятъ ему.

— «Продайте мнѣ на три рубля», сказалъ онъ.

Купилъ онъ мяса и отдалъ фальшивый билетикъ.

Купецъ сталъ придираться къ мужику, говоритъ, что онъ самъ дѣлаетъ фальшивые билетики.

У купца было мяса много, въ томъ числѣ была туша свиная, рублей на девять. Эту тушу обратилъ мужикъ въ мертвое тѣло и говоритъ купцу:

— «А ты зачѣмъ убиваешь людей? смотри, у тебя виситъ мертвое тѣло».

Купецъ смотритъ и не вѣритъ глазамъ, откуда у него могло появиться мертвое тѣло.

Мужикъ началъ придираться къ купцу.

— «Сейчасъ я донесу полиціи и тебя арестуютъ», говоритъ онъ.

— «Не сказывай, пожалуйста, никому; сколь есть у меня товару — бери, только никому не говори. Лучше пособи успрятать мертвое тѣло».

Мужикъ согласился, но съ условіемъ, чтобы торговать недѣлю вмѣстѣ и деньги раздѣлить.

Согласился купецъ и они начали торговать. Въ мѣсяцъ мужикъ съѣлъ всю свиную тушу, а товаръ его перетаскалъ весь. Этого купецъ не замѣтилъ. Мужикъ разорилъ его и купецъ сталъ нищимъ.

Эти два произведенія устной словесности хотя и причислили мы къ разсказамъ, но они, по всей вѣроятности, сказки; если же нельзя ихъ причислить къ сказкамъ, то они сложились подъ вліяніемъ какихъ нибудь галлюцинацій, ясновидѣній... Рубашка въ обѣихъ сказкахъ напоминаетъ *шапку-невидимку* въ русскихъ сказкахъ.

Цвѣтокъ папоротника (кикы ньыло). Случилось одному мужику

искать свою лошадь вечеромъ, въ ночь на Ивановъ день (купанча уй). Искалъ, искалъ—нигдѣ не нашелъ; между тѣмъ закатилось и солнце. Зашелъ онъ въ послѣдній разъ въ лѣсъ съ цѣлью поискать еще тамъ, но въ лѣсу заблудился. Ходитъ онъ вездѣ, ища лошади; идетъ на востокъ, на западъ, на сѣверъ и югъ, а все не можетъ выйдти. Утомился мужикъ сильно. Хранитель его (Утьысь) невидимо сопутствовалъ ему. Наконецъ жалко его стало и хранителю самому и этотъ, преобразившись въ человѣка, пошелъ къ нему на встрѣчу; встрѣтившись съ нимъ, говоритъ:

— «Зачѣмъ ты такъ бродишь въ лѣсу»?

— «А вотъ заблудился и не могу выйдти», отвѣчаетъ онъ.

Хранитель его взялъ съ носка лаптя его листокъ папоротника и, отдавая его мужику, говоритъ: «этотъ листокъ не теряй: онъ человѣка дѣлаетъ невидимымъ. Что тебѣ надо—иди въ лавку и возьми безъ денегъ».

Сказавши это, хранитель повелъ его и онъ въ одну минуту очутился на полянѣ; хранитель же сталъ невидимъ.

Теперь скажемъ о листкѣ папоротника.

Бродя въ лѣсу, онъ наткнулся на папоротникъ и цвѣтокъ его застрялъ на носкѣ лаптя. Цвѣтокъ этотъ сдѣлалъ его счастливѣйшимъ въ мірѣ: что ему ни надо—онъ беретъ безъ денегъ. (Арсеній Максим.).

Это тоже сказка, какъ и предыдущія двѣ. Она, несомнѣнно, сложилась на какомъ либо повѣріи о цвѣткѣ папоротника.

Шайтаны. Одинъ вотякъ намъ разсказывалъ слѣдующее: «былъ я въ селѣ, сказалъ онъ, и возвращался домой вечеркомъ; а это было зимой. Доѣхавъ до одной горы, о которой говорилось прежде, что тамъ водятся шайтаны, спустился съ нея и лошадь моя замѣтно стала бѣжать тише, какъ будто въ саняхъ прибыло тяжести; но на это я сначала не обратилъ вниманія. Когда же проѣхалъ нѣсколько верстъ и лошадь видимо утомилась, я остановился съ цѣлью осмотрѣть упряжь и сани, думая что, можетъ быть, порвалась какая нибудь сбруя или попало что нибудь подъ сани; но ни того, ни другаго не нашелъ. Опять сѣлъ въ сани и ѣду. Вдругъ, къ величайшему моему изумленію, около меня зачирикали воробьи, но самихъ воробьевъ не видно. Меня обдало со страха какъ холодной водой; а до деревни было еще около двухъ

верстъ; лошадь же моя сильно вспотѣла и, видимо, везти ей было не подъ силу. Я слыхалъ прежде, что шайтаны въ иныхъ мѣстахъ надъ проѣзжими продѣлываютъ разныя шутки и въ этихъ случаяхъ надо читать молитвы. Вѣря въ силу молитвы, я въ настоящемъ случаѣ началъ читать молитвы, какія зналъ. Когда читаю молитвы, какъ будто лошади станетъ легче и шумъ воробьиный утихаетъ, а когда перестану — опять дѣлается тоже. Кое какъ сталъ подъѣзжать къ полевымъ воротамъ и дошло до того, что лошадь остановилась. Я взялъ соломенки и положилъ ихъ впереди на дорогу одну на другую такъ, что изъ нихъ образовалось подобіе креста. Дѣйствительно, когда проѣзжаю крестъ—лошади легче; когда же крестъ останется позади — опять тоже. Вотъ и полевыя ворота. Я водрузилъ на полевыхъ воротахъ изъ тонкихъ вицъ крестъ и тутъ совершилось чудо: лошадь свободно прошла чрезъ ворота и шумъ утихъ. Отъ полевыхъ воротъ уже въ саняхъ никакой тяжести до деревни не замѣтилъ. Вотъ что дѣлаютъ шайтаны!» сказалъ разскащикъ и въ заключенье добавилъ: «если бы не крестъ—не знаю чѣмъ бы это кончилось».

Подобный же разсказъ мы слышали и отъ женщины и передаемъ его дословно, какъ слышали.

«Мы живемъ», сказала женщина, «вдвоемъ съ мужемъ, на концѣ деревни, а недалеко отъ насъ лѣсъ и лога. Въ одно время, поздно вечеромъ, мы отужинали и я, взявши скатерть, открыла окно и стала вытрясать кости и крошки, оставшіяся послѣ ужина и при этомъ шутя сказала: нате, шайтаны, кости; ѣшьте! Вдругъ въ этотъ же моментъ мы услышали страшнѣйшій шумъ, какъ бы отъ сильной бури. Подъ окномъ у костей кто-то какъ будто заговорилъ. Мужъ сидѣлъ у стола, а я, блѣднѣя отъ страха, дрожала, не зная что и дѣлать. Испугался и мужъ; однако онъ не упалъ духомъ, а открывши окно, сказалъ: Господи, благослови! И съ этими словами закрылъ окно. Послѣ этихъ словъ его все утихло, а не скажи онъ молитву, не знаю что и было бы. Теперь, сказала женщина, я и другу, и недругу закажу, чтобы никто не произносилъ худыхъ словъ, особенно въ ночное время».

Сказки.

Калмыкъ кышно (баба-калмычка). Существо это тоже, что и *искалъ*-пыдо муртъ, кузьпише-муртъ, кукри баба—нѣчто въ родѣ сатировъ *), которыхъ вотяки представляютъ то съ коровьими ногами, то съ длинными зубами, то, наконецъ, страшилищами мерзкими.

Женщина съ дочерью ушли въ лѣсъ за малиной. Долго брали они малину и, когда наполнили бураки, пошли обратно домой; но сколько ни шли—выйдти изъ лѣсу не могли, заблудились. Онѣ взобрались на высокую ель и оттуда видятъ вдали огонекъ. Сошли съ ели и пошли въ сторону виднѣвшагося огонька. Шли, шли, дошли до избушки. Зашли въ избушку и видятъ тамъ бабу-калмычку съ коровьими ногами. Сколь ни страшна была баба-калмычка, но страхъ преодолѣлъ голодъ—мать съ дочерью утомленныя, голодныя стали просить ѣсть. Калмычка сварила имъ щей съ человѣческими ногами и руками и въ добавокъ еще съ паразитами (вшами) и приглашаетъ гостей ѣсть. Какъ ни была отвратительна такая пища, но онѣ съ голоду поѣли ее; однако ихъ вскорѣ же вырвало. Легли спать, но сонъ матери и дочери ея не шелъ и на умъ. Когда взошло солнце и птички защебетали въ лѣсу, баба-калмычка принесла въ избу огромное корыто, въ какомъ вотячки-прачки толкутъ бѣлье вмѣсто стирки. Калмычка велитъ имъ перескочить чрезъ это корыто, предупреждая, что та, которая не перескочитъ, останется у ней въ услуженіи. Мать перескочила и ушла, а дочь не могла перескочить и ее оставила калмычка. Тяжело было матери разстаться съ дочерью, но дѣлать нечего: калмычка была неумолима.

Живетъ дѣвушка у калмычки мало ли, много ли: стряпаетъ калмычкѣ стряпню, какую она велитъ ей стряпать; мететъ полъ въ сѣняхъ и въ избѣ. Тоскуетъ она какъ птица въ клѣткѣ, проливаетъ слезы.

Однажды, когда калмычка отлучилась изъ дому, приходитъ къ дѣвушкѣ свинья и говоритъ:

---

*) Въ черемисскихъ сказкахъ людоѣдка представляется съ собачьей головой и коровьими ногами и называется *Пій-Нерешке* У татаръ (казанскихъ) такое существо называется *Итъ-башъ сіиръ-аякъ*.

— «Садись на меня, дѣвушка; я тебя унесу домой».

Дѣвушка сѣла на свинью и несетъ ее свинья. Увидала ее калмычка и побѣжала въ погоню за ней: настигла и увела обратно.

Опять сидитъ дѣвушка и плачетъ. На другой день, когда не было дома калмычки, приходитъ къ дѣвушкѣ соловая лошадь и проситъ садиться на нее. Дѣвушка сѣла на нее и лошадь понесла. Опять увидала калмычка дѣвушку, но сколько ни гналась, догнать не могла; а это было уже въ сумерькахъ.

Пришла дѣвушка на крыльцо; постучалась въ кольцо крыльца, но ей не отперли. И принуждена была она переночевать въ овчарнѣ съ овечками. Ночью пришла къ ней калмычка и съѣла ее всю, только волосы оставила. Пришла утромъ мать дѣвицы въ овчарню и тамъ заговорили голоса: «Э. маминька, маминька! зачѣмъ не отперла дочери? Она убѣжала отъ калмычки въ сумерькахъ: постучалась у тебя на крыльцѣ, а ты не отперла. Пришла къ ней калмычка и съѣла ее».

— «Доченька! доченька! кабы я слышала—отперла бы тебѣ». отвѣчаетъ ей мать, залившись слезами. (Соломон. Ефрем.).

Варіанты этой сказки помѣщены въ книгѣ: «Вотяки Сосновскаго края» (Записки И. Р. Г. О. по отд. этн., т. XIV, вып. 2 1886 г., стр. 158 и 165).

Ѳома-пьяница. «Безъ бѣлаго свѣта трудно жить: я самъ добуду бѣлый свѣтъ, только отпусти со мной солдатъ; мы пойдемъ искать бѣлый свѣтъ». Такъ говорилъ Ѳома-пьяница царю, прося у него въ товарищи солдатъ. Царь охотно удовлетворилъ просьбу Ѳомы-пьяницы и пошелъ онъ, Ѳома, съ солдатами искать бѣлый свѣтъ. Шли они много ли, мало ли, далеко ли, близко ли,—дошли до рѣки. Вдругъ изъ воды вынырнула утка и спрашиваетъ Ѳому:

— «Куда пошелъ, Ѳома, съ солдатами?»

— «Пошелъ искать бѣлый свѣтъ: безъ бѣлаго свѣта трудно жить»,—отвѣчаетъ Ѳома.

— «Не ходи безъ меня, безъ меня не найдешь бѣлаго свѣта».—говоритъ утка.

— «Ну, такъ иди со мной, если не найду безъ тебя».

И полетѣла утка за Ѳомой.

Шли шли они—много ли, мало ли, далеко ли, близко ли,—видятъ: летитъ имъ на встрѣчу голубь и спрашиваетъ:

— «Куда пошелъ, Ѳома, съ солдатами?»

— «Пошелъ искать бѣлый свѣтъ: безъ него трудно жить».— отвѣчаетъ Ѳома.

— «Не ходи безъ меня, безъ меня не найдешь бѣлаго свѣта»,— говоритъ голубь.

— «Ну, такъ иди со мной, если не найду безъ тебя»,—говоритъ Ѳома.

И полетѣлъ голубь за Ѳомой.

Шли они много ли, мало ли, близко ли, далеко ли—дошли до бѣлаго свѣта и спрашиваютъ:

— «Здѣсь ли бѣлый свѣтъ?»

— «Здѣсь»,—отвѣчаютъ имъ.

— «Какъ ему имя?»

— «Дѣвица Марія» *).

Взяли дѣвицу Марію и заперли въ ящикъ.

— «Ну, теперь нашли бѣлый свѣтъ, пойдемъ обратно на родину»,—говоритъ Ѳома-пьяница.

И пошли они всѣ на родину съ бѣлымъ свѣтомъ.

Въ дорогѣ дѣвица Марія какъ-то вышла изъ ящика и улетѣла, сдѣлавшись птицей.

Погнался за ней въ погоню голубь; поймалъ ее и принесъ.

Случилось имъ плыть моремъ, и они сѣли въ лодку. Опять высвободилась дѣвица Марія и нырнула въ воду. Вслѣдъ же за ней нырнула въ воду и утка и чрезъ малое время возвратилась съ дѣвицей Маріей. Заперли ее, Марію, въ ящикъ и крѣпко стерегутъ. Переплыли они море и идутъ сухимъ путемъ.

— «Ну, вы идите теперь безъ меня, я пойду одинъ»,—говоритъ Ѳома-пьяница солдатамъ».

Солдаты съ дѣвицей Маріей ушли впередъ, а Ѳома-пьяница остался. Отдохнулъ онъ и опять пошелъ одинъ-одинехонекъ. Шелъ, шелъ—дошелъ до лѣсу и тамъ на пути встрѣтился со змѣемъ, длиной съ версту.

— «Расчисти для меня мѣсто въ одну версту».—говоритъ Ѳомѣ змѣй.

Расчистилъ Ѳома-пьяница змѣю мѣсто и стало ему, змѣю, сво-

*) По выраженію разсказчика-вотяка «Марія дѣва».

бодно ворочаться кругомъ. Ударилъ змѣй Ѳому хвостомъ и онъ увязъ въ землѣ до оборковъ своего лаптя. Вытащилъ Ѳома-пьяница ноги изъ земли и змѣя изрубилъ имѣющейся при немъ шестидесяти-пудовой саблей, а куски разбросалъ вездѣ по морю.

Идетъ Ѳома-пьяница лѣсомъ и опять встрѣчается со змѣемъ, длиной двѣ версты.

— «Расчисти для меня, Ѳома, кругомъ мѣсто двѣ версты»,— проситъ Ѳому змѣй.

Расчистилъ Ѳома змѣю мѣсто двѣ версты и змѣю стало свободно ворочаться кругомъ. Ударилъ змѣй хвостомъ Ѳому-пьяницу и онъ увязъ по колѣно. Вытащилъ Ѳома изъ земли ноги и изрубилъ змѣя въ куски имѣющейся при немъ шестидесяти-пудовой саблей, а самые куски разбросалъ по морю.

Идетъ Ѳома-пьяница тоже лѣсомъ и опять встрѣчается со змѣемъ, длиной въ три версты. У змѣя на лбу луна, а на языкѣ— звѣзда.

— «Расчисти мнѣ, Ѳома, мѣсто кругомъ три версты»,—проситъ змѣй.

Расчистилъ Ѳома змѣю мѣсто три версты кругомъ и змѣю стало свободно ворочаться кругомъ. Змѣй ударилъ Ѳому-пьяницу хвостомъ и онъ увязъ въ землю по поясъ. Выкарабкался Ѳома изъ земли кое-какъ и изрубилъ змѣя имѣющейся при немъ шестидесяти-пудовой саблей. Съ языка взялъ ножемъ звѣзду, а со лба луну. Куски змѣя разбросалъ по морю. Идетъ Ѳома-пьяница домой и встрѣчается съ нищимъ. Оборотился Ѳома-пьяница въ муху и сѣлъ на плечо.

Шелъ, шелъ нищій и дошелъ до жены змѣя.

— «Не видалъ ли ты, нищій, Ѳому-пьяницу? Онъ перебилъ нашихъ мужей»,—спрашиваетъ жена змѣя

— «Нѣтъ, не видалъ»,—говоритъ нищій.

— «Зачѣмъ ты не смотришь? Вѣдь ходишь вездѣ по міру, долженъ знать»,—говоритъ жена змѣя и присовокупляетъ: «я предъ Ѳомой сдѣлалась бы свѣтлымъ ручейкомъ».

Идетъ нищій и доходитъ до другой жены другаго змѣя.

— «Не видалъ ли ты, нищій, Ѳому-пьяницу?»—спрашиваетъ жена змѣя.

— «Нѣтъ, не видалъ»,—говоритъ нищій.

— «Зачѣмъ ты не видишь? Вѣдь ходишь вездѣ по міру,—долженъ знать, что дѣлается въ мірѣ. Ѳома-пьяница перебилъ нашихъ мужей. Я предъ нимъ сдѣлалась бы румянымъ яблокомъ».

Идетъ нищій и доходитъ до жены третьяго змѣя.

— «Не видалъ ли ты, нищій, Ѳому-пьяницу?»—спрашиваетъ жена змѣя.

— «Нѣтъ, не видалъ»,—говоритъ нищій.

— «Зачѣмъ ты не видишь? Вѣдь ходишь вездѣ по міру,—долженъ знать, что дѣлается въ мірѣ. Ѳома-пьяница перебилъ нашихъ мужевей. Я предъ нимъ сдѣлалась бы вкусной булкой».

Улетѣла муха впередъ и опять сдѣлалась Ѳомой-пьяницей.

Идетъ Ѳома и на пути возлѣ дороги видитъ свѣтлый ручеекъ.

— «Это—жена змѣя, не надо пить воду»,—говоритъ себѣ Ѳома и идетъ впередъ.

Идетъ онъ дальше и опять видитъ румяное яблоко.

— «Это—жена змѣя, не надо его ѣсть»,—говоритъ Ѳома и идетъ.

Въ третій разъ видитъ бѣлую булку и опять оставляетъ ее.

Идетъ онъ дальше въ свою родину одинъ-одинехонекъ. Оглянулся назадъ и видитъ, что за нимъ гонится змѣй. Что дѣлать? Какъ убѣжать отъ змѣя? Увидѣлъ онъ у дороги кобылицу; сѣлъ на нее и поѣхалъ, а змѣй все гонится за нимъ; вотъ уже догоняетъ его. Случилась ему на пути кузница и онъ, зашедши въ нее, заперъ за собой дверь. Змѣй прогрызъ дверь кузницы и зашелъ. Какъ только змѣй разинулъ пасть, Ѳома взялъ языкъ змѣя въ тиски и убилъ змѣя двѣнадцатифунтовымъ молотомъ. Пришелъ Ѳома домой, явился къ царю и говоритъ:

— «Вотъ, я нашелъ бѣлый свѣтъ. Теперь давай мнѣ семь харчевень на ночь пить и ѣсть, что сколь душѣ угодно (Степ. Николаев. Каменскій).

Сказка эта, какъ видно изъ содержанія, есть варіантъ какой-нибудь длинной сказки. Неполнота сказки видна уже изъ того, что въ ней вовсе не говорится, что сдѣлалось съ дѣвицей Маріей, звѣздой и луной, которыя снялъ Ѳома съ языка и лба змѣя. Вообще, видно, что сказка не полна. На вотякскомъ языкѣ она сказывается какъ стихотвореніе.

Пюлэсмуртенокъ. Извѣстно, что ни одна война не проходитъ

безъ нюлэсмурта (лѣшаго). Кого онъ любитъ, тому сильно на войнѣ помогаетъ: а помогаетъ такъ: пускаетъ на непріятеля вѣтеръ и пыль, и непріятелю трудно бываетъ сражаться и его противная сторона побѣждаетъ *). Въ одно время, когда случилась война, Нюлесмуртъ, собираясь на войну, сына своего привязалъ къ большой ели въ лѣсу и отправился на войну помогать Бѣлому царю. Сынъ его, оставшись въ лѣсу привязаннымъ къ ели, кричалъ во весь лѣсъ. Услышалъ крикъ его охотникъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати. Пошелъ онъ на крикъ нюлэсмуртенка: пришелъ и, сжалившись надъ нимъ, отвязалъ его.

— «Большое тебѣ спасибо»,—говоритъ охотнику нюлэсмуртенокъ и обѣщается услужить охотнику, говоря: «ты на слѣдующій годъ уйдешь въ солдаты и я замѣню тебя».

Такъ и случилось: на слѣдующій годъ взяли его, охотника, въ солдаты и назначили на службу въ далекій край. Охотникъ-солдатъ собрался тоже въ дорогу, какъ и прочіе товарищи его, принятые на службу. Явился къ нему нюлэсмуртенокъ и говоритъ:

— «Не торопись въ дорогу, мы успѣемъ еще».

Согласился солдатъ остаться и прожилъ на родинѣ еще три дня; между тѣмъ начальники потеряли его, а кто думалъ, что видно-де онъ отправился впередъ. Если нѣтъ его впереди—значитъ бѣглый. Черезъ три дня нюлэсмуртенокъ посадилъ солдата на себя верхомъ и понесъ его въ вихрѣ по воздуху. Въ одинъ мигъ солдатъ очутился въ городѣ, гдѣ должна была быть новѣрка новыхъ солдатъ. Является и знакомый нюлэсмуртенка и начальникъ спрашиваетъ его о томъ, гдѣ онъ былъ?

— «Я здѣсь уже три дня», -говоритъ онъ и въ доказательство представляетъ свидѣтелей.

Живутъ солдаты въ городѣ и нашъ солдатикъ съ нюлэсмуртенкомъ тамъ.

— «Ну, пора теперь освободить тебя»,—говоритъ нюлэсмуртенокъ и пишетъ бумагу генералу. Послалъ онъ бумагу съ солдатомъ и генералъ, прочитавши бумагу, говоритъ:

— «Ну, иди домой, я тебя увольняю».

---

*) Повѣрье вотяковъ.

Солдатъ съ радости купилъ ведро водки и угощаетъ товарищей: а тѣ завидуютъ ему, говоря:

— «Счастливъ ты: не прослужилъ и дня и уже отправляешься домой.»

Выпили водку: простился солдатикъ съ товарищами; сѣлъ на нюлэсмуртенка и полетѣлъ птицей. Остановился солдатъ въ ближнемъ городѣ и закутилъ, и нюлэсмуртенокъ все съ нимъ. Нюлэсмуртенокъ говоритъ ему:

— «Твоя жена уже выходитъ замужъ.»

— «Айда уже домой, можетъ быть еще застану свою жену».

Сѣлъ онъ на нюлэсмуртенка и полетѣлъ стрѣлой.

Зашелъ онъ въ избу, а тамъ, смотря на него, не вѣрятъ глазамъ. «Откуда», говорятъ. «явился онъ? вѣдь мы получили похоронную, что онъ умеръ, и просватываемъ жену за другого.

— «Какъ умеръ? видите, вѣдь, что я! Меня начальство уволило совсѣмъ и я теперь вольный казакъ.»

Удивились этому всѣ и свадьба разстроилась, но на возвращеніи сына родители и всѣ родственники пировали пуще, чѣмъ на свадьбѣ. А все это продѣлки нюлэсмуртенка, который сдѣлалъ такое добро за добро же. Сватовщики уѣхали, несолоно хлѣбавши.

Нюлэсмуртенокъ вспрыгнулъ кверху и проломилъ потолочину. Пронесся онъ вихремъ чрезъ дыру и чрезъ минуту принесъ три ведра водки.

Всѣ кутнули на славу, и, наконецъ, нюлэсмуртенокъ спрашиваетъ знакомаго:

— «Сколько лѣтъ ты будешь жить со мной въ дружбѣ?»

— «Шесть лѣтъ,» говоритъ онъ.

— «Ну, ладно: только ты приноси мнѣ въ жертву каждый годъ чернаго барана».

— «Хорошо бы, отвѣчаетъ знакомый его, да вотъ бѣда-то въ чемъ: у меня денегъ нѣтъ».

— «Я дамъ тебѣ денегъ».

— «Ладно», говоритъ ему знакомый.

Отдалъ нюлэсмуртенокъ знакомому нѣсколько тысячъ денегъ и онъ сталъ исполнять просьбу друга. (Иван. Стрѣлк.).

Вумурты. Жили были въ одной деревнѣ два сосѣда. У обоихъ было по одной дочери. Выросли у нихъ дочери и стали не-

вѣстами. У одного сосѣда дочь сватаютъ богатые и бѣдные, а ему все еще не хочется выдать дочь; у другаго же никто не сватаетъ, не смотря на то, что дочь его красавица изъ красавицъ; а отцу сильно хотѣлось выдать ее.

— «Хоть бы чертъ пришелъ сватать мою дочь!» говоритъ послѣдній, когда увидѣлъ у сосѣда сватовей.

На другой же день пріѣхали къ нему сватовщики въ богатыхъ нарядахъ, какъ городскіе купцы и сватаютъ его дочь.

— «Какъ я выдамъ за васъ, богачей, когда средства у меня нищенскія? вѣдь за богачей выдать надо и пиръ завести богатый», говоритъ мужикъ.

— «Мы не разбираемъ кто каковъ, намъ была бы только невѣста подходящая, работящая, а такую въ лицѣ твоей дочери и нашли мы,» отвѣчаютъ сватовщики.

Мужикъ согласился и просваталъ свою дочь за жениха-купца, который былъ тутъ же. Сыграли свадьбу и отправляются домой съ невѣстой или, вѣрнѣе, съ молодой.

— «Откуда вы сами? Мы просватали дѣвушку, сыграли свадьбу, вы уводите уже невѣсту, а сами не знаемъ откуда, кто вы», рѣшилась спросить догадливая старушка—бабушка невѣсты.

— «Въ самомъ дѣлѣ вѣдь вовсе не знаемъ откуда нашъ женихъ и наши сватовья. Дочь свою мы все равно что продали. Неладно это дѣло, надо все узнать»,—говорятъ всѣ семейные и спрашиваютъ сватовей.

— «Мы изъ Москвы-города: занимаемся торговлей,» говорятъ сватовья.

Старуха назвалась проводить внучку хоть до перевоза, который былъ недалеко отъ деревни.
Сѣла бабушка въ телѣгу и поѣхали; доѣхали до рѣки и бабушкѣ велѣли выйдти изъ телѣги. Какъ только бабушка вышла, весь поѣздъ спустился въ воду и былъ таковъ. Бабушка тутъ волкомъ завыла, да дѣлать нечего, не воротишь.

— «За Ву-Мурта мы отдали бѣдняжку; ужъ не видать намъ ее», причитала бабушка, возвращаясь домой.

Вернулась она домой и со слезами на глазахъ разсказала домашнимъ о видѣнномъ. Погоревали семейные и перестали.

Прошло времени семь лѣтъ и начали забывать дочь.

Вдругъ въ это время является зять и приглашаетъ бабушку въ повитухи при родахъ внучки, которая, говоритъ зять, ходитъ въ последнемъ времени беременности. Сѣла бабушка въ экипажъ зятя и уѣхала. Доѣхалъ зять до той же рѣки и спустился въ воду. Бабушка успѣла только ахнуть, какъ очутилась въ рѣкѣ, но не утонула; тамъ, въ водѣ, такая же дорога, какъ и на сушѣ. Ѣхали, ѣхали—подъѣхали къ большому дому; вылѣзли изъ экипажа и зашли въ домъ. Тамъ провели бабушку въ комнатку ея внучки, и онѣ бросились въ объятья другъ другу. Пришло время родить. Истопили баню. Беременная разрѣшилась и бабушка приняла младенца. Ушли онѣ въ баню, а тамъ другія женщины дали бабушкѣ стклянку съ мазью вымазать ребенку глаза, при чемъ предупредили бабушку, что мазью этой не должна она мазать себѣ глаза, иначе де ослѣпнетъ. Когда въ банѣ никого не было, бабушка вымазала правый глазъ и вдругъ совершилось чудо: бабушка стала ходить въ водѣ и по водѣ, какъ особенное животное. Нагостившись у внучки, она начала собираться домой. Зоветъ съ собой и внучку, но та говоритъ, что ей идти къ нимъ нельзя; ходите де сами чаще. Стала прощаться бабушка со сватьями и сватовьями, но они ее не пускаютъ пѣшкомъ: «запряжемъ,» говорятъ, «телегу». Запрягли телегу и отправили бабушку.

Дома разсказала бабушка о житьѣ-бытьѣ внучки, о гостьбѣ у сватовей, расхвалила ихъ какъ нельзя лучше и семейные не могли надивиться.

На другой день бабушка ушла въ лавку за покупками. Вошедши въ лавку, она спрашиваетъ торговца о цѣнѣ товара, но ее никто не видитъ. Оглядываются туда, сюда—нѣтъ никого.

— «Что за диво,» говорятъ лавочники. «Кто это говоритъ?»

Догадалась бабушка, что чужимъ она невидима и что невидимкой стала она отъ мази. Взяла она изъ лавки, что ей было надо безъ денегъ и ушла домой. Рада радехонька была бабушка, что все взяла даромъ.

Въ слѣдующій день опять она ушла въ лавку. Въ лавкѣ видитъ людей, выносящихъ и укладывающихъ въ телѣгу товаръ.

— «Куда везете товаръ?» спрашиваетъ бабушка.

— «Другому купцу,» отвѣчаютъ люди и спрашиваютъ ее, какъ она видитъ ихъ?

— «Такъ и вижу, какъ вы видите,» отвѣчаетъ бабушка.

— «Которымъ глазомъ?»

— «Правымъ».

Тогда одинъ подошелъ къ бабушкѣ и вырвалъ у ней правый глазъ, и тутъ опять совершилось чудо: бабушка стала всѣмъ видима, а лѣвымъ глазомъ не стала видѣть выносящихъ изъ лавки товаръ. Завыла бабушка отъ боли въ правомъ глазу и пошла домой кривая. Тогда только и догадалась она, что это были вумурты, у которыхъ, можетъ быть, и гостила она, но почему-то не спознала ихъ.

Теперь скажемъ кое-что о вумуртахъ. Вумурты эти перевозили товаръ изъ лавки въ лавку. Кто вѣровалъ въ вѣру вумуртовъ, тому изъ лавки невѣрующаго таскали они товаръ, и таскали только тотъ товаръ, который былъ положенъ неблагословясь, т. е. безъ молитвъ. Такимъ образомъ товаръ переходилъ изъ лавки въ лавку и отъ этого одинъ купецъ бѣднѣлъ, а другой богатѣлъ (Елиз. Евсѣевъ).

Сказка эта (вотяками она выдается за разсказъ, основанный на дѣйствительныхъ фактахъ) составляетъ отчасти варіантъ таковой же сказки подъ заглавіемъ: «Знакомство мельника съ Вумуртомъ» *).

Нюлэсмуртъ. Мужикъ ушелъ въ лѣсъ стрѣлять дичь. Бродилъ, бродилъ въ лѣсу — дичи нѣтъ. Вдругъ увидѣлъ онъ нюлэсмурта, сидящаго на ели со сломанной вершиной и плетущаго себѣ лапоть. Нюлэсмуртъ самъ огромной вышины, выше самаго лѣса. Подъ елью дымится костеръ.

— «Что тебѣ нужно?» спрашиваетъ Нюлэсмуртъ.

— «Я ищу разную дичь, да не могу видѣть», говоритъ охотникъ.

— «Какъ твое имя?»

— «Мимъ (мимъ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ прошлый годъ)».

Охотникъ хотя и боится, да дѣлать нечего—не убѣжишь. Стоитъ онъ у разведеннаго костра и ждетъ что будетъ дальше.

Нюлэсмуртъ сплелъ лапоть и говоритъ охотнику:

---

*) См. «Вотяки Сосновскаго края» въ Запискахъ И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XIV, вып. 2, стр. 113 и 114.

— «Здѣсь у огня мы будемъ спать».

— «Ладно», говоритъ охотникъ, «переночуемъ».

Легли спать и ведутъ между собой такой разговоръ:

— «Когда ты уснешь, оба ли глаза закроешь»? спрашиваетъ нюлэсмуртъ.

— «Когда я буду спать, одинъ глазъ будетъ закрытъ, другой—нѣтъ», отвѣчаетъ охотникъ.

— «А у меня оба глаза будутъ закрыты и изо рта пойдетъ пѣна», говоритъ нюлэсмуртъ.

Легли спать.

Охотникъ одинъ глазъ закрылъ, другой нѣтъ и смотритъ незакрытымъ глазомъ на нюлэсмурта. Нюлэсмуртъ тоже смотритъ на него и говоритъ самъ съ собой:

— «Уснулъ или нѣтъ — не узнаешь, одинъ глазъ закрылъ, другой нѣтъ. Можетъ быть уснулъ».

Убѣдившись, что охотникъ спитъ, нюлэсмуртъ взялъ желѣзный прутъ и положилъ его въ огонь, а самъ, закрывши оба глаза, уснулъ. Вскорѣ изо рта его пошла пѣна.

Охотникъ понялъ, что нюлесмуртъ хочетъ прожечь его желѣзомъ. Всталъ онъ осторожно, чтобы не разбудить нюлесмурта, положилъ на свое мѣсто полѣно и закрылъ его своимъ сукманомъ (халатъ изъ сѣрой овечьей шерсти), затѣмъ отошелъ въ сторону и зарядилъ ружье липовой щепкой. Смотритъ онъ изъ за деревьевъ на спящаго нюлесмурта, направивши на него дуло ружья, чтобы, въ случаѣ злаго намѣренья, застрѣлить его, а онъ слыхалъ, что нюлэсмурта можно застрѣлить только липовой щепкой. Вотъ видитъ онъ, что нюлесмуртъ всталъ; взялъ раскаленное желѣзо и прожигаетъ имъ полѣно, говоря:

— «А, попалъ»!

Онъ думалъ, что подъ сукманомъ лежитъ охотникъ, между тѣмъ онъ въ сторонѣ и въ случаѣ чего можетъ убѣжать.

Закипѣла злость въ груди охотника и выстрѣлилъ онъ въ нюлэсмурта. Пуля попала ему прямо въ сердце.

Кричитъ нюлесмуртъ на весь лѣсъ, такъ что лѣсъ дрожитъ. Услыхали крикъ его другіе его товарищи; прибѣжали къ нему и спрашиваютъ:

— «Что сдѣлалось съ тобой»?

— «Застрѣлили меня».

— «Кто»?

— «Мимъ».

— «О, мимъ api-сь ужезъ кызь шедьтотъ, т. е. прошлогоднее дѣло какъ найдешь (обнаружишь)? Товарищи его думали, что застрѣлили его въ прошлый годъ, потому что мимъ значитъ прошлый годъ, а они не знали, что охотника зовутъ мимъ.

— «Сейчасъ застрѣлилъ меня Мимъ, а не въ прошлый годъ», говоритъ Нюлэсмуртъ.

— «А зачѣмъ сказываешь мимъ»?

Но нюлесмуртъ уже не могъ говорить. Такъ и не могли добиться толку, кто, когда застрѣлилъ нюлэсмурта.

И околѣлъ нюлэсмуртъ, а товарищи его разбѣжались (Елизаръ Евсѣевъ).

Лиса и заяцъ. Лиса сдѣлала себѣ избушку ледяную, а заяцъ— лубяную. Пришла весна и избушка лисицы растаяла, а у зайца нѣтъ.

Идетъ лиса къ зайцу и говоритъ:

— «Пусти меня, зайчикъ, въ избушку грѣться».

— «Иди, лисанька, грѣйся», говоритъ зайчикъ.

Заяцъ пустилъ лису и лиса чрезъ нѣсколько времени выгнала изъ избушки хозяина—зайца.

Идетъ заяцъ и горько плачетъ. Встрѣчается съ нимъ свинья и спрашиваетъ:

— «Зачѣмъ ты, заинька, плачешь»?

— «Выгнала меня изъ своей избушки лиса; теперь негдѣ мнѣ жить».

— «Пойдемъ, зайчикъ, выгонимъ лису».

Пришли они въ избу и свинья гонитъ лису.

— «Убирайся, тупорылая, грязная; не видала я вашего брата!» кричитъ лиса.

Испугалась свинья и вонъ изъ избушки.

Идетъ зайчикъ и опять горько плачетъ.

Встрѣчается съ нимъ домашній пѣтухъ и спрашиваетъ.

— «Зачѣмъ ты заинька плачешь»?

— «Выгнала меня изъ моей избушки лиса; теперь негдѣ мнѣ жить».

— «Пойдемъ, заинька, выгонимъ лису».

— «Гдѣ тебѣ выгнать ее! Гнала свинья — не выгнала, а ты ужъ подавно не выгонишь».

— «Я вѣдь не свинья, — пѣтухъ; меня всѣ люди слушаются и черти боятся. Лишь запою утромъ, всѣ соскакиваютъ съ постелей и говорятъ: пора вставать! а бѣсы меня боятся хуже острого ножа».

— «Если выгонишь — пойдемъ», согласился зайчикъ.

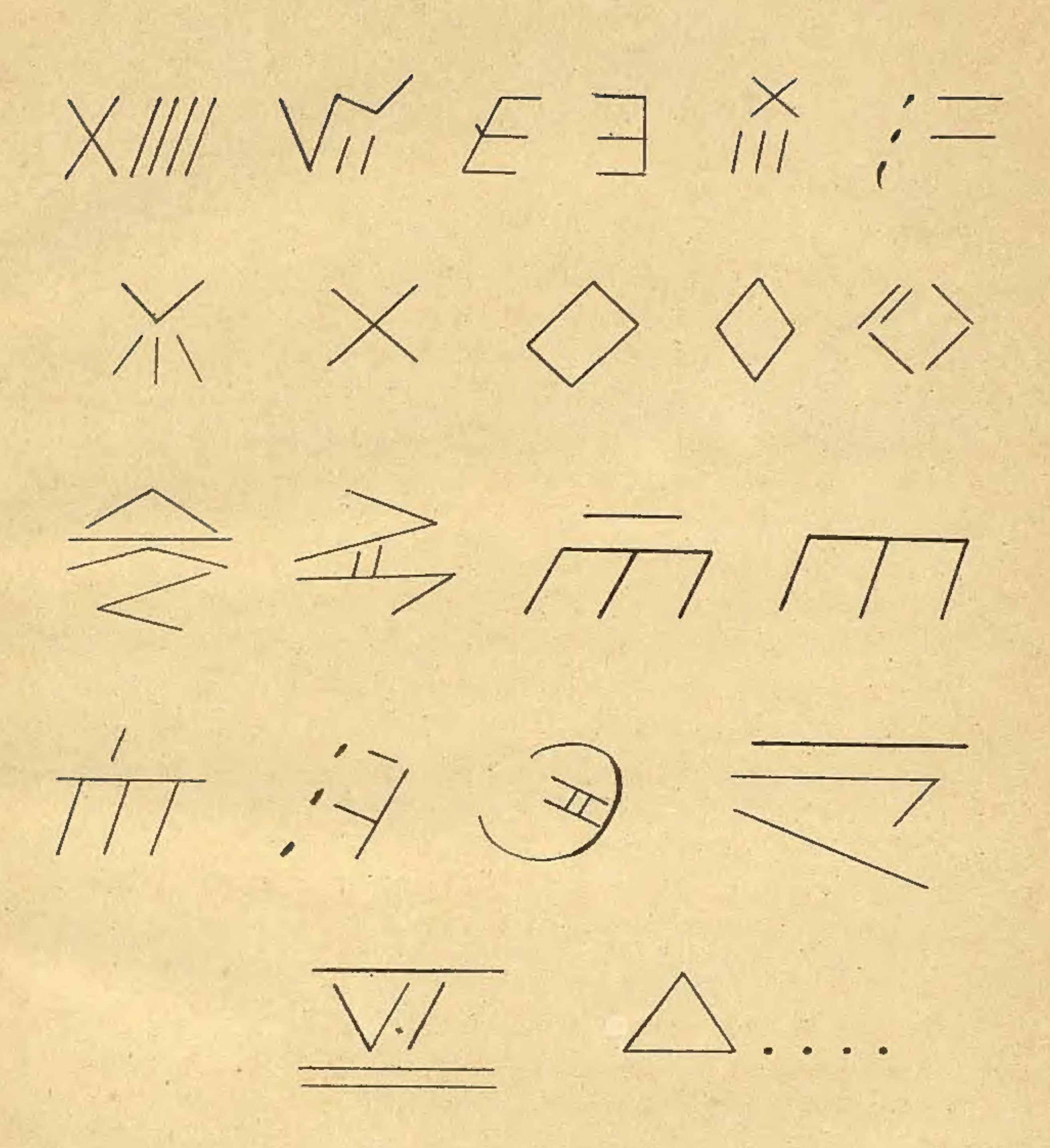
Зашли въ избушку зайца и пѣтухъ, взлетѣвши на брусъ, запѣлъ: «кукуреку!!! оба глаза вырву, носъ оторву. Убирайся долгохвостная лиса»!

Лисица испугалась, однако все еще лежала въ переднемъ углу. Пѣтухъ слетѣлъ и прямо на лису. Клюетъ лису и хлопаетъ крыльями.

Лисицу только и видѣли.

Поблагодарилъ зайчикъ пѣтушка и вдобавокъ накормилъ его еще лепешками.

Къ стр. 69

Семейныя тамги Вотяковъ села Завьялова.

НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
69	таблица 1	таблица
95	невозможнымъ	невозможнымъ?
121	лишеннымъ	лишенъ

